

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Виктор ШУЛИКА
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

И. о. главного редактора
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Элёр МУРОД

Редакторы:
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Абдулхамид АБДУВАЛИЕВ

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ...

Рассказ

Всчески Рисолат пыталась отвадить сына от чтения: увещевала, уговаривала, молилась, давала нищим и убогим подаяния, пожертвовала барана святому Бахавитдину – не помогло. Тогда зачастила к колдунам, надеясь на заговоры. Но Мурад по-прежнему запирался в балахане и читал не только днем, но и ночью, при свете лучины. Порой он прибегал к матери и, потрясая книгой, делился с ней очередным откровением. В ответ она горестно вздыхала или ругалась.

проза

Рифат ГУМЕРОВ

Как датский принц, я одинок...

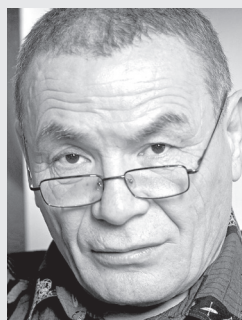
Как датский принц, я одинок.
И на моих дверях – замок.
И в запустении мой замок...

А я – среди фамильных рамок
Портретов всей моей родни...

Воспоминания одни
По замку бродят сквозняками...

И чуждятся твои шаги –
От них расходятся круги,
Как будто в память брошен камень...

ПОЭЗИЯ

Эльмира ГЮЛЬ

философия искусства

ВСЛЕД ЗА ВЕСЕННИМИ ОБЛАКАМИ

Итак, самые ранние сохранившиеся образцы «облачных» тканей происходят из таких географически удаленных друг от друга мест, как Йемен и Восточная Азия, но можно быть уверенным, что этот вид текстиля был неотъемлемой частью культуры многих государств. Во всяком случае, связанная с ним техника резервного крашения была известна не только в Японии и на Ближнем Востоке, но и в Западной Африке, в странах Средней и Юго-Восточной Азии, в Китае, Латинской Америке (доколумбовые Перу и Гватемала, а также Мексика, Сальвадор, Эквадор, Боливия, Чили, Аргентина), что говорит о ее возможно самостоятельном возникновении в разных частях земного шара.

проза

Лариса БАУ

ПОСЛЕДНИЙ СТАРИК

Повесть

Он привык думать о себе как о части механизма всеобщей жизни. Она колыбалась перед ним прохладным ветром, сиянием неба. Бежал, отбрасывало назад – снова бежал. Бо-
ялся думать, что летит в пропасть и не за что схватиться, и не за кого.

Вот остановился в старости, осторожно под ноги посмотрел: вроде твердо, пылью припорошено, но потоптаться можно.

ПОЭЗИЯ

Саги САГИДАШ

Переиначь все страхи на стихи...

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, что б я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ишу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

философия искусства

Юрий МОРИЦ

ОГОНЬ, ПРОСИЯВШИЙ НАД МИРОЗДАНИЕМ

(лирический роман о последней любви А. Фета)

В любви, о которой поет Фет, объединяются земля и небо, радость взаимного обладания и одухотворенный полет творчества, наряду с искусством любовь – это возможность истинной жизни духа. Любовь принимает форму жреческого служения красоте, носит отчасти абстрактно-символический характер. А вот в рассматриваемом цикле поэт возвращается с небес на землю, где его земная любовь развивается по законам эстетического отношения к жизни, принципы которого были для Фета незыблемыми.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- Анна БУБНОВА.** Не превращай меня в слова.12
Рифат ГУМЕРОВ. Как датский принц, я одинок.34
Саги САГИДАШ. Переиначь все страхи на стихи...79

ПРОЗА

- Лариса БАУ.** Последний старик. Повесть.5
Абдулхамид АБДУВАЛИЕВ. Преданья старины глубокой...
Рассказ.16
Шухрат БАТЫРОВ. Встреча. Рассказ.70
Даниэль ВАСИЛЬЕВ. Операция «Ять». Сказка.140

ПЕРЕВОДЫ

- Мухаммад АЛИ.** Амир Темур Великий. Роман-эпопея.
Книга третья. Мираншах Мирза. С узбекского языка
перевод автора.40
Адхамбек АЛИМБЕКОВ. Не возразишь... Перевод с
узбекского Шахло Касымовой.149

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Владимир ФЕТИСОВ.** Педагогическая поэма Всеволода
Лубенцова.61
Рубен НАЗАРЬЯН. Они были первыми.124

НОВЫЕ ИМЕНА

- Абдужалол РАХИМОВ.** Махлиё. Рассказ. Перевод
с узбекского Ойдин Жаркинбаевой.103
Елена БУРОВА. За все в ответе...113
Ирина РАЗИЛОВА. Альтернативные сюжеты.131

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Эльмира ГЮЛЬ.** Вслед за весенними облаками.92
Римма РАДМАН. «Казус Вагнер».107
Владимир КАРАСЁВ. Шерстяная нить и лабиринты эпох.
Эссе.116

ПОЗДРАВЛЯЕМ

- Высокое служение литературе.84

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Галина ШВЕДОВА.** Архитектоника современного
рассказа.64
Юрий МОРИЦ. Огонь, просиявший над мирозданием.88
Владимир АВДОНИН. Сатирические персонажи
Владимира Войновича.134
Рафаэль АХМЕДОВ. Звёздный скиталец из Хивы.144

- Глазные капли от Алексея ГВАРДИНА.**83, 102, 106,
123, 130, 148

На 2-ой странице обложки журнала изображения абровых
тканей.

На 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала гобелены Милены
Тюриной.

Звезда Востока

2017 № 6

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05.02.2016 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Ислама Каримова,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Мадина Абдуллаева

Подписано в печать 18.12.2017 г.
Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 700 экз. Заказ

Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «SILVER STAR PRINT».

г. Ташкент, Учтепинский район,
кв-л 22, д. 17.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

проза

ПОСЛЕДНИЙ СТАРИК

Повесть

Они собирались на пустынной площади.

Летом воздух был горячий, шершавый песочной пылью. От жары облетали сморщенные листья, кружились по земле, замирали колкой непрочной стаей.

В сумерках с гор прилетал холодный ветер, тревожились птицы в широких кронах, но к ночи он замирал, и возвращалась духота.

Тишину нарушали шикады, никуда не спрятаться от них: они проникали в глаза, в нос, будто толпились в голове, бились изнутри. Казалось, их можно выдохнуть, выкрикнуть, и тогда они улетят темным дрожащим облаком, растворятся в небе, и наступит покой.

Постепенно привыкая к их звуку, можно было отвлечься, услышать журчание арыка, прохожий разговор, дальний лай собак во дворах. Изредка проезжали машины, и вновь наступала свистящая тишина.

Им, молча сидящим на площади, казалось, что это единственное место, где уже никогда ничего не произойдет. За этим чувством и приходили туда – за покоем.

В их жизни много всего произошло. И обманутое сердце было, и нелепые мысли, и невозвратное мгновение. Их жизнь – цепочка таких невозвратных, сожаленных, покаянных событий.

И палачами побывали, и жертвами, и сторонними молчаливниками успели.

Их разговоры давно смолкли. Не получалось задушевности, каждый разговор переливался в воспоминания. Опасные воспоминания. А как бывшими врагами окажутся? В такое время жили, нельзя было без врагов.

Вот он ловко сесть помог, мой костыль рядом пристроил, а раньше? Может, конвоир привычный? Чтoб не споткнулся кто лишний раз, в товарняк загружаясь в спешке, умел подсадить, на место определить.

Были уже такие – равнодушные. Вопросы задавали про кто виноват и как случилось. И костылями дрались, и плевались табачной слюной, и песком швырялись в глаза, копошились в пыли, силились встать сами,

ЛАРИСА БАУ

Родилась в Казани в 1953 г. Детство провела в Ташкенте. По образованию прикладной математик, большую часть жизни работала научным иллюстратором.

Живет в США. Автор множества публикаций.

без помощи. Надеялись почувствовать силу или гордость в мести. Не получилось. Милицию звали, растаскивали инвалидный драчливый клубок, утирали кровавые носы. Зачерпнув воды из арыка, умывали милосердно.

Кричали: «А ты моих кормил? Зачем у них хлеб отнял?»

Отнял кусок, украл на барже, в камере, на этапе, в бараке...

Собирал крошки на мерзлой земле, варежки с умирающего стянул.

«Ты, и ты, и ты!» – «Нет, это не я, и не я...»

Кто не примирился с концом жизни, когда в лагерь попал? Зачем трепыхался? Чтобы продлить еще день этого унижения и муки?

Верил, что вырастут мгновенные крылья, – и через забор махнешь? На свободе опасно бочком пробежишь в щели схорониться до лучших времен?

И вот они, лучшие времена, сидишь тут, облегченный лекарствами, костылем, пенсией. Угол с лежанкой имеешь. Не бьют тебя, по отчеству зовут, ордена вешают на грудь...

Раз – и нету ада, навсегда теперь или потом прибудет? Когда еще потом...

А вот сейчас, оказалось.

Возвращалось адское братство в раю – здесь, на пыльной площади. Молчанием, недоверчивым взглядом, немощью. Сколько ни старайся, наступят на горло грехи, наваяются бессонной ночью.

Не изображай невинного. Нет невинного в этом мире. Ты уже успел участвовать.

Думал, не переживешь муки, вот сейчас жизнь оставит тебя, а что сделал, чтоб пережить? От куска отказался? Под вертухавой палкой не встал? Остановил дыхание? Нет ведь. Сжимался, охал, ждал, когда устанет бить и встанешь, осторожно потрешь ноющие места, воды хлебнешь, отдышишься. Зачем?

Ну вот, дождался рая, размяк вечерней сухой жарой, пережил одну вечность, начал другую?

Доволен, да?

Скоро наступит облегчение памятью, уже забываешь чай в стакане допить, порошки от давления, ключи.

Когда старое забудешь? Газетку в рваных калошах? Стук железной миски на зубах? Сломанные ребра? Дырку в мешке с зерном, когда сам голодный поднять не смел, но на чужую руку протянутую наступил?

Не-е-ет, это лезет, лезет в глаза, в уши, в носу свербит, изнутри лезет. Что сделать? Голову расковырять, вытащить оттуда, как оно выглядит? Жилами? Кашей? Комками? Само вывалится или ногтями отскребать?

Куда эту грешную память деть?

В чем твоя жизнь сейчас, чтоб не прекратить ее легко – ударом в висок и или в воду головой? Ведь побудешь тогдашним мертвым на площади в тишине, а потом на диван свой скрипучий – глаза в потолок, и они придут, тут же набегут греметь в ушах голодным воем, вертухайным окриком, во рту баландой, в руках стылым железом...

Вот лежишь на диване – стучит внутри обиженный великий уравнитель, ждет рассвета.

В лагере ночи ждал – провалиться в сон, а тут – суеты ждешь, чаю попить, мух прогнать.

Обмахиваешься нестрашной газеткой, ждешь вечерней прохлады.

И так каждый день...

Собираясь там, они растворялись своей отдельной жизнью в общей тишине и немощи. Благодатна была немощь старости – как оправдание, забвение, как надежда на прощение.

А потом возвращались в свои жизни, где ничто не ушло: ни крик, ни выстрел, ни удар, ни кровавый плевок. Шарили палкой по песку, поднимаясь со скамейки, медленно нащупывали, куда поставить ногу, опереться осторожно, чтобы не отдалось в спине, не закружилась голова, не обдало горячей потной волной.

И медленно шли, шаркали растоптанными ботинками. Кончался песок аллеи, начинался асфальт, цокали костылями, свистело тяжелое старое дыхание.

Отворить калитку, еще пройти через двор, не разбудить соседей.

Вернуться в душную комнату.

Привычный запах книг, пыльных старых вещей, тяжелых штор.

Присесть на диван и медленно лечь, не выдавая себя скрипом пружин. Смотреть в темный потолок.

Изредка в щель между шторами пробивался быстрый свет проезжающих машин. На веранде поблескивал чайник, клеенка стола, освещенные тусклой лампочкой во дворе. Слышно было, как бьется сердце в покое узилища.

Казалось по молодости лет, что вырваться можно из всего – из тела, из слов. Ветер в лицо как свобода, как полет. Нет, заковало оно со временем, сгорбило, скрючило, заперло.

Бессмертно это старое тело, его сухие морщины, желтые слоистые ногти, легкое дрожание рук. Бессмертно повторением, увяданием каждой жизни, будь то лист или червяк. Уходит из него жизнь высыханием.

А душа – она смертна. Она заканчивается приказом сухого тела: «Вон из меня, настырный беспокойный временщик, не тревожь больше! От тебя, от твоего нетерпения пульсирует кровь, стучит в голове. От тебя, душа, и горе, и отчаяние, и бездна внутри. Уйди, освободи меня!»

Да, был я такой дурачок, правый в молодости, сомневающийся потом, покайный в старости.

За занавеской в глубокой темноте комнаты спала старуха с внучкой.

Они помещались в неширокую железную кровать с продавленной сеткой, внучка скатывалась под бок, старуха боялась придавить ее своим грузным телом, спала чутко, часто просыпалась.

В комнате стояла тишина, окно выходило в глухой переулок, почти всегда занавешенное тяжелой зеленой шторой. В комнате всегда было прохладно, даже в жару. Открывали только форточку – проветрить. Окно было с широким подоконником, все в ромбовидной решетке, на пересечениях выдавлен штамп «Штепперъ и С°».

Весь дом принадлежал когда-то купцу. После революции разделили на квартирки, комнаты. Даже кухню – большую зимнюю купеческую кухню с кладовками – разделили на три жилые комнаты.

Жители менялись часто: распределялись по тюрьмам, расстрельным рвам, лагерям, потом на войну ушли. А сейчас или помирают, или в новые квартиры переезжают. Говорят, сломают дом, расширят улицу, пустят трамвай.

Старики с внучкой переедут, заживут широко. Будет своя ванная – не колонка во дворе, когда зимой вода замерзает на галошах.

Старуха просыпалась, садилась тихонько на край, внучка скатывалась в середину, раскидывалась, чувствуя простор.

В комнате тикали часы, на диване ворочался старик, к утру начинали чирикать птицы, и сосед фыркал под струей холодной воды из колонки – он вставал рано, затемно еще.

Старуха поднималась, нащупывала тапки и шаркала на веранду – ставить чайник на керогаз.

Занимался сизый рассвет, подрагивали листья на деревьях, из темноты двора выступали очертания колонки, стола с навесом, двух длинных лавок вдоль него, ступеньки, и, наконец, окно чердака оживало ярким лучом.

Начинался новый день, такой же, как и вчерашний, – умыться, завтрак, газета, прогулка в парке, стирка, обед...

Старуха привыкала не бояться разворачивать газету: новости были приятные: урожай, визиты партийных, успехи, успехи... Враги были далеко, за границей, охраняемой бравыми солдатами и собакой Джульбарс. Вроде как не было внутри врагов уже, среди соседей или семьи.

Дома разговаривали мало. Внучка была молчаливая, неприветливая девочка. Читали ей книжки, потом сидела сама, сочиняла себе, бормотала под нос. Принеси, купи, мой руки, суп, чай, хлеб нарежь – вот и все разговоры.

Прошрое не вспоминали, будущего опасались, старуха ругалась иногда – визгливо, громко, но быстро остывала.

Старику было легче с чужими. Они не спрашивали почему, зачем, как и что потом. Принимали молча. С благодарностью, или страхом, или ненавистью. Подчинялись, шли рядом.

В семье он терялся. В молодости старуха была требовательная, истеричная.

Их дочка родилась в двадцать седьмом году.

Взрослея в тяжкое время, она была сдержанная, себе на уме, казалось, четко делила мир на внутри дома и вне. Внутри – она понимала, что от нее ждут, но не любила домашнюю жизнь, скучную для ее сметливого ума.

Простота дома была пугающая. Все правильное было ясно, как только что-то таилось за – оно четко входило в категорию неправильного и стыдного. С которым поймают. И с этим надо будет жить потом.

Каинова печать на всем: на лишней конфете, мелком вранье, нечаянном касании – навсегда.

Осуждение родителей, иногда ею же придуманное, отдаляло ее от сверстников.

Она присматривалась к миру вне дома осторожно, чувствуя, что у нее нет навыков поладить с ним. Избегала участия, терялась, нащупывая ногой капкан, училась уходить не поднимая глаз.

Она хорошо училась, исправно доносила учителям.

Другие влюблялись, прогуливали уроки, дерзили. Она наблюдала, впитывала повадки, приемы жизни.

Бессонными ночами представляла себя влюбленной красавицей, или героиней-парашютисткой, или танцовщицей из немецких фильмов.

Ей было достаточно своих мечтаний, она отказывалась от редких приглашений в кино или прогулок. А вдруг надо будет целоваться, а она не сумеет? Она боялась себя, не доверяла неожиданностям.

Потом, потом будет жизнь, а сейчас учиться, вязать варежки красноармейцам, читать, штопать чулки. Штопала филигранно – сама любовалась, мать хвалила.

А вот варежки выходили хуже, там нужно было вывязать указательный палец для курка, уродливый палец получался, слишком узкий или короткий. На выставке подарков армии ее варежки не хвалили, закладывали в дальний ряд. Это злило ее: я вам покажу, я сделаю.

Зато ее рисунок пограничника с собакой отправили в столицу. В семье тревожились: лицо у пограничника вышло некрасивое, бровастое – не среднее лицо. Такими врагов рисуют, чтобы видно было – не наш человек, не русский.

Тогда уже стали бояться, газеты пугали: каждый день – новые враги. «Шпионы», «дезертиры», «провокаторы», «саботажники» – эти слова неслись из радио. Уже дети играли во дворах: «Ты саботажник, я тебя расстреляю, пах-пах...»

Старик вспоминал, как дрожали руки жены – вытирала клеенку, крошки посыпались из ладони: его бывший командир, друг – «шпион», «признался», «расстрелять»...

– Только молчи: ему не поможешь, а нас всех заметут. Только молчи!

И молчать не помогло. И не молчать не помогло.

Все силы вложили в дочку. Университет, диссертация, три языка.

И вот уже при Хрущеве ее не пустили в Рим на конференцию. Ее доклад приняли, напечатают, а саму не пустили. Она писала родителям: из-за репрессированного отца. Спрашивали в комитете, когда, как, где... Как будто не знали, не записано у них в тысяче мест на всякий случай. Все родственники помечены.

Объясняла: реабилитирован, восстановлен в партии.

– Мы не реабилитировали.

– Но и не вы арестовывали.

– Мы доверяем поколению наших родителей.

– Так выяснилось же, что оно ошиблось, вот бумага о реабилитации.

– Вы слишком много разговариваете. Ну как вас за границу пускать? В капиталистическую страну, где все враги! И вообще, почему у вас все аспиранты иностранцы?

– Потому что я единственная на кафедре, кто на трех языках говорит.

– А зачем вам столько языков? Кто вас учил разговаривать?

– Вам рано ехать за границу, вы еще недостойны нашу страну представлять.

Старик переживал: «Вот, дочери навредил...»

Как, где разорвалась эта нить правильной жизни с целью и постепенством к ней? Кто разорвал?

Он привык думать о себе как о части механизма всеобщей жизни. Она колыхалась перед ним прохладным ветром, сиянием неба. Бежал, отбрасывало назад – снова бежал. Боялся думать, что летит в пропасть и не за что схватиться, и не за кого.

Вот остановился в старости, осторожно под ноги посмотрел: вроде твердо, пылью припорошено, но потоптаться можно.

Отвлекал себя: стулья принес, рояль вкатили, ножку ему новую выпилил, покрыл ваксой. Булькает еда на керосинке, газету разворачиваешь утром – уже не страшно даже. И вдруг кольнуло прошлое – дочка теперь платит. Дочь врага народа, бывшего. Печать на лбу.

Сын – ладно, уже крест поставил на нем. С войны пришел нетрезвым да так и живет. Пропаший мужик, иногда пишет телеграммы – вышли денег. Мотается где-то, фотографирует для газет вроде, ни кола ни двора, уже лет пять не видел его.

Старуха плачет иногда: неправильно жили.

А как правильно? Куда там втиснуть неведомое правильное?

Ведомое налицо было: пионеры, комсомольцы, всегда в строю дети, письма вождям на день рождения: спасибо и долгих лет жизни... Долгая жизнь была у вождей их стараниями. До сих пор продолжается она, нависающая черной плитой над каждым.

Где-то в столице шумит жизнь, прокладывается всенный путь. Светлый, конечно, и мы тут с обочин поддерживаем, укрепляем. Ирисы во дворе посадили, вишни. Побелить ствол весной, собрать урожай осенью, раздать соседским детям. Эти все – соседи, соратники, сокамерники, сослуживцы – толпа за жизнь собралась, каждому отдал часть жизни.

Стреляли, били, теперь орденов навесили. Пионеры с цветами приглашают в школу рассказать о подвигах. Директор нервничает – как бы не прошамкали лишнего старики: смутят детей, и подвиги покажутся не светлы, лишние такие подвиги.

Потом в учительской чай, печенье, пирожные из гастронома. Угошали ветерана.

Каждый раз он тяготился своими словами: как будто не про себя – про него чужого. Да, на фронте ворвался в фашистский дот. Первый. Так сзади смерш шелкал затвором. И не скажешь: «Я был в штрафбате, из лагерей прямиком». Детям десять лет, не надо сложностей. Просто ворвался в дзот, взял их в плен. А потом что? Другой дзот, ворвался...

Клянемся быть достойны – вопили нестройным хором пионеры. Кого? Меня? В какое время моей жизни вы хотите быть меня достойным? Когда раскулачивал? Белых расстреливал? Когда они меня сапогами по лицу били? Когда свои красные сапогами по лицу? Или потом, постепенно из ссылочно-го места в город, один, другой. Наконец большой, почти столица. Вот сейчас, пожалуйста, можете быть достойны: живу невредно. Шлепаю мух газетой, и жизнь других от меня не зависит больше.

Он видел в кино, как работает птицефабрика, как огораживают и заматают в ров цыплят. Бодрый голос диктора: «народное хозяйство», «мясо, витамины тру-дящимся»... Вот они, птенцы, шебуршатся, испуганные, метет их сила, сбивает...

Сколько витаминов каннибалам – его соратники, сокурсники, сотрудники, соседи. И он сам – ускользнул случайно в последний момент на краю рва... Восемь лет лагерей и две войны – всего пятнадцать, из семидесяти пяти не так уж много. А остальные годы? Сколько из них страх, подозрения, лишения? Из семидесяти пяти на жизнь осталось лет десять. Ту самую, для которой создан

«как птица для полета». Сейчас, когда и крылья иссохли, и лететь некуда.

Узнал ли себя, юного, с блестящими глазами в счастливой старости?

Или другого, с маузером, в фуражке, уверенного защитника великой истины?

Или беззубого, в рваном ватнике – узнал?

Не я. И там не я. И тут не я. Сколько таких «не я» безымянных! Где различить их волю и высшую над ними? Того в небесье, который лелеемый, тоже безымянный, страшно имя его?

«Пьер вернулся: Он, поджав ноги и опустив голову, сел на холодную землю у колеса повозки и долго неподвижно сидел, думая. Прошло более часа. Никто не тревожил Пьера... И проговорил вслух сам с собою: “Не пустил меня солдат. Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого – меня? Меня? Меня – мою бессмертную душу!”»

Бессмертную душу? Вот она-то как раз и смертна, душа...

Вечность – она сухая, рассыпающаяся на невидимые пылинки. Но они есть, не исчезают, а время – оно исчезает, оно утекает, журчащее, ускользающее. Душа – вот смысл короткого человеческого времени.

Вот она, временная душа, поток, устремилась вон и покинула свою телесную пустыню.

И гонит ее старческое тело – не бей прошлым, захлебываюсь твоим горячим потоком.

И боится осиротеть. Как это – исчезнешь, покинешь, дух-предатель, оставишь немощным трухлявым комком, рассыплюсь-развеюсь...

Ведь мой след – это ты, твоё колыханье, которое другие узнают и повторяют. Я был, был, был!

Что я без тебя, зачем мне дана безучастная пыль тела?

Нет, не может быть, пусть Страшный Суд, наказание, пусть муки, но вечно, вечно пусть!

Он перестал думать на «сейчас». Как будто смотрел на себя из вагона медленного поезда.

И в голове, и в ушах шумело давно, точно как поезд. Угасал слух, это успокаивало, он не слышал страстных споров друзей, недовольных окриков на свою медлительность, неуверенность. Выходя из дома, он доверял палке, как собаке-поводырю. Осторожно ставил ее в мягкую пыль, на резиновый пол трамвая, на скользкие каменные ступени: не подведи!

Не подвела палка – глухота подвела. Не услышал тархтящую развозку из химчистки. Налетела из-за угла, мгновенно умер – ударился головой.

Дети передрались на стариковских похоронах.

– Ты пил и деньги требовал.

– А ты любимица, все тебе.

По старой злобе передрались – не из-за наследства, сколько там старых тряпок, скрипучих стульев... тонкая сберкнижка и серебряный подстаканник...

Старуха уже не вставала к тому времени. Досталось ей у внуков полежать, недолго пошуршать изношенным телом на самом краю жизни и исчезнуть.

ПОЭЗИЯ

Анна БУБНОВА

Родилась в 1995 году в Ташкенте. Окончила Республиканскую среднюю школу изобразительных и прикладных искусств, Республиканский колледж им. П. Бенькова. Работает в молодежном театре художником-декоратором. Неоднократно публиковалась в периодических изданиях Ташкента.

Не превращай меня в слова

* * *

В параллельной вселенной я, наверное,
забавный седой профессор, пишуший Энциклопедию,
рассуждающий о событийных границах судьбы,
заваривая чай с бергамотом,
подкармливающий стрижей.
Здесь мне девятнадцать,
каждую ночь я смотрю в небо
и мои глаза наполняются звездами;
днем я читаю Андерсена, делаю эскизы углем,
собираю рассыпавшийся кунжут
и называю спираль застывшей в танце прямой.

* * *

по закону своей страны
я имею право хранить отчаяние,
отделяясь скобочкой равнодушия от чужих
одинокств,
принимая за родственность душ схожесть шрамов,
и, довольствуясь этим,
я избавляюсь от многоточия
и надежды.

* * *

Не превращай меня в слова.
Оставь лежать теплой и обнаженной,
светить фонариком в небо,
делиться на ноль.
Не превращай меня в слова.
Я стану частью пейзажа –
ты найдешь дорогу домой.

* * *

Снегопад в комнате
укрывает винтажные стулья.
Снегопад на кухне
наполняет разномастные чашки сказочно-белой солью.
Приподнимая рукой завесу облаков,
как Дали приподнимал плоскость моря,
я вижу мириады зеркал, смотрящихся друг в друга.

* * *

Мы чертили ночами на кухне
Маршруты будущих трипов¹,
Строили вместе бухты
И слушали чаек крики.
Паруса наполнялись ветром
На мачтах нашего брига –
В Норвегии были летом,
Зимой – на пути в Египет,
Зарывшись по пояс в карты
Еще неведомых нам земель.
...Молоды и азартны,
Океаны – наша купель!

* * *

Расплетая волосы, я спою колыбельную,
колыбельной пять тысяч лет.
Засыпай, мой пилигрим,
под молитву апрельскую,
под тягучий, певучий сюжет,
нашептанный ветром лесным.
Я буду гладить пряди карамельные,
пока не придет рассвет.

* * *

Мы стоим на перепутье...
побудь со мной,
забудем
про море,
в котором
когда-то купались древние боги,
грудью впиваясь в волны,
побудь со мной,
побудь с язычником,
желающим заколдовать действительность.

Ты улыбаешься
и делаешь
шаг.

* * *

я принадлежу Вечности,
я ребенок на ее руках.
заключенное в зрачках
предсознание мечется,
бьется пульсом в моих висках.
мысли множатся обнаженные,
дай мне сил их не произнести
и не смотреть никогда
в выхоленные глаза.

¹ Trip (англ.) – поездка

* * *

Когда
любимые надежно спрятаны под травами,
мечты сданы обратно в секондхенд,
мысли аккуратно сложены в шкафу,
пересыпаны шариками нафталина,
мой уставший корабль,
названный кем-то телом,
ложится на дно.
переплавить его еще не поздно,
но зачем?

Вода укроет все.

* * *

Возьми мои руки,
как когда-то под липами,
мы живем под проводами высокого напряжения,
питающимися нашими недосыпами,
голосами хрипылыми,
объятиями липкими.
говорят, влюбленные похожи;
теперь и мы похожи
медленными инъекциями под кожу,
болезненным чувством дороги,
маленькими беззакониями...
только не влюблены.

* * *

В мой город пришел собиратель сказок.
он искал чудеса на мелководьях душ.
он находил.
мне запомнилась глаз его вязкость
и неумение их отводить.
он пел древние сутры,
соскользнувшие с губ слова укрывали плечи.
он вложил мне в ладони тряпичную куклу
и завешал беречь.
все, что у меня есть –
несколько старозаветных кассет,
завязанный на прощанье узелок на запястье
и право смотреть вслед
собирателю сказок.

* * *

В каждой сыгранной мною ноте – ты.
Большие рыжие тыквы растут на заднем дворе,
живут разноцветные коты.
В каждом сказанном мною слове – ты.
В тебе – круги по воде и запах травы.
Мои мечты прозрачно-ясны и яростны,
как прожилки на листе дерева, под которым твои следы...

* * *

Моя чаша пуста.
В ней отдается эхом твоя затянувшаяся фамилия,
(долго еще по слогам блуждать?)
Я зеркало, едва способное отражать
усики муравья.
Мои руки – стены, объятий дуга – залог родства.
Научи меня принимать
ненастье твоих темных глаз
с бездумностью большинства.

* * *

На твоих руках, кажется, оставил след весь город,
на них пыль дорог и чешуйки древесной коры;
с тобою мой запах, впечатанный в поднятый ворот,
как запах грозы;
в желтых зрачках резвятся темные крапинки,
точно дельфины в волнах переливающейся на ветру пшеницы;
точно с истекающих медом пчелиных сот в раздумье тянутся капельки;
и хочется в них забыться;
в твоих зрачках, словно в янтарном чае, прячется летний свет;
пришли мне, восточкой, между строк, кусочек палящего солнца,
горький дым
уничтоженных тобой сигарет.

проза

**Абдулхамид
АБДУВАЛИЕВ**

(1944–2017)

Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Работал доцентом в Каршинском инженерно-экономическом институте. Автор 2 сборников рассказов, более 40 научных и методических работ. Публиковался в журналах «Звезда Востока», «Молодая сила», в альманахе «Молодость».

ПРЕДАНИЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ...

Рассказ

Мама говорила, что дедушке уже восемьдесят лет, он приезжал на своем белой масти с синим отливом осле к нам в Бешкент, привязывал его к абрикосовому дереву, которое росло сразу за воротами. Узнав о приезде дедушки, я выскакивал из дома и кидался ему на шею. От его белой бороды пахло дымом. Выходила мама и отрывала меня от него:

– Дедушке нельзя поднимать тяжести.

Обнимала отца и заводила его в дом. По соседству жила тетя – средняя дочь дедушки, но он всегда сначала заезжал к нам: мама была его старшей дочерью. Мама расстилала для дедушки шелковые курпачи, на дастархане появлялись лепешки, фрукты, спрятанные от меня сладости и чайник зеленого чая.

Потом он шла на кухню готовить лагман.

Дедушка не любил плов: у него выпали все зубы, и он предпочитал мягкие мучные блюда. Из кухни доносились вкусные запахи. Я устраивался на коленях у дедушки и требовал, чтобы он рассказал мне сказку. Дедушка знал много сказок и преданий, но рассказывал не более десяти минут – засыпал. Я расталкивал деда и требовал:

– Дедушка, не спи, продолжай сказку.

Дед, с трудом открывая глаза, спрашивал:

– Где мы остановились?

Я напоминал, и он продолжал рассказывать.

Заглядывала мама и укоряла меня:

– Не мучай дедушку. Он устал, дай ему отдохнуть.

Дедушка обнимал меня и зашивал:

– Он меня не мучит. Мы с ним хорошо проводим время.

Вскоре мы обедали, и потом мама выводила меня из гостиной.

– Дедушка очень старый, его надо беречь. Пусть он немного поспит.

– А потом он расскажет мне сказку?

– Обязательно. А ты пока дай корма и воды его ослу.

Я брал охапку сена из сарая, ведро воды из колодца, нес ослу и ждал, когда проснется дедушка. Но,

проснувшись, дедушка отправлялся к тете, и мне оставалось считать дни до его следующего приезда.

* * *

Мой прадед родился недоношенным. Люлькой ему служила шапка-ушанка, в ней его подвешивали к потолку, чтобы новорожденного не съела кошка. Ворожея, к которой обратилась прабабушка Рисолат, чтобы та предсказала судьбу младенца, предрекла, что у ее сыночка будет долгая и счастливая жизнь. И еще она нагадала, что он создаст... тут она замялась, не найдя нужного слова, – одно из чудес света.

– Что именно? – спросила прабабушка.

– Оно мелькнуло у меня перед глазами и исчезло. Что-то, связанное со знаниями или... с книгами.

Младенца назвали Мурадом, к нему прилепилась кличка чала – «недоношенный», хотя к трем-четырем годам он и ростом, и силой не уступал сверстникам.

Прапрадедушка Хаитмурад хотел, чтобы его единственный сын был грамотным, умел читать и писать. Прапрабабушка Рисолат этого не хотела. Что-то смущало ее в предсказании гадалки. Она не хотела, чтобы он выделялся среди односельчан, но воспротивиться воле мужа не смела.

Когда Мурад подрос, прапрадедушка попросил муллу Сайфулло обучить Мурада грамоте.

– Мясо ваше, кости наши. Если будет отлынивать от учебы или озорничать, порите его нещадно.

Муллу Сайфулло лишь улыбнулся в ответ. Он не собирался пороть сына уважаемого Хаитмурада и полагал, что двух лет будет достаточно, чтобы мальчик, как и другие его ученики, обучился читать и писать, заучил суры из священного Корана, познакомился с основами шариата... Но через полгода мулла пришел к отцу Мурада и попросил его забрать сына.

– Что случилось? – удивился прапрадедушка. – Неужели он оказался таким нерадивым и непослушным? Да я его... – Хаитмурад схватился за ремень.

– Нет! Нет! Не спешите! Просто мне уже нечему учить Мурадждана. Он превосходно пишет и читает, заучил наизусть чуть ли не весь Коран, знает шариат.

– Разве это возможно? – с недоверием спросил Хаитмурад.

– Редко, но бывает. Он очень способный мальчик.

– Что вы говорите! – продолжал удивляться прапрадедушка. – В самом деле?..

– Да, да! Читает и пишет не хуже меня.

Прапрадедушка тут же вынес из дома шелковый халат и накинул его на плечи наставника, потом выбрал из отары самого жирного барана и сказал Мураду:

– Отведи его в дом своего учителя.

Муллу Сайфулло стал отказываться от барана, но прапрадедушка настоял, чтобы наставник принял благодарность.

– Как быть с его будущей учебой? – спросил Хаитмурад.

– Можете послать Мурадждана в Бухару учиться в медресе. Но он еще молод... его образованию сейчас помогут книги. Мой вам совет: покупайте их сыну время от времени. Он любит читать, думаю, у него большое будущее, – сказал на прощание мулла.

В ближайший базарный день Хаитмурад отправился с сыном в Карши и купил на рынке книги по выбору сына и красивый сундучок для них. Ежемесячные

поездки за книгами доставляли отцу и сыну несказанную радость.

Скоро книги, количество которых увеличивалось, перестали помещаться в сундучке. Хаитмурад собрался было купить Мураду сундук вместительней, но пользоваться им было неудобно: при поиске нужной книги надо выкладывать другие из сундука. Отец предложил Мураду сделать полки и поставить книги на них. Но одна только мысль, что книги могут трогать чьи-то грязные руки, раздражала Мурада. Пустой жилой комнаты, где можно было бы оборудовать библиотеку, не было, а подсобные помещения для книг не годились. Мурад ломал голову, как ему быть, и тут его взгляд упал на балахану, где летом сушили виноград, осенью и зимой хранили сено для скота. Если ее отремонтировать и установить окна и дверь, она вполне подойдет для библиотеки. Хаитмурад идею Мурада не одобрил – куда девать сено? Да и хлопоты с переделкой были некстати: отец и мать втихомолку готовились к свадьбе сына. Но, взглянув в умоляющие глаза Мурада, отец согласился. Мурад сам перетаскал сено из балаханы под айван, заново помазал стены, попросил знакомого столяра изготовить и установить окна, дверь, соорудить полки вдоль стен, маленький сандал, чтобы в холодное время можно было читать, не выходя из библиотеки, запасася лампой и маслом для нее. Когда он расставил здесь книги, это был самый счастливый день его жизни. Под книги Мурад постелил полотно, а сверху накрыл их ситцем. Он пригласил отца, и родитель остался доволен увиденным.

Балахана была теперь владением Мурада, куда ни друзей, ни родственников он не пускал, а иногда оставался и ночевать там. Число книг с каждым годом росло, Мурад с упоением читал о далеких странах, других народах и их обычаях, о героях прошлого, о морях и океанах, персидские и арабские сказки и еще много интересного. И книг ему было все мало и мало.

Теперь все свободное время Мурад проводил в балахане. Он с трепетом читал старинные фолианты, замирал от удовольствия и изумленно восклицал над поразившими его страницами, порой проливал слезы или хохотал до упаду, становился задумчивым и никого не замечал вокруг, разговаривал сам с собой, потом умолкал, безумными глазами глядел на взрослых. И если отца такое поведение сына не беспокоило, то прапрабабушка Рисолат не сомневалась, что Мурад непременно тронется умом.

Такая нагрузка непосильна для неокрепшего еще ума: за примерами не надо ходить далеко. Если сын и не тронется окончательно, то точно, как сын Равшана-повара, станет посмешищем в кишлаке. На ее причитания Хаитмурад не обращал никакого внимания. Прапрабабушка укоряла мужа, что ему безразлична судьба сына, что он не понимает, к каким печальным последствиям может привести неумеренное чтение, что, потакая страсти Мурада, он вырастит придурка. Лучше бы ее сын выучился какому-нибудь ремеслу или стал хорошим садовником. Так как сын ее не слушает, отцу следует немедленно запретить ему читать, а книги, которых набралась уже целая балахана, распродать или раздать.

Хаитмурад молча слушал жену, согласно кивал головой, обещал принять меры, а сам тайком от жены давал сыну деньги на покупку книг. Он верил, что Мурад вырастет умным и грамотным человеком, и гордился, когда юноша вел содержательные разговоры в мехмонхоне.

Рисолат всячески пыталась отвести сына от чтения: увещевала, уговаривала, молилась, давала нищим и убогим подаяния, пожертвовала барана святому Бахавитдину – не помогло. Тогда зачатила к колдунам, надеясь на заговоры.

Но Мурад по-прежнему запирался в балахане и читал не только днем, но и ночью, при свете лучины. Порой он прибегал к матери и, потрясая книгой, делился с ней очередным откровением. В ответ она горестно вздыхала или ругалась. Рисолат пыталась втолковать сыну, что самая большая мудрость, которая завешана отцами и дедами, – упорно трудиться, чтить родителей, женщинам рожать и воспитывать детей, держать дом в чистоте, а остальное, особенно написанное в книгах, – блажь.

Она считала, что во всем повинен ее муж. Только выйдя замуж за Хаитмурада, она заметила, что он помешан. Какой нормальный отец будет привозить сыну из дальних стран книги? Сафьяновые сапожки, заморские халаты, красивый кинжал, тонкие индийские рубашки... вот что надо привозить! Ей надо было выйти за Бердиёра. Тогда и сын у нее был бы нормальным. Хотя все мужчины, независимо от возраста, по мнению Рисолат, остаются мальчишками. Как иначе объяснить их глупое пристрастие к петушиным боям, к купкари, к курашу, их вечные споры о пустяках, одурманивание себя бузой или кукнаром?

То ли дело женщины! Они никогда не позволяют себе эти глупости, на них и держится мир. Мужчины только воображают, что они главные, но оставь их хотя бы на месяц одних – переругаются между собой, потом начнут драться, а то и за оружие возьмутся, не говоря о том, что обростут, как обезьяны, завшивеют и одичают. Только женщины вносят в мир покой и порядок, считала прапрабабушка Рисолат, и это помогало ей сносить дикие озарения Мурада, его несвязные богохульные речи, явно почерпнутые из книг. А его последняя игрушка – разрисованный картинками и насаженный на кол арбуз, подаренный ему одним из гостивших у них купцов... Дуралей Мурад не нашел ничего лучшего, как начать в мечети разъяснять односельчанам, что это изображение Земли, и не Солнце вращается вокруг нее, а наоборот. Не будь Мурад сыном Хаитмурада, его за эту блажь пинками бы выгнали прочь из мечети.

Охая и проклиная тот день, когда Мурад научился читать, прапрабабушка Рисолат, позвякивая связкой ключей от своих владений, наводила в доме порядок. Она с удовольствием заперла бы сына в одной из комнат на месяц-другой, чтобы он избавился от мусора в голове. Она даже попыталась подняться в балахану и повесить на дверь большой замок, но на середине лестницы у нее закружилась голова и потемнело в глазах. Она осторожно спустилась с лестницы и больше попыток подняться в балахану не предпринимала.

* * *

Купец Махмуд, закончив свои торговые дела на огромном рынке Багдада, стал бродить между торговыми рядами, наслаждаясь рыночным гомоном. У северных ворот рынка он увидел книжный развал и решил порадовать Мурада, купив ему хорошую книгу. Беседы с умным и обходительным юношей доставляли ему удовольствие. Продавцы книг старались перекричать друг друга, нахваливая свой товар: «Арабские сказки! Дастаны! Приключения!» Но Махмуда потянуло к старику, молча сидящему у стены. Его единственная книга была обернута в дорогую материю, и он не обращал внимания на покупателей, которые интересовались ею и ценой. Он будто присел отдохнуть и подремать после шумного базара. Махмуд с интересом понаблюдал за ним и, отойдя в сторону, спросил продавца, кто этот старик и что он здесь делает. Судя по тому, что он

отмахивается от покупателей, как от мух, он не продавец.

– Да, я тоже так думаю. Он здесь уже неделю сидит с утра до вечера и отгоняет покупателей. Может, он того... – продавец покрутил пальцем у виска.

Махмуд подошел к старику и со всей возможной почтительностью спросил:

– Вы продаете книгу?

Он решил купить ее, сколько бы она ни стоила, так разгорелось его любопытство.

– Проходи, любезный, ты торгуешь другим товаром. Эта книга не для тебя, – ответил старик.

– Вы правы. Я хочу купить ее не себе, а моему юному другу. Уж очень охоч он до чтения, – сказал купец.

Старик устало закрыл глаза и помахал рукой.

– Иди своей дорогой. Посмотри, – он кивнул в сторону книжного развала, – сколько там книг. Купи для юноши что-нибудь там. Моя книга не сборник сказок или занимательных историй.

– Моего юного друга интересуют серьезные книги. У него их целая библиотека.

– Ну и навязчивый же ты! Сразу видно – купец. Моя книга очень нелегко читается. Ее трудно понять.

– Ему такая книга и нужна, – сказал Махмуд.

Старик закрыл глаза и погрузился в молчание. Махмуд было подумал, что старец не хочет более говорить с ним или же заснул.

– Уважаемый... – произнес он.

Старец предостерегающе поднял руку:

– Помолчи.

Махмуд терпеливо стоял возле старика. Наконец, тот открыл глаза и сказал:

– Твоему юному другу эту книгу можно доверить, – и протянул ее Махмуду.

Купец подумал, что старик заломит сумасшедшую цену, и стал прикидывать, сколько денег у него осталось.

– Сколько она стоит?

Каково было его удивление, когда старец попросил за книгу одну медную монету.

– Только материя, в которую книга обернута, стоит несколько золотых, а вы отдаете ее всего за медяк?! – удивился Махмуд.

Старик вздохнул.

– Во всем мире всего несколько таких книг. Им нет цены. Они кладезь мудрости и знаний. Тот, кто осилит их, обретет необыкновенные способности. Ты предупреди юношу, чтобы он их не использовал в корыстных или неблагоприятных целях. Мне эта книга досталась от моего наставника за одну медную монету, и я обещал передать ее достойному человеку, когда дни мои будут сочтены. У меня нет ни детей, ни учеников, которые были бы достойны ее. А Мурад, вижу, достоин этой книги. Я сижу здесь неделю и, наконец, нашел человека, которому спокойно могу ее передать.

Махмуд поразился прозорливости старца, ведь он не называл имени своего юного друга, и протянул ему золотую монету.

– Одно медное тенге, – возразил тот. Купец дал старцу медяк, с благоговением взял сверток, поцеловал и приложил его лбу. Он хотел поблагодарить старика, но тот исчез.

– Куда девался старик, который только что продал мне книгу? – спросил он у продавца справа. Тот взглянул на место у стены:

– Он только что сидел рядом. Мы думали, что он блаженный. И сколько он с вас содрал?

– Одну медную монету.

Продавец ахнул:

– Он на самом деле сумасшедший, раз уступил вам книгу даром. И это после недельного выжидания на рынке! Но куда он исчез?

– Об этом я вас и спрашиваю.

– Он был такой древний и ветхий, что, может быть, рассыпался в прах, – пошутил продавец. Махмуд подумал, что, наверное, это был ангел в образе старика.

* * *

Купец Махмуд отозвал Мурада в сторону, озираясь, вручил юноше книгу, рассказал про старца и передал его слова.

– Это на самом деле удивительная книга. Береги ее. Надеюсь, ты ее одолеешь.

Мурад поблагодарил купца, бережно взял книгу, поцеловал, приложил ко лбу и поспешил в балахану. Он положил ее на полку рядом с сандалом, чтобы всегда была под рукой, и несколько дней не прикасался к ней. Конечно, он все рассказал отцу. Тот тут же зарезал барана, устроил худаюли¹ и подарил Махмуду шелковый чапан. Прапрабабушка Рисолат только ворчала, узнав о книге:

– У Мурада новая игрушка.

Мурад сгорал от нетерпения. Ему казалось, что стало как-то светлее, с тех пор как появилась книга.

Когда, наконец, Мурад начал читать «книгу старца», как он ее называл, он будто на стену натолкнулся: ничего не мог понять, особенно смысл странных знаков, разбросанных по книге. Он читал и перечитывал ее, но ни на шаг не продвинулся в понимании ее смысла. Стал даже сомневаться, а есть ли вообще в ней смысл, не розыгрыш ли это? И тогда ему приснился старец, и сказал он, что к истине нет легких путей, что Мураду необходимо продолжать читать и размышлять над каждой строкой. Наутро Мурад завернул книгу в дорожную материю, положил ее на полку и целую неделю не притрагивался к ней. Он старался не думать о ней, но разве это возможно? Через неделю взял книгу с полки и вновь стал читать ее. И тут на него снизошло озарение. Ему раскрылся тайный смысл знаков, а потом и ее смысл. Понадобилось полгода упорного изучения «книги старца», чтобы сказать, что он почти одолел ее. Остались лишь отдельные страницы, которые содержали тайны, их предстояло еще раскрыть.

Своей радостью и смыслом книги он не мог поделиться с отцом, а тем более с матерью. Книга предупреждала не раскрывать ее тайн, а ослушавшегося ждала кара. Мурад продолжал читать «книгу старца» и не то что понял, узнал, а почувствовал, что будет с ним завтра в это время, и послезавтра, и через месяц, и через год. Он познал то, чего не было в других его книгах. Это было сродни моши, стучало в груди, возносило высоко-высоко – так, что Мурад даже испугался, не сошел ли он с ума. Юноше показалось, что он может взлететь и летать, и действительно он вдруг воспарил и поплыл сначала над полом балаханы, потом над полками книг, прикоснулся к почерневшим от времени

¹ Худаюли – молебен.

балкам потолка и осторожно приземлился. И это не было сном. Он испугался. Первым искушением было закрыть «книгу старца» и, положив ее на самый верх, никогда более не раскрывать. Но, поколебавшись, он осторожно, будто ожидая подвоха, вновь стал читать «книгу старца». Абзац за абзацем, страница за страницей, конспектируя и рядом излагая свои мысли, не торопясь, возвращаясь к непонятным местам, размышляя над каждой строкой. Да, это была необычная книга! Она непостижимым для него образом связывала то, что он уже знал из прочитанного ранее, видел в снах, слышал о том, что произойдет в будущем.

* * *

Когда Мурад достиг совершеннолетия, ему дали еще одно прозвище – дивана (блаженный). Не то чтобы он был с приветом. Нет, рассуждал он здраво, глупых поступков не совершал, но говорил и поступал не так, как другие. Например, однажды в осенний день он стал ходить по кишлаку, стучать в каждый дом и предупреждать, что в ночь с четверга на пятницу случится землетрясение и жителям не следует ночевать дома. «Тряхнет, и тряхнет сильно», – предупреждал Мурад. Мало кто поверил ему. Предупредил бы седобородый аксакал, а то ходит безусый юноша, у которого еще молоко на губах не обсохло. Тем более на дворе осень, по ночам прохладно.

Те, кто успел выскочить из дома при первых толчках, всю жизнь сожалели, что не послушались Мурада, – под завалами погибло немало людей.

Когда его спрашивали, как он почувствовал надвигающееся землетрясение, юноша пожимал плечами и отвечал: «Сам не пойму. Меня будто раскачивало в колыбели, и я испытывал страх. Земля словно вздрагивала. Вздрагивала и замирала. Страшно было не только мне – все зверье повывезало из своих нор. Змеи уползали в степь, домашние животные тоже проявляли беспокойство. Такое случается перед землетрясением».

* * *

Когда Мурад вознамерился построить дом и разбить сад на поросшем бурьяном и янтском пустыре, односельчане крутили пальцем у виска: «Он точно дивана! Там ведь ни капли воды, уровень реки ниже. На той земле можно построить загон для скота. Можно вырыть колодец, чтобы поить скот, но до воды там копать и копать. Он настоящий дивана!» На советы доброжелателей отказать от своего дурацкого намерения, Мурад-чала, а теперь и Мурад-дивана, отвечал лишь легким поклоном. Он построил дом, обнес дувалом огромный участок земли, стал планировать сад и виноградник. «Что с него возьмешь? Какой сад без воды? Дивана!» Но, когда Мурад нашел недалеко от дома родник и появилась вода, недоброжелатели приумолкли. Кто-то вспомнил, что до постройки дома Мурад, несмотря на то что над ним посмеивались, ходил по окрестным пустырям с лозой.

Теперь Мурад стал внушать односельчанам не только уважение, но и страх. «Не колдун ли? Чего только этот малый не начитался в своих книгах!» – говорили они. Но прозвище дивана приклеилось к нему навечно, и за глаза его называли не иначе как Мурад-дивана.

Когда виноград и плодовые деревья начали плодоносить, родственники Мурада стали строиться рядом. Хутор разросся, и родниковой воды уже

не хватало всем. Тогда решили прорыть до реки арык и воду в него поднимать с помощью двух чигириков.

– А где был его дом? – спросил я у дедушки.

– Там, – кивнул дедушка в сторону степи. После революции от его дома остались одни руины.

– А кто построил этот дом, большие и малые ворота?

– Прапрадедушка Хаитмурад. Малые ворота были за большими. Как войдешь в малые ворота, справа была мехмонхона, слева – обнесенный высоким дувалом загон для скота, а дальше калитка вела в ичкари. Ну как сейчас. Немного изменилось с того времени.

– А библиотеку прадедушка перенес в свой дом?

– Нет. Он оставил ее в балахане.

– Почему?

– Не знаю. Если в этом была какая-то тайна, то о ней можно только догадываться.

– Вторая библиотека?

– Может быть... А может, ему просто нравилась балахана. Ведь перестроил и оборудовал библиотеку он сам.

* * *

Хаитмурад хотел было отправить Мурада учиться в медресе в Бухару, но прапрабабушка была решительно против, и Хаитмурад уступил. Скорее всего, ему самому не хотелось расставаться с единственным сыном на три года. Рисолат, опасаясь, что Хаитмурад может передумать, решила срочно женить сына. Подобрали невесту и сыграли свадьбу. Брак оказался счастливым, через год у молодых родился сыночек. По традиции имя внуку давал Хаитмурад. Он назвал его Гафуром. Потом родился еще сын. Рисолат назвала его Туйчи. Всего у Мурада было трое сыновей и пять дочек.

Когда умерли прапрадедушка Хаитмурад и прапрабабушка Рисолат, Мурад оставил построенный им дом Гафуру, а сам переселился в старый отцовский. Мурад, хотя был грамотен и мог претендовать на какую-то должность, упорно трудился с сыновьями и старался ничем не выделяться среди односельчан. И все же нашлись недоброжелатели. Однажды кривой Шухрат ни с того ни с сего стал прилюдно его оскорблять в мечети: «Недоношенный, шарлатан, считает себя каким-то особенным, а сам такой же, как все мы в кишлаке, набрал целую балахану книг, говорят, в основном сказки, и даже десятую часть из них не прочитал. Вот у тебя три сына, они не умеют прилично ни читать, ни писать. Ты бы сначала обучил их грамоте, а потом хвалился своей образованностью». Мурад как мог терпел, изменился в лице, все туже скручивая бечевку, пока та не порвалась. Но когда охульник стал прохаживаться в адрес его семьи, Мурад не выдержал. Он резко простер руки к Шухрату, тот замолк, и, к изумлению правоверных, стал медленно подниматься к куполу мечети. Было и забавно, и страшно смотреть, как кривой дрыгает руками и ногами, словно подвешенная на веревочке кукла. Шухрат вначале онемел от страха, а потом стал истошно вопить и просить прощения у прадеда. Правоверные в мечети ринулись было к Мураду, чтобы заступиться за глупца, но прадедушка выставил левую руку, и они, будто наткнулись на невидимую стену, лишились дара речи.

Мурад закружил Шухрата под потолком и, когда тот набрал приличную скорость, направил его, как камень из праши, на стену. Шухрат решил, что настал его последний час, но у самой стены Мурад остановил кривого, мановением руки снизил до уровня открытой двери и швырнул в хауз перед мечетью. Шухрат с шумом плюхнулся в воду, подняв фонтан брызг, и, будь хауз поглубже, он бы в нем утонул. А так Шухрат стоял по колени в воде, мокрый и жалкий, размазывая по лицу слезы и сопли, понимая, что был на волосок от смерти.

Недоброжелатели Мурада считали, что Шухрат во многом прав. Ведь с такой мощью, как у прадеда, он мог бы сказочно разбогатеть, например, найти клад, обнаружить золотые или серебряные прииски. Он мог, как древние алхимики, превращать свинец в золото и жить Хатамтаем. Он же живет как все: скромный дом, полсотни коз и сотня овец, несколько коров и три бычка, куры. Так же, как все, прадед гнет спину на поле, не вылезает из виноградника, ухаживает за фруктовыми деревьями. Человек, посвященный в тайные знания, жил бы во дворце, его амбары были бы полны отборного зерна, в степи паслись бы отары овец, табуны коней, сундуки были бы полны золота и серебра, десятки рабов прислуживали бы ему, а он бы вкушал яства, сыновья бы были барчуками с поместьями, скотом и обширными землями.

Эти толки доходили до прадеда, и он отвечал, что нет вкуснее хлеба, чем тот, который заработан честным трудом, что он счастлив тем, что у него есть, ему и его семье вполне всего хватает.

Хотя кривой Шухрат оскорбил его при честном народе, Мурад все же переживал, не слишком ли он был на самом деле высокомерен, не воспользовался ли приобретенной силой в корыстных целях? Поэтому он пошел к Шухрату домой просить прощения. Шухрат, увидев прадеда, побледнел, поняв же, что прадед просит у него прощения, промямлил в ответ, что сам был неправ и больше такого не повторится. Прадед решил наказать себя: сел на строгий пост, пешком отправился в Бухару поклониться мошам святого Бахаутдина, каждую пятницу раздавал нищим милостыню.

* * *

Когда сыновья подросли и сами стали справляться с хозяйством, прадед решил совершить паломничество по святым местам.

Он уехал и через купцов, следующих в Бухару и Самарканд, передавал о себе редкие весточки: «Жив, здоров, не волнуйтесь. Скоро вернусь». «Скоро» растянулось на три года. Домашние потеряли надежду на встречу, но на исходе третьего года прадед вернулся. В добром здравии, чуть похудевший и поседевший, с подарками для близких, с товарами для продажи и, конечно, с книгами. Сыновья зарезали двух баранов и угостили пловом родственников и односельчан, пришедших навестить отца. Прадеда спрашивали, где он был, что видел, какие чудеса ему встречались.

– Я путешествовал от Хиндустана до Магриба и совершил паломничество в Мекку. Встречался с людьми и набирался впечатлений, поистине, мир огромен и чудесен, и в нем гораздо больше добрых людей, чем плохих.

– А знают ли в чужих краях о нас? – спрашивали его односельчане.

– Бухара, Самарканд и Хива знамениты во всем подлунном мире. Наших святых Хазрати Бахаутдина, Имама Бухари, Ат Термези знают и чтят все мусульмане на свете.

Теперь, после возвращения, прадеда стали величать Мурадом-ходжой, и его стал навешать таинственный собеседник.

Этот знакомый прадеда был явно не из здешних мест. Они уединялись в садовом домике, еду и напитки сыновья относили им туда, а они вели долгие беседы. Друг прадеда внезапно появлялся и так же внезапно исчезал. Никто не видел, как он приезжал к прадеду, у него не было ни верблюда, ни коня, ни осла. Будто с небес спускался или появлялся из-под земли. Затемно прадед провожал своего собеседника до больших ворот, а тот, переступив порог, будто растворялся в воздухе. Тогда сыновья догадались, что это святой Хазрати Хизр, покровитель путников.

Однажды незнакомец пригнал четырех белых коз, высоких и крупных. Прадед поручил Гафуру погнать их. Козы стали быстро размножаться, не прошло и нескольких лет, как их стало полстада.

– Скажите своему другу, чтобы он забрал приплод белых коз, – сказал отцу Гафур. На что тот улыбнулся и ответил сыну:

– Не беспокойся, мой друг подарил нам этих коз.

Козы все размножались и размножались. Их забивали, продавали, жертвовали бедным в мечеть, но их становилось все больше. Случилась революция, потом коллективизация, всю живность у прадеда, кроме шести коз, забрали. Но оставшиеся стали размножаться еще быстрее, и года через четыре образовалась приличная отара, а коз, которых забрали, осталось всего несколько.

Этим заинтересовались органы, потребовали у дедушки объяснения. Дедушка пожимал плечами: для него это тоже было загадкой. Не мог же он сказать, что это козы Ходжи Хизра. Один из его недругов донес в органы, что дедушка знает заклинание, которое губит государственную собственность. Дедушку посадили в тюрьму, и спасло его то, что самый большой тюремный начальник увидел его во сне, а на следующий день сломал руку и ни с того ни с сего у него околела лошадь. Тюремщик испугался дедушки-«колдуна» и выпустил его на свободу. Но отару забрали, оставив ему всего четырех коз, которые, не в пример колхозным, продолжали размножаться. В голодные послевоенные годы, чтобы выжить, белых коз пришлось забить.

* * *

Прадед знал, что скоро отойдет в мир иной. С виду он был по-прежнему бодрый, сам ухаживал за садом, отгонял и пригонял скот в стадо, но знал, что близка его кончина. Об этом он сообщил жене и детям совершенно спокойно, хотя было грустно покидать их навеки.

Незадолго до печального дня прадед собрал своих сыновей в садовом домике и завещал им вынести его тело из садового домика, где он провел самые счастливые часы своей жизни; не плакать, не рыдать понапрасну – смерть неизбежна, а он прожил счастливую жизнь и познал многое, что другим не дано; беречь библиотеку и защищать ее, хотя... она и сама себя защитит; гостей, что придут через несколько дней после его смерти, принять хорошо и ничему не удивляться...

– Чему не удивляться? – спросил Гафур.

– Ничему, что может случиться, – ответил отец.

Сыновья не поверили, что он умрет: у него было много причуд, и они сочли, что это одна из них. Как можно поверить, что здоровый, еще не старый

человек, не страдающий никакими недугами, может уйти из жизни! Но все же с тревогой ждали назначенного родителем часа.

Как только они вышли от отца, младший Холмурад – ему недавно исполнилось восемнадцать – стал молча вытирать слезы, а потом заплакал навзрыд.

Пришел назначенный прадедом час, и он скончался. Бездыханный, лежал он на смертном ложе со счастливым лицом, казалось, он просто спит и ему снятся радостные сны.

Женщины запричитали, заголосили, зарыдали сыновья, надели халаты, подпоясались, оповестили односельчан о смерти отца и начали готовиться к погребению. Они решили перенести тело из садового домика в дом. Что скажет народ, если они будут выносить отца из садового домика? И родные, и односельчане решат, что сыновья проявили неуважение к родителю! Пойдут толки...

– А как быть с его завещанием? – спросил Холмурад.

– Мы ведь переносим его в дом из уважения к нему, – ответил Гафур. Средний брат согласился с ним, но решили сначала посоветоваться с муллой и родственниками. Мулла сказал, что, с одной стороны, надо выполнить волю усопшего, но, с другой – как посмотрит народ, если вынести тело столь уважаемого человека из такого скромного жилища? И места вокруг садового домика не хватит провожающим Мурада-ходжу в последний путь, поэтому разумнее все же вынести его из дома.

Когда сыновья, мулла и родственники пришли, чтобы перенести тело, они удивились тому, что от счастливой улыбки на лице прадеда не осталось и следа – лицо было хмурое и недовольное.

Гафур помялся, но все же решил переложить тело отца на носилки, застланные шелковыми курпачами. Однако как только он подsunул руку под плечо родителя, чтобы поднять его, случилось невероятное: мертвец схватил сына за запястье и крепко сжал. Все остолбенели.

– Может, он жив? – предположил мулла и приложил ухо к груди покойника. Сердце не билось. Поднесли зеркальце ко рту прадеда – он не дышал. Гафур упал на колени перед отцом, стал рыдать и просить прощения, обещал сделать все так, как завещал отец. Рука мертвеца разжалась.

– Чудо! Чудо! – зашептали присутствующие, и мулла тут же прочел молитву за упокой души прадеда.

Садовый домик подремонтировали, место вокруг него разровняли, справили все обряды, но загадочные гости, о которых говорил он, так и не появились. Только спустя два месяца после похорон прибыли двое на белом верблюде и привезли надгробный камень с изречениями из Корана.

Их пригласили в дом, но гости попросили накрыть дастархан на берегу пруда. Пока готовили угощение, гости... исчезли. Холмурад оседлал коня и объехал кишлак, но гостей и след простыл.

Гафур сказал, что лицо одного из гостей показалось ему знакомым. Кажется, это собеседник отца, с которым они уединялись в садовом домике.

Мраморный камень установили на могиле прадеда. Люди считали, что он обладает чудодейственной силой.

* * *

После смерти прадеда библиотеку на балахане посещал только дедушка Холмурад. Он был слаб в грамоте и читать книги не то что на других языках

(арабском, фарси, хинди), но даже на родном для него было тяжким трудом. Надежды, что его единственный сын Расулмурад обучится грамоте и прочитает книги на балахане, не оправдались. Сына больше привлекало животноводство. Только по настоянию отца Расулмурад пошел в школу и научился читать и писать. Раз в неделю дедушка поднимался в библиотеку, подметал пол и вытирал пыль с полок. Никого в балахану не пускал. На просьбы посмотреть книги одним отвечал, что потерял ключи от замка, другим – что строение едва держится и может обрушиться, третьим – что прохудилась крыша и дожди подпортили книги, их уже не прочитать. Все это, конечно, было неправдой. Строение было крепким и могло простоять еще сто лет, крышу балаханы дедушка каждое лето мазал, и никакие дожди книгам не угрожали.

Дважды без ведома дедушки пытались проникнуть в балахану. Мулла Бурхан упал с лестницы и сломал себе руку, а ходжа Назрулла был сброшен с лестницы неведомой силой и больше месяца был невменяемым. После этого пошел слух, что на балахане водятся джины, и охотников проникнуть туда не стало.

Однажды посмотреть книги приехал сам муфтий вилаета. Дедушка отвел его в сторону и честно рассказал, какие несчастья произошли с теми, кто пытался подняться на балахану. Святой человек не внял предупреждению дедушки и решил, что с ним такого не случится. Он подошел к лестнице с важным видом, но когда поднялся до середины, с его головы слетела большая чалма, отчего он оцепенел от ужаса. Выглядел он теперь жалко: сгорбился, трясся от страха, обмочился. С вытаращенными глазами, с трудом нашупывая ступени, Муфтий спустился на землю, постоял, держась за поручни лестницы, а потом, надев чалму и бормоча молитвы, неуверенными шагами направился к выходу. Страх, видимо, так крепко сковал его, что он даже не обернулся в сторону балаханы.

Попросил разрешения посмотреть библиотеку и Омонхон-ишан – сын Муминхона-ишана. Дедушка рассказал и ему о страшных событиях.

– Я уверен, что библиотека примет меня, – сказал Омонхон-ишан.

И дедушка не смог ему отказать.

Омонхон-ишан совершил омовение, прочел молитву и стал подниматься по лестнице, опасаясь, что будет остановлен неведомой силой и даже сброшен вниз. Но благополучно добрался до балаханы, ее дверь отворилась, как только он прикоснулся к ней. Ишан осторожно ступил на старый потертый арабский коврик на полу, ожидая, что какие-то силы, исходящие от книг (откуда им еще взяться?), начнут ему противодействовать. Ничего не происходило. Ему показалось, что его щеки коснулось ласковое дуновение ветерка. Омонхон стал рассматривать библиотеку. В углу располагался сандал, где великий Мурад-ходжа, мир его праху, читал свои книги. Высокие, до потолка, полки были забиты книгами. Ишан не осмеливался прикоснуться к ним, а только с благоговением читал названия на корешках.

Вдруг он обнаружил вторую дверь. В отличие от первой, она была выше и шире. Когда он подошел к ней, дверь сама собой открылась, как бы приглашая его войти внутрь. Омонхон измерил взглядом длину балаханы: за дверью не должно было быть потайного помещения. Не козни ли это дьявола? Он ступит за дверь – и провалится вниз, а то и покалечится! Ишан в нерешительности остановился и вновь почувствовал ласковое дуновение, словно приглашающее сделать шаг вперед. Он зажмурился, крепко схватился за ручку двери – если

он провалится, то повиснет на ней! – и сделал шаг вперед. Постоял немного, прежде чем открыть глаза, а когда открыл, поразился тому, что увидел. Что за наваждение?! Далеко вперед и так, что конца не было видно, по обеим сторонам высились полки из белого металла, а на них книги! Ровный спокойный свет лился сверху. Омонхон стал медленно обходить эту часть библиотеки, снимая с полок одну за другой заинтересовавшие его книги, листал их и аккуратно возвращал на место. Здесь были книги, написанные арабским шрифтом, латиницей, кириллицей, книги на санскрите, древнееврейском, армянском, свитки с иероглифами... Ишан горько пожалел, что не учился языкам.

Желая выйти из этой части библиотеки (а прошло довольно много времени, с тех пор как он вошел сюда), Омонхон пошел сначала в одну сторону, потом в другую, но библиотеке не видно было конца. Он уже начал паниковать, что придется бродить до скончания века среди полок с удивительными книгами, как вдруг четко обозначился путь к выходу. Выходя, ишан оглянулся и подумал, что в библиотеке заключена такая мощь, что не сравнится ни с одной силой на Земле.

Уже стемнело. Дедушка начал беспокоиться и обрадовался, когда увидел спускающегося с лестницы Омонхона-ишана. Внизу Омонхон отозвал дедушку в сторону – на всякий случай, хотя никого и не было во дворе, поблагодарил его и спросил:

– Ты видел?

Дедушка понял, о чем спрашивает ишан.

– Да.

– А кто-нибудь еще?

– Только отец.

– Откуда... эти книги? – Омонхон кивнул на балахану.

– Не знаю.

– Книги на других языках.

– Сам не понимаю, откуда они.

– Не проболтайся никому.

– Не проболтаюсь.

Уходя, Омонхон-ишан остановился возле калитки и произнес, указывая на балахану:

– Это одно из самых больших сокровищ Земли!

* * *

Новая власть отобрала у дедушки землю, скот, зерно. Отобранного было немало, и, может, устыдившись, власти оставили ему виноградники, гектар земли, дом, в котором жили его предки, с десятков крупного и мелкого рогатого скота. Дедушка поохал и продолжил жить и трудиться. Односельчане удивлялись, что, как и прежде, в молодые годы, дедушка, наперекор всему, живет в достатке и не тужит.

Власти спокойно наблюдали за ним, несмотря на подметные письма завистников. Но когда число его скота перевалило за сотню, а амбары заполнились зерном, вооруженные комиссары забрали почти весь скот, вычистили амбар, оставив дедушке шесть мешков зерна, четыре овцы, две коровы и пять коз, тех самых белых.

Повторную экспроприацию дедушка воспринял мужественно. «Чего

жаловаться, если это общая тяжкая доля», – сказал он, когда телеги с его добром покатили в Карши. Вместе с сыном Расулмурадом продолжал он трудиться. Белые козы яростно размножались, виноградники давали хороший урожай, зерна было достаточно, и недоброжелатели вновь зашептали, что дедушке помогает нечистая сила, и снова начали писать в органы подметные письма. Но дедушку не трогали – власти видели, что он и его сын неустанно трудятся.

Так продолжалось до тех пор, пока органы не возглавил новый комиссар. Прежнего то ли перевели на новую работу, то ли арестовали за мягкотелость. Новый комиссар с большим рвением принялся громить «недобитых буржуев». В число «недобитых» попал и мой дедушка. На этот раз экспроприация оказалась скудной, и комиссар решил забрать у дедушки книги. В первый раз односельчане увидели в глазах дедушки муку: он представил себе, что книги, замечательные книги, побросают, как дрова, в телегу и повезут неизвестно куда, на какой-нибудь вонючий и грязный склад. Слава Аллаху, этот позор не довелось видеть Мураду-ходже.

Но случилось невиданное. Каждый раз, когда солдаты пытались подняться на балахану, перед ними словно вырастало препятствие: один солдат покалечился, упав с лестницы, другой сломал руку. Охотников подняться в балахану больше не было. Напрасно командир кричал, угрожал карцером, солдаты жались друг к другу и смотрели на балахану с нескрываемым ужасом. Командир сам полез по лестнице, но какая-то сила приподняла его и, подержав немного в воздухе, отпустила. Командир грохнулся наземь и несколько минут лежал без сознания. Солдаты приподняли его, побрызгали водой, а когда он пришел в себя, речи о том, чтобы «покорять» балахану, больше не было. Отряд уехал от дедушки с несколькими мешками зерна и десятью головами скота. А балахана исчезла. Строение под ней было цело и невредимо, а ее не стало...

* * *

Власти оказались в шекотливом положении. В Бога они не верили, не верили в магию и чудеса, считали все, что не поддается здравому пониманию, «бабушкиными сказками». Но как объяснить исчезновение балаханы, да еще при свидетелях, не массовым же гипнозом?! На крыше этажа ниже балаханы не обнаружили ни обломков, ни мусора, остающегося после разрушения. Мало того, на крыше нижнего этажа была высохшая трава, как на соседних крышах! Словно балаханы над нею и не было никогда...

Дедушку забрали в Карши и заключили в тюрьму. Но ни перекрестные допросы, ни подсаживание к нему в камеру осведомителя результата не дали по той простой причине, что он и сам не знал и не понимал, куда могла исчезнуть балахана. Убедившись, что исчезновение библиотеки – тайна и для дедушки, власти для порядка подержали его еще несколько дней и отпустили.

В отчете начальству доложили, что никакой балаханы не было, все разговоры о ней – байки, а свидетельства очевидцев – помутнение их рассудка. С теми, кто утверждал, что балахана была, провели соответствующую беседу, из особо упорствовавших одних посадили в тюрьму, других сослали в холодные края.

Власти могли обмануть начальство или принудить забыть кого угодно о чем угодно, такая у них была сила. Но у дедушки остались в памяти замечательные книги и хранилище, о котором никто не знал. Он помалкивал, лишь порой мог поделиться с Омонхоном-ишаном случившимся. Даже по прошествии почти пятидесяти лет он, рассказывая о балахане, с осторожностью поглядывал по

сторонам, хотя после стольких лет о балахане и книгах все забыли.

Сразу после исчезновения балаханы дедушка сходил к мулле Джуме-ахуну погадать о ее судьбе. Ахун раскрыл свою гадательную книгу, пробормотал заклинания и сказал, что балахана и книги в ней никуда не делась и в хорошем состоянии. Дедушка удивился проницательности ахуна, заявившего, что придут благословенные времена, когда они будут видимы и послужат народу. «Когда они придут?» – спросил дедушка. «Нескоро», – ответил мулла Джума и приложил к губам указательный палец.

* * *

Новая власть начала изымать книги, написанные арабским шрифтом. Большинство руководителей было неграмотно, и им было все равно, что это за книги. Их бросали на телеги, словно кучи дров, и увозили неизвестно куда. Старые книги были для новой власти вредоносными.

Куда девались книги, изъятые у населения? Ходили разные слухи: их, мол, продали англизам или свалили в кучу в углу склада, и они лежат там, пока не наступит указание сверху об их судьбе. Говорили также, что их сжигают в большом тюремном дворе. К владельцам книг вначале относились нестрого, а тем, кто добровольно сдавал их (были и такие), выделяли продовольственные пайки. Но потом, в тридцатые годы, появилась уголовная статья об «арабистах», она относилась к тем, у кого сохранились остатки старых книг. Теперь их арестовывали, судили и часто высылали в Сибирь. Перепуганные, люди не желали брать грех на душу, отдавая властям книги (они уже знали, что фолианты, в том числе священные, сжигают), и стали замуровывать их в стены, зарывать на кладбищах или, прочитав над ними молитву, как над покойником, со слезами спускали в реку. И раскрытые книги, как утопленники, раскинувшие руки,плыли по реке до самых великих Сырдарьи или Амударьи, находя упокоение на их дне или на дне Аральского моря. Старожилы рассказывали, что в иные дни Анхор в Ташкенте бывал запружен плывущими по нему книгами.

Прошли десятилетия, и отношение к старым книгам изменилось. В Ташкенте построили институт востоковедения с хранилищем древних книг. Их стали собирать по крупицам, как золото. Обнаружилось, что многие древние книги из Средней Азии, которым цены нет, хранятся в музеях Запада. И, чтобы выкупить их или хотя бы скопировать, нужно платить золотом. Некоторые обыватели говорят, что, мол, западные востоковеды обокрали нас, вывезя древние книги, но надо, наверное, благодарить их за то, что они сохранили эти сокровища во времена лихолетья.

* * *

Зимой, когда полевые работы прекращались и лишь мечталось о весне с ее заботами о пахоте и севе, мужчины собирались в мехмонхонах и оставались там до позднего вечера. Беседы их были то спокойными, подобно воде в пруду, то становились бурными, как горная речка. Компания односельчан кочевала из одной мехмонхоны в другую. Сегодня у одного, завтра у другого, послезавтра у третьего. Зимой, когда вынужденное безделье начинало угнетать тружеников, их энергия находила выход в мужских шутках и розыгрышах.

«Сидели мы раз у Тешабая, его внук – твой приятель, – рассказывал дедушка. – В мехмонхоне было человек двадцать. Пили чай, кто беседовал, кто играл

в карты, кто дремал... Вдруг врываются два подростка и, перебивая друг друга, кричат:

– Дядюшка Расул! Дядюшка Расул!

Твой дядя Расулмурад, лежавший подперев голову рукой, подумал, что случилось недоброе. Вскочив на ноги, он подбежал к ребятам, схватил их за плечи, начал трясти, взволнованно спрашивая:

– Что случилось? Пусть говорит кто-то один.

– Дядюшка Расул... Там в нашем пруду вот такая... Мы пришли за водой... Вот такая... – дружно развели руками ребята.

Расулмурад зажал одному рот и кивнул другому:

– В чем дело?

Оказывается эти два пострела (один из них здоровствует и сейчас, а другой погиб на войне) увидели в нашем пруду большую рыбину.

– Вот такая! – опять развели руки оба.

– Бежим ловить рыбу, – вскочили на ноги гости помоложе.

– Я сам могу ее поймать, – заявил Расул. Молодые гурьбой побежали к нам домой. Пруд был большой и глубокий. Половина кишлака брала воду из него. Зимой в сильные морозы он подмерзал. Пока дядюшка Расул раздевался, народ расположился вокруг пруда. Дядюшка разделся до трусов. Народ на том конце пруда показал на свой берег.

– Вот она!

Расул поежился и, нырнув в воду, поплыл к тому берегу. Едва он достиг указанного места, как закричали с противоположного берега:

– Ух, какая она крупная! Будь с ней осторожнее, Расул. Как бы она тебя не цапнула! Быстрее плыви сюда.

Расул нырнул и поплыл к другому берегу. Пока я пришел домой, прошло минут пятнадцать. Я подумал, откуда взяться рыбе, да еще такой большой, в нашем пруду? Это точно розыгрыш, решил я. Когда я подошел к пруду, Расул все еще барахтался в воде, бросаясь от одного берега к другому, а ребята всё дурили его.

– Выходи! – крикнул я Расулу.

– Вот поймаю рыбу...

– Нет никакой рыбы, они тебя разыгрывают!

Двое подростков, которые громче всех кричали, увидев, что Расул вылезает из воды, бочком-бочком направились к выходу, а потом побежали прочь. Посиневший Расул выбрался из пруда, на кончиках его усов висели сосульки, он весь дрожал. Ребята вытерли его полотенцем, быстро завернули в кошму, отнесли в теплую мехмонхону и стали катать по полу и легонько пинать, чтобы он согрелся. В стороне посмеивались Сафар и Холмамат. Я понял, чьих рук проделка с рыбой, но промолчал».

* * *

Уже темнело, а Расула все еще не было дома. Дедушка спросил у его жены, где муж. Она ответила, что не знает.

– Пришли двое, поговорили о чем-то и вместе ушли, – сказала она.

– Ночью надо сидеть дома, а не шляться по кишлаку. А кто это был?

– Я не обратила на них внимания.

С наступлением темноты из степи в кишлак тянулись шакалы поживиться

домашней птицей или мелким скотом. Их тявканье и вой слышались до утра. Обычно шакалы не нападают на людей, но бывает, что всей стаей накидываются на одинокого путника и могут растерзать, а то и загрызть.

Дедушка подождал немного, но Расулмурада не было. Он послал внука к соседям – не засиделся ли сын у кого-то из них? Расул, хоть и редко, гостил у своего приятеля Хакима, правда, предупреждал домашних об этом. Вернулся внук: ни у дядюшки Хакима, ни у соседей отца не было.

Пришлось дедушке взять фонарь и пойти с внуком на поиски сына. Куда он мог деться? Кляня сына на чем свет стоит, дедушка стал его звать:

– Расулмурад! Расулмурад!

Вдруг совсем рядом раздался его голос:

– Я здесь, отец!

Дедушка посмотрел вокруг – никого не видно.

– Где?

– Рядом, у дороги. На тутовнике.

Дедушка посветил фонарем и увидел, что на суку сидит Расул.

– Что ты там делаешь? С ума, что ли, сошел? Слезай!

– Не могу, – ответил сын. – Во-первых, я привязан, во-вторых, прохожу испытание.

– Какое испытание?

– На должность казия кишлака.

– Ты разве не знаешь, дурья башка, что Советы давно упразднили эту должность? Сейчас у них казий называется «судья», и они сами его назначают.

– Отец, вы отстали от жизни. Должность казия снова восстановлена. Сафар показал мне газету, там об этом написано.

– Какая газета? Ты ее читал?

– Я по-русски не понимаю, но мне Холмамат статью перевел. В ней сказано, что должность казия вновь будет восстановлена в каждом кишлаке, его будет избирать сельский сход. И я сейчас прохожу испытание на должность казия Хаджихидира.

– Тьфу, дурак! – в сердцах сказал дедушка и велел внуку подняться на дерево и развязать отца.

Внук полез на дерево, но тотчас спустился.

– Отец не хочет отвязываться. Он хочет стать казием.

Дедушка рассердился и решил было оставить сына на дереве до утра, но весенние вечера были весьма прохладными, и тот мог простудиться. Подумав, он вернулся к тутовнику.

– Почему ты меня ослушался и не слез с дерева?

– Отец, я хочу быть казием.

– Или ты сейчас же спустишься, или я тебя выпорю, несмотря на то что у тебя взрослые сыновья.

– Отец...

– Кто тебя обдурил и привязал к дереву?

– Никто меня не дурил. Пришли уважаемые Сафар и Холмамат и предложили стать нашим казием: «Ты больше всех подходишь для этой должности. Ты ахун, умеешь читать и писать. Отец у тебя уважаемый человек в кишлаке, да и тебя односельчане уважают, поэтому не задумываясь проголосуют за тебя».

– И ты согласился?

– Конечно!

– Почему они тебя привязали?

– Они сказали, что казий должен быть не только справедливым, но и стойким, терпеливым. Оказывается, и раньше, прежде чем избрать казия, его подвергали испытаниям.

– Что-то я про испытания не слышал.

– «Они всегда были, но их держали в секрете», – сказал мне Сафар. Холмамат подтвердил его слова. Будущих казиев оставляли в колодце или подпаливали им пятки. Я им сказал, что, если они собираются подпалить мне пятки, я не согласен. «Мы тебе пятки подпаливать не станем. Ты настолько подходишь для этой должности, что мы могли бы обойтись без испытаний, но традиция требует... Мы тебя на одну ночь привяжем к дереву. Чтобы не покусали собаки или шакалы, привяжем повыше. Видишь, вон толстый сук на тутовнике, на нем ты привязанный и просидишь до утра. Впрочем, если не хочешь стать казием, придется искать другого желающего». «Я согласен», – сказал я, вот они и привязали меня. А теперь, отец, не мешайте мне и идите домой.

– Какой ты у меня доверчивый. Разве не знаешь, что Сафар и Холмамат – первые шутники в кишлаке? Разве не они разыграли тебя в истории с рыбой? Мало тебе? Слезай и не делай себя еще раз посмешищем.

– Отвяжи отца, – сказал он внуку.

Домой Расул возвращался понурый.

– Завтра я им покажу...

– Они теперь месяц тебе на глаза не покажутся. Лучше обрати все в шутку. Вдруг Расул остановился.

– Отец, я вижу балахану.

– Какую балахану?

– Которая исчезла.

Дедушка недоверчиво посмотрел на сына. Тебе показалось!

– Нет, отец. Я на самом деле вижу ее на том самом месте!

Дедушка всмотрелся в темноту. Что-то виднелось, но что?

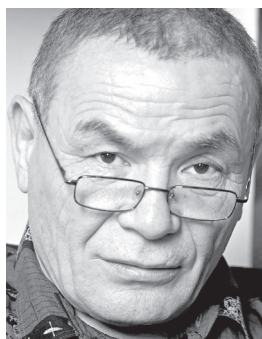
– Глаза мои не те, что раньше, поспешим во двор!

Балахана была на прежнем месте. У дедушки хлынули слезы. Он опустился на колени и сотворил молитву.

– Слава Аллаху, что наступили благословенные времена, которые предсказывал мулла Джума-ахун.

Таков был замечательный, волшебный мир моего детства...

ПОЭЗИЯ

Рифат ГУМЕРОВ

Поэт, прозаик, издатель. Родился в Джамбульской области в 1958 г. Окончил Ферганский пединститут, Литературный институт им. Горького. Публикуется с 1974 года. Публиковался в периодических изданиях Узбекистана, России, Испании, Бельгии, Украины, Болгарии. Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии и форумов русскоязычных писателей зарубежья. Автор и руководитель международного проекта «Мир R».

Как датский принц, я одинок...

Адам и Ева

А древо с тенью – рай с тоской.
Был сад Эдемский под Москвой,
Где нас пустили на постой.

А это было в декабре.
И вместо яблонь – во дворе
Стояли сосны в серебре.

А високосный год лесами
Всё удалялся. И возами
Возили люди ёлки в дом...

А мне не выплакать слезами
Тебя – с печальными глазами,
Закат последний за окном.

А мне не выстрадать стихами,
Не передать на полотно...
А это было так давно!

А это было лишь неделю –
Волшебный рай – на самом деле –
Стояла в банке ветка ели.

Декабрь. Сосны. И окно...

* * *

Как датский принц, я одинок.
И на моих дверях – замок.
И в запустении мой замок...

А я – среди фамильных рамок
Портретов всей моей родни...

Воспоминания одни
По замку бродят сквозняками...

И чуждятся твои шаги –
От них расходятся круги,
Как будто в память брошен камень...

Автопортрет № 3

1.

Ты в щели глаз своих глядел – как в щель замка,
Подглядывал за жизнью – как за бабой...
А жизнь казалась голою и слабой –
Не рассчитал – мудрец! Кишка была тонка...
Твой сантимент дешевый – как сантиметр:
«Кем в жизни будешь? Подлецом? Героем? –
В конце концов все будем перегноем...»
Но мы с тобой простимся и простим...

2.

Да, шар земной для космоса лишь шарик...
А Карла храбрый – лишь пугливый кролик
С глазами красными – как будто алкоголик...
А Карл Великий – лишь великий карлик...
Мы уши плотно затыкали паклей
И, разводя понты из пантомимы, –
Мы над Москвою пролетали – мимо! –
И падали на город – словно капли...

3.

А наши любопытные Варвары –
Когда носы им дверью прищемляли –
Так утонченно жалобно пищали:
«Жизнь – варварка!» – свистя, как самовары...
Моя любовь, судьба, моя гюрза!
Как лицедей – скажу тебе я: «...льзя!»
Зерно зиря я откопаю в плове –
Хоть на столе, как на ногах – кирза,
Судьба, ловлю тебя на теплом слове:
«Люби меня за то – за что нельзя...»

4.

Рожденный пить – любить никак не может!
А если не курить нам и не пить –
То как себя от СПИДа оградить?
Исход летательный – без зонтика, без лонжи –
Выпрыгивать с семиэтажных лоджий!
Что стоит жизни (нам ли говорить!) –
Как орденом – болезнью наградить?
Пусть песни разные – припев один и тот же...

5.

Я – стрекозел, отпрыгивал свой танец,
Искал себе на ухо приключение
И своего добился в заключение:
Брак – два кольца: на шею и на палец...
На лысине моей сверкает глянец...
Лишь изредка – в порядке исключения –
Использую жену по назначению...
А был красивым – как американец...

6.

Кто знает, где судьба нам улыбнется?
Что от щедрот судьбы мне перепало?
Сто тысяч пчел – и каждая(!) кусала...
Зачем мне пчелы – если мед найдется...
В очередях последний пусть смеется...
Пропадала дев- и нрав- СТВЕННОСТЬ упала...
Довольно жить с тобою как попало,
Мы станем жить с тобою как придется...

7.

И я – без белых пятен в кругозоре –
Попавшийся в хозяйственные сетки –
Что выиграл? Лишь фантик от конфетки...
На кухне – сцены, словно в «Ревизоре»...
Душа в печали ... И тоска во взоре
Линяет только с образом соседки.
Как птица, окольцованная в клетке,
Смотрю на волю в клетчатом узоре...

8.

А где Хайям? Где Фрейд и Фейербах?
Ушли к Херону, а меня надули...
Летают мои дули – словно пули,
В глаза врага выкрикивая страх...
В глазах любимой вижу лишь себя...
Стихи – майн кампф, май лайф, мой кайф и допинг –
Я в них ломаю голову и копыя,
А в голом доме нету ни копыя...

9.

А где же быть моим векам и векам –
Коль истины зерно ишу в полове?
Что толку философствовать корове –
Разложенной в консервы человеком?
С Дюмою по писучести я вровень...
Хотя о славе говорить не вправе –
Я не мечтаю оставаться в славе,
Как в янтаре – застыть мечтаю в Слове...

* * *

Александр Абдулову

Мальчик, загнанный слишком далеко по дороге,
Я не знаю –
Возможно, его никогда не существовало –
Все мысли и слова из прошлого –
Это было в прошедшей жизни –
Я не уверен –
Вы не можете знать –
На каменных стенах буквы из бронзы –
Неизвестная рука записывает всех уходящих со сцены –
Последние человеческие контакты внезапно прерваны –
Мальчика никогда вообще не существовало –
Рот, прижатый к стеклу, бормочет –
Смутный, подергивающийся, отдалённый голос:
«Знаете, кто я?»
Вы приходите к двум холмикам рядом на Киргилях –
это давно...
В високосном году там под ними остались отец и брат...
Я умираю много лет назад там вместе с ними...
«Раньше это был я, Мама»

Ветхие руины домов забытого города...
Накалённая яркость вспышки и встречи...
Он взял с собою фильм закатов и облака, и небесной воды,
и фильм дерева и
проецировал цвет в громадные отражающие экраны,
концентрируя синее
небо, жёлтое солнце, зелёную траву и свой белый город,
растворённый в солнечном свете, и люди
того города проходили сквозь друг друга – там были
только цвет и музыка, и молчание, где слова все прошли...

А потом этот мальчик написал последнее «прошай»
через всё небо...
Все люди прошедшего времени говорят – прошай
навсегда,
Поздние полуденные тени против его чёрной магии
всех
кинофильмов во вспомненном папане,
стоящем там с сияющим лицом у чердачного окна на
утраченной улице...
Взорванная звезда между нами...
Ты можешь оглянуться вдоль
берега застоявшегося арыка на себя самого
в трепещущей на ветру белой рубашке.

Долгий пустой полдень.
Мёртвые записи –
Моменты, что я мог описать, которые были его глазами
в странах мира...
Он оставил нам эти рассветные цветы,
Эти улыбки – в другой плоти. Далеко он теперь –
Такое не даёт никакого укрытия –
Сдвинул адрес для посещений...
Ветер в полдень – идёт рядом с вами?
Обломок игрушечного пистолета там, в конопле переулка...
Над пустыми
саманными улицами красный, белый и синий воздушный змей.

И запах пепла, и горечь горящей осенней листвы...
И запах дыма другой папиросы...
Ветер колышет локон её волос...
«Знаете кто я? Пацан из
Ферганы – каких только мама бывало делала...
Ветер и Прах – вот моё имя... До Свидания,
Мама, вот моё имя... тихо теперь... Я иду...»

По дороге на Бродвей...

По дороге на Бродвей R встретил насквозь пьяного современника.
Это был Виктор (Вектор) Раевский.
Завернули на пару в первую попавшуюся чайхану.
Живописная картина, натюрморт маслом – «Раевский в чайхане».
Тщетно требует водки там, где наливают чай.
Лучше водки хуже нету.
– Раевский, зачем вам писать стихов? Разве хороших стихов кончилось?
Сколько их написано-переписано! Начнёшь читать – всей жизни не хватит. Зачем же вам тревожиться сочинять?

Молчит Раевский. Натужным молчанием (шумно сопя и дыша), обиженным видом давит, стоит над душой, требует (справедливости? если бы!) – чтобы R специально взял на себя право и ответственность санкционировать прав© Раевского.

А вокруг весна. Пора великих превращений. Взрывы зелени. Поразительно щедро, крупно, красиво. Очумелые пчелы. Призрачна прозрачная архитектура летания птиц, мух и жуков...

Живописная картина, натюрморт маслом – «Раевский в пивбаре».

Раевский, R подтверждает вашу квалификацию как самого продвинутого адепта литературного объединения «Стоки»...

И льётся, льётся «Чимкентское» пиво – за победу поэзии, которой не суждено победить. И горе придется заливать таким же количеством пива, какое понадобилось для поддержания надежд...

Сон – Нет № 2*Риму Юсупову*

Как октябренок Женя Евтушенко,
Братан мой Рим не ездил в город Рим.
Пушай мы синим пламенем сгорим –
Мы даже с пива не снимаем пенку...

Из Бухареста я привез румынский блайзер.
Напомнив мне египетскую фреску –
Семидесятилетний Чаушеску
Достал меня в Союзе, словно лазер...

Румын румян – ему на нас... Нас рать
Татарская не сможет воевать...
Уж заржавел давно железный кайзер...

Врагов всех наших закидает феской
На рубежах, как Муромец с железкой,
Герой Советского Союза Абель Насер...

* * *

Домой вернулся – не узнал
Двора.
Не год – домой не приезжал –
Не два.
И вот приехал – вырвавшись
Едва...
Кружится здесь от детства
Голова.
И пахнут апельсинами
Дрова.
И кажутся красивыми
Слова
Простые, словно небо и
Трава.
И славы словно не было –
Молва...
И жизни словно не было –
Была.

* * *

Может быть, это был, может быть, это сон,
Можно это назвать сумасшедшим и глупым бредом.
Это может быть будущим светом

или мраком прошедших времен,

Или это великий дастан, сочиненный великим поэтом.

Словно вышел я весь из картин Сальвадора Дали,
Из ста лет одиночества...

Весь я – реальная небыль...

И по жизни иду я, ногами касаясь земли,
Головою своею упираясь в огромное небо...

Лунное озеро

Здесь голый камень.

Ни тропинки...

Хоть головой

об скалы

Бейся...

Медовый запах

Эдельвейса –

Лишь здесь.

Но больше –

ни травинки...

Как мусульманский

Полумесяц,

В ушеле

Озеро лежит.

Орел здесь надпись сторожит:

«Рифат + Гуля».

Август месяц...

Базар 1

Бьет жизнь ключом –

да все по темечку!

В ушах гудят колокола...

Трешит арбузом голова –

И мысли спелые,

как семечки...

Иду,

выплывая их

В свою заветную тетрадку...

Вокруг – прилавки,

словно грядки,

Над ними – пугалами – бабки

Мне шепчут вслед:

«Наверно, псих...»

переводы

Мухаммад АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

*Роман-эпопея**Книга третья***МИРАНШАХ МИРЗА¹**

Глава четырнадцатая

I

Шахзаде терзался, ночами не спал и твердо решил найти Согинч-бику, посылать во все стороны ловких людей. Хотел и сам просить разрешения у Сахибкирана заняться поисками, но устыдился. Кроме того, Сараймулькханум предупредила, чтобы он никому ни слова не говорил.

Жестокие битвы с персидским государем Шахом Мансуром несколько отвлекли Мухаммада Султана. Незаметно прошло время. Его сердце было переполнено тревогой, но он не мог никому открыться, подобно брадобрею Искандара Зулкарнайна (Александра Македонского). Брадобрей, не найдя собеседника, в безлюдной пустыне нашел колодец и ему доверил тайну, крикнув в него: «У Искандара есть рога! У Искандара есть рога!»

Шахзаде Мухаммаду Султану тоже нужен был такой колодец.

По его мнению, Аргуншах, проявивший особую храбрость при осаде крепости Сафид месяц назад, достоин внимания. Шахзаде хотелось вместе побродить с этим наукером по живописным местам на юге Ширази.

Аргуншах служил в правом крыле войска, в его авангардной части. Может, стоит сделать его личным наукером?..

Шахзаде послал своего слугу позвать к себе Аргуншаха, наукера с барангара². Конюх приготовил белого коня для шахзаде и черного для наукера. Мухаммад Султан нетерпеливо расхаживал туда-сюда, хотел скорее отправиться в путь и в этих живописных местах при свидетельстве Бога открыть душу наукеру – почему именно ему, сам удивлялся! Человеку свойственно открывать свои тайны именно чужим людям.

Неожиданно примчался придворный и сообщил шахзаде, что со стороны города движется около двух тысяч людей с полосатым флагом. Послышались голоса караульных:

– Самые уважаемые люди Ширази, саййиды, казии, воины, чини, женщины и дети идут к Амиру Темуру!

– Что нужно людям Ширази от нас? – спросил Амир Темура, глядя на хана, поспешно приближающегося к шатру.

– Караульные сообщали, что они пришли жаловаться, Амир Сахибкиран! – поклонился великий визирь, положив пухлую правую руку на грудь.

¹ Продолжение. Начало в № 4, № 5, 2017 г.

² Барангар – правое крыло войска.

– Это правда! Музаффаридаы разорили свой народ, страну. Опустошили сады! Этот край был подобен целой лепешке, и каждому хотелось проглотить ее целиком, не думая о том, что могут остаться и без кусочка, – сказал главный казий Шираза.

– Если не остановить их, беды, страдания народа не прекратятся, – добавил кто-то. – Они измучили нас! Пусть убираются! Другого пути нет! Нет пути! Прочь!

– Пусть исчезнут Музаффаридаы! Нам нужен мир! Мир! Мир! – слышались громкие голоса.

Наступила тишина. Все ждали, что скажет Амир Тимур.

– В свое время покойный Шах Шуджоь направил нам письмо и просил, чтобы мы его сыновей Султана Зайналабиддина и Муджахиддина Шибли взяли под свою опеку... – сказал не спеша Амир Темур. – Оба мы были слепы. Они казались беспомощными и бессильными. Мы повелили, чтобы их отправили в Самарканд.

– Вашим милостям нет границ! – сразу подтвердил главный визирь Мухаммад Жалд.

Амир Темур внимательно оглядел людей, которые понемногу успокоились:

– В священном хадисе есть такая мудрость: «Я Бог, я падишах из падишахов, сердца падишахов все до единого находятся под сенью моего могущества. Если кто слушает мой приказ, я делаю милость, кто не хочет слушать, на них я направляю гнев и ярость. Помолитесь... Поклонитесь!..» Видели? Пусть знают люди, что они наказываются за свои грехи, сами навлекая беду на свою голову. Это все – сунна Аллаха, это Его повеление. Кто идет против Бога? Так написано в Коране: «Ман амила солихан фафинафсихи ва ман асоа фаолайхо...», то есть кто делает доброе дело, это – для себя, кто совершает зло – тоже для себя, он сам себя наказывает... Хвала и честь вечному Творцу!

– Амир Сахибкиран! – обратился Султан Махмудхан, покраснев от волнения. – Грехи Музаффаридаов невыносимы и непростительны. Люди говорят правду. Их раньше надо было наказать, раньше. Во время первого похода. Уже тогда фирман был в руках хана, но ваше милосердие и великодушие сберегли их от беды... Они и сейчас чувствуют вседозволенность, самовольничают хуже прежнего...

– Мы готовы выполнить ваш фирман, Ваше величество! Всех надо наказать! – сказал один из представителей знати.

– Наказать! Наказать! – взволнованно крикнул главный визирь Мухаммад Жалд.

Султан Махмудхан бросил взгляд на Сахибкирана: Амир Темур пристально смотрел вдаль, теребя бороду.

Хан решительно произнес:

– Наше слово хана Турана! Всех представителей Музаффаридаов от мала до велика взять в плен и казнить!

II

События в Ширазе очень беспокоили Султана Ахмада-жалайира. Амир Темур послал гонца с приглашением явиться, но он боялся ехать в Шахризур. К тому же от друга из Мосула, главы племени каракуяунли Амира Кары Юсуфа,

подоспело письмо. Он писал, что недоволен сложившейся ситуацией, и едет в Рум к Йилдириму Баязету. Султан Ахмад-жалайир знал, что он паникер, но его письмо все же прибавило страха и беспокойства:

Благодарный правитель Ирака не сидел сложа руки, месяц тому назад он отправил к Амиру Темуру гонца с драгоценными подарками. Он знал, что Сахибкиран догадается, что все это сделано, чтобы выиграть время, отвлечь, знал, что его обмануть невозможно, но поступил так, руководствуясь пословицей «Шайтан тот, кто живет без надежды».

– Не трогайте подарки, которые принес шейх, возвратите их в целости и сохранности, самого посла Султана Ахмада-жалайира угостите, подарите ему драгоценные подарки и проводите назад, – повелел Амир Темура. Змея показывает язык, как бы говоря, что кусать не будет, но не надо забывать, что ее яд не в языке, а в зубах, помните это! – нервно расхаживал Амир Темура туда-сюда. – Кто нас правильно поймет, это принесет пользу не только ему, но и его народу. Где бы я ни был, сначала предлагаю породниться, направляю гонца, посла... Я не хочу войны. Зачем ее затевать? Нам не нужны чужие земли, у нас такая бесподобно красивая земля, какую не найти нигде! Мою родину сам Бог благословил! Хвала и честь вечному Творцу! Чужим богатством никогда не разбогатеешь! Нам достаточно признания, пусть признают нас и платят дань. Тогда мы будем их охранять и защищать, а они будут жить свободно и привольно. Мне нужны слава, внимание, уважение... Как я ни стремлюсь вычеркнуть слово «война», Мамат, война рождается вновь и вновь, какая тайна скрыта здесь? Неужели невозможно жить в этом мире без меча? Да, да... Помнишь малика Герата Гиясиддина Курта, мы отправляли много раз послов, как бы упрасывая его, наконец, явился, мы простили его. Правда, потом казнили в Самарканде, но в этом он сам виноват!.. Когда все его интриги и тайные заговоры...

– Амир Сахибкиран, вы все надеялись очень, что он изменится, – покачал головой Мухаммад Чурага-дадхак. – Но его в Самарканде агенты Мубашшира-бахадур задержали на месте преступления.

– Смотри, вот грузинский султан Букрат...

– Он свидетельство вашей щедрости и великодушия... Под вашим крылом живет спокойно и свободно. На все воля Божья...

– А Амир Арзинжана Тахуртан? Мы еще не добрались туда, а он, опередив нас, посла направляет, милость выпрашивает...

– Нет сомнения, Амир Сахибкиран! – сказал Мухаммад Чурага-дадхак. – Он очень преданный амир. На своих монетах чеканит ваше имя. Отправил письмо: «Я слуга Хазрата Амира Темура Курагана!»

– Да, да, он преданный, преданный, – подтвердил Сахибкиран. – Говорят же, рвение – избавление... Помню, помню... а султан Ширвана Шейх Ибрахим Дербенди? – продолжал Амир Темура задумчиво. – Он тоже сам приехал к нам прежде, чем мы послали ему гонца, очень мудрый джигит. Настоящий тюркский оглан, многоуважаемый. Я его назвал сыном... его незапятнанный род исходит от Нуширвани Адила. Очень известный, из благородной семьи, поэтому такой воспитанный, среди падишахов самый уважаемый...

Когда ждали вестей от Султана Ахмада-жалайира, из Багдада прибыл гонец Мираншаха Мирзы. В кровопролитной битве жалайир нанес большой

урон войску амирзаде, а ночью, собрав войско, отступил в сторону Хиллы. В настоящее время он, наверное, находится на берегах реки Евфрат...

Рука Амира Темура потянулась к подбородку:

– Допустить, чтобы нанесли большой урон войску, – знак небоеспособности воинов Мираншаха Мирзы. Жаль... Султан Ахмад-жалайир опять спасся бегством. Если хочешь кому-то сделать добро, а тот не ценит и не понимает этого, то весь грех падает на него самого, сам будет виноват!.. Собака, которая кусает добрые руки, протянутые, чтобы снять с нее цепь и отпустить на свободу, останется собакой, и больше ничего! Бог видит, я хорошему делаю добро, а плохому – зло... Только опять прольется кровь, вместе со смутьянами, подстрекателями умрут невинные люди... Покойный Амир Жаку-барлас говорил, что, если не помогают лекарства, рану надо лечить лезвием... Какова цель моя? Если я буду жить без хлопот спокойно на своей родине, голодным, без хлеба не останусь. Моя цель – чтоб народ жил спокойно, счастливо, и не только моя страна, мой народ, но и весь мир... – Амир Темура, чтобы отвлечься, посмотрел на широко простирившийся Шахризур. Дорога, пересекающая город с юга на север через зеленые холмы, незаметно сливалась с небом и была удивительно прямой, как полет стрелы.

«Царствование тоже должно быть таким! Как ровная дорога! – неожиданно подумал Сахибкиран. – Но у всех ли душа так пряма, как эта дорога? На самом деле душа размером с листок, и, если она будет заполнена Божьей молитвой, мир станет таким широким для нее... Вот это и есть душа человека! И слава Богу! Горюешь, думая о царстве, о нации... Но очень мало сердец, горящих с тобой рядом... Они не думают, как ты. Есть люди, которые смотрят на имущество государства с пристрастием. Живут только для себя, воюют не против своей алчности, наоборот, во имя алчности поднимают меч... Это взяточники, грабители, воры, предатели... Если оторвешь у них обе руки, они берут взятку языком...»

– Да, Амир Сахибкиран, ваша цель велика, знаю, все знаю... – кивал головой Мухаммад Чурага-дадхах.

– Ты знаешь, я против войн! И поэтому повелел девять частей государственных дел из десяти решать через совет, это хорошо известно всему миру, и только одну – посредством меча. От безысходности обращаюсь к мечу. Да-да, не скрываю: моя опора – меч! У меня нет другого пути! Война, есть война. У нее свои законы, не признающие человека. На поле боя самое главное у полководца – храбрость, смелость. Но чтобы полководца считали настоящим воином, мало храбрости, необходима ярость и гнев, безжалостность и беспощадность к врагу. Только надо правильно управлять ими. К сожалению, не все в руках раба Божьего. Я, прожив столько лет, только уразумел, что люди не всегда понимают добро, их надо держать между надеждой и страхом. Если ты не пугаешь их, они тебя пугают!.. Их надо остерегаться... – Амир Темура призадумался, затем продолжил: – Но я не полководец, а султан Турана, султан! Я не хозяин поля боя, я хозяин страны! Я не разрушитель, а строитель!

– Мое сердце с вами, Амир Сахибкиран! Понимаю, хорошо понимаю, эй Великий Амир!.. Понимаю... – сказал свое мнение Мухаммад Чурага-дадхах. – Вы всегда хотите шагать по славному пути истины, но земля, по которой вы идете, каменистая, неровная, острые камни ранят ноги. Вы желаете, чтоб человек, раб Божий, не только в Туране, но и во всем мире жил

счастливого, но злосчастное время преграждает путь, диктует свои законы. Вы хотите строить, но обстоятельства мешают этому, заставляют вас разрушать...

– Нет! – воскликнул вдруг Амир Темур. – Мамат! Пусть знают, я не родился, чтобы разрушать этот мир! Людям жизнь дает сам Бог, он сам и отбирает ее. Почему я вынужден делать это? Объясните мне, эй мои святые учителя? Что скажете на это, о мой наставник? Каждый раз, когда я вступаю в бой с колчаном на плече и с луком в руках, я считаю, что проливается моя кровь и отрублена моя голова! Я раб Божий и только. Да, я завоевал многие страны, у меня руки длинные, я могучий, но я такой же несчастный, который не смог сделать счастливым своих детей! Я такой же бедный! Знаешь? Я слабый, немощный, бедный раб Божий!..

– Амир Сахибкиран... Почему вы себя называете бедным? Этим вы обижаете Аллаха...

– Что ты говоришь? Да сохранит Аллах! Разве можно обижать Аллаха! Слава Богу, славу Богу... эй, Мамат! Смотри на меня, моя больная душа и тело всю жизнь мучают меня, слабеют ноги... Хочется покрепче держать мир, но нет сил в руках, хочется пойти на край света, чтобы постичь смысл этого мира, но нет сил в ногах! Если меня оставить одиноким, буду бессильным побороть мучения, страдания и пытки, я нуждающийся и надеющийся на помощь других больной человек.

Сейчас Амир Темур глубоко прочувствовал, насколько велик Творец, его величию нет предела, а он (Амир Темур), под могуществом которого дрожит мир, на самом деле такая мелкая пылинка перед Творцом, душа его исполнилась чувствами и волнением...

– Аллах мой! Аллах мой!.. Прости своего раба! Прости!.. – одухотворенно молился он.

Новый фирман не был похож на другие.

– Войско Мираншаха Мирзы пусть преследует Султана Ахмада-жалайира... Его привести живым и невредимым! Да-а... Видно, поход затянется, а я надеялся вернуться на родину через два года. Теперь вынужден ехать в Багдад... Странно, что-то держит тебя и никак не отпускает. Стараешься порвать невидимые цепи, которыми связан по рукам и ногам, и, несмотря на то что ты сильный, не можешь... Найти бы мне таинственный сундук «Гулшани хазойин», найти бы... Что за время, ты всемогущий султан, но нет у тебя свободы, Мамат...

Верный слуга Сахибкирана тоже не может объяснить этого. На его взгляд, перед ним – лев-пленник, которого загнали в узкую клетку, откуда он хочет вырваться на свободу и бьется, бросается из одного угла в другой.

Через день войско Амира Темура еще до полудня двинулось на Багдад.

Глава пятнадцатая

I

Наконец-то вчера на машварате в Хумаюн урду дали неделю на отдых. Мухаммад Султан решил обязательно увидеться с наукером Аргуншахом, чтобы вместе побродить на берегу реки Тигр. Он позвал его к себе. Небо было чистое, блестело солнце, стояла отменная погода. Два конника направились в сторону реки.

Когда прибыл слуга шахзаде с приглашением... наш «наукер» взволновался. «Я вижу шахзаде издалека, славу Богу, этого достаточно для меня! – думала Согинч-бика. – Меня зовут уже несколько раз. Хорошо, что встречи не состоялись. В Козеруне он был рядом с Сахибкираном на белом коне, тогда, увидев его, я была на седьмом небе от радости, стоя в третьем ряду. Теперь он опять зовет меня. Почему? Это и тревожно, и радостно... если бы можно было убежать! Но нет, нельзя не явиться, а идти – опасно... Почему он так внимателен ко мне? Неужели узнал меня?... Сохрани Бог!»

– Река сильно пенится, образуя буруны и водовороты... Видно, у нее тоже какая-то боль... И она не может никому открыться... – сказал задумчиво Мухаммад Султан, натягивая поводья и замедляя бег иноходца. Шахзаде был очень грустный. – Бедная, несет свои воды, пенится, образует водовороты, будто сама терзает свою душу, ее волны беспокойны от обиды, выются, мечутся, ища утешения, и исчезают в пучине... Она тоже влюблена, что ли...

– Да, река очень беспокойна...

– Это не река, а я, Аргуншах! То не беспокойная волна, а сердце мое! Мои чувства, мой душевный трепет... Эх!..

«Почему он так откровенен?» – тревожился «наукер»...

– Не мучайтесь так, господин шахзаде! Бог дает боль и сам лечит ее...

– Те бегающие кони тоже влюблены, что ли... – глядя вдаль, произнес шахзаде. – Не могут от радости стоять на одном месте...

Вскоре погода испортилась, небо стало серым, и будто начало давить на сердце.

– Ты тоже влюблялся когда-нибудь? – спросил вдруг шахзаде у «наукара». – Ты очень красивый джигит! Такой джигит не может не любить! На худой конец, тебя кто-то любит...

– Я? И... и... Я... я тоже... – «наукер» оказался в затруднительном положении, но шахзаде оборвал его и тем спас:

– Еще влюбишься, эй, наукер! Ты это прочувствуешь... ох, как прочувствуешь... Нет, ты любишь, ты влюблен!.. Скрываешь... Не стесняйся. Давай говорить о своих любимых!

– Вай!.. – воскликнул «наукер», как девушка, но быстро опомнился: – Не-е-е-т! Господин шахзаде, я – ваш слуга... простой наукер. Как я смею. Нет, это недопустимо. Какая у меня любовь?!

Когда девушка сказала «я – ваш слуга...», она испытала приятное сладкое чувство и невольно улыбнулась.

Шахзаде пристально посмотрел на «наукара» и удивился: маленькие усики, смуглое, как у негра, чуть-чуть овальное лицо, ровные белые зубы, ямочки на щеках и непохожий на мужской голос, который показался знакомым. Но он на это не обратил внимания, потому что был занят совершенно другим.

– Ах, Аргуншах! Моя любимая... Моя любимая... – не утерпел Мухаммад Султан, ему хотелось все тотчас рассказать наукеру. – Подожди... какая моя любимая? Не могу описать. Очень трудно. Вот! Смотри на небо! Когда на нем восходит солнце, оно становится светлым-светлым. А когда солнце заходит, оно становится грустным, пасмурным, будто горюет о любимом и не скрывает своих слез... Вот и теперь его любимого солнца нет, поэтому оно хмурое, печальное... Ему хочется плакать. Небо и Солнце... Их создал Бог, подобно Адаму и Еве, достойными друг друга...

– Пусть у всех так будет... господин шахзаде, – сказала Согинч-бика.

Шахзаде задумался о своем. «Небо – существо, а Солнце – его душа... – подумала девушка. – Ты мое небо, мой султан, стать бы мне твоим солнцем... Нас Бог создал достойными друг друга...»

Они двигались в сторону леса, растянувшегося вдоль берега, где шебетали птицы, а деревья одевались в желтый наряд. Конец осени, листья деревьев становились шафрановыми, в небе летали стаи.

Согинч-бика подумала, что целый месяц по ночам одна входит в свой шатер, бросается на постель и плачет. Она так и не нашла ответа на вопрос, любит ли ее шахзаде...

Хорошо, что после взятия крепости Сафид у нее появилась одна рабыня: победителям разрешено грабить, и воины с нетерпением ждут момента, когда получат хорошую добычу. Грабеж – самое тяжелое наказание для врага, если он не покоряется неприятелю. Амиры, наукаеры берут все: кто первый взял, тот и хозяин вещи.

Хоть нашему «наукаеру» ничего и не нужно, Аргуншах вошел в крепость. Там плач, шум, гам, никто никого не слушает. Вдруг появилась девушка, очень красивая, волосы ниспадали до плеч, лет четырнадцати, ее звали Парвана. Она с криком кинулась к нему: «Хозяин мой! Хозяин мой! Спасите меня! Я буду вашей невольницей! Вашей служанкой! Спасите!» Аргуншах слышал, что горянки бывают очень красивыми. За девушкой в пятидесяти шагах показался воин-верзила. Говорят, тонущий за змею хватается. Девушка страстно обнимала Аргуншаха, показывая, что она его рабыня и неприкосновенна. Аргуншах, чтобы другие не сомневались, понял, что надо ее принять как невольницу... и крикнул тому воину-верзиле:

– Кто первый взял чистый цветок, тому он и принадлежит!

Верзила остановился шагах в двадцати от них и повернул назад.

Парвана была дочерью коменданта крепости, ее отец погиб во время боя. Этот красивый, как молния, джигит очень понравился девушке с первого взгляда, она мечтала служить ему до конца своей жизни и молила Аллаха об этом.

Но радости невольницы скоро пришел конец. К вечеру она стала печальной. Бедная чувствовала, что это не ее судьба.

В первую ночь Аргуншах попытался обнять Парвану...

Девушка оказалась разговорчивой, но тихо отстранила руку Аргуншаха:

– Благодарна вам за то, что вы меня спасли, я ваша должница, мой хозяин... – встав на колени, она поцеловала руку наукаера и продолжила: – Вы совершили доброе дело... Но...

Невольница не решалась договорить.

– Ну... ну? Скажи!

– Но... я удивлена... что вы хотели обнять меня... Будь проклята моя судьба...

– Ты удивлена? Почему? Не понимаю...

Невольница, нахохлившись, молчала.

– Что, ты онемела? Я спрашиваю...

– Ладно, скажу... Когда... – с трудом говорила девушка. – Когда две женщины становятся парой? Где?

Аргуншах вздрогнул, будто его коснулись лезвием, но сдержал себя и зло воскликнул:

– Что? Что?.. Ты говоришь, что я девушка? Как ты это докажешь, нечистая?

– Нам не в любовные игры играть, а косички заплетать... – резко отрезала Парвана.

– Вай... Ие! Смотрите, что говорит бесстыжая! Невоспитанная!..

Но последующие слова невольницы вообще ошарашили его:

– Я слышала, что у коня бывает хвост... – стесняясь сказала она и склонила голову.

Согинч-бика сдерживалась, но бесцеремонность невольницы вывела ее из себя. Сама того не желая, она дала пощечину невольнице.

– Вах, бесстыжая, значит, ты знаешь, что такое хвост? Тебе нужен хвост?.. Бесстыжая какая!

Невольница закрыла лицо руками и заплакала:

– Не бейте, хозяин мой! Ведь... вы тоже девушка, вы тоже! Когда я подбежала от испуга к вам и обняла... я почувствовала, что ваше сердце учащенно билось. Мой отец был лекарем, он говорил, что сердце у женщины бьется быстрее, чем у мужчины. А еще из-под вашего шлема виднелся локон. Вы забыли спрятать его... И все же я была не уверена. Но когда увидела ваши маленькие шаги, то удостоверилась окончательно, что вы девушка, мой хозяин... Что еще сказать?..

– Вай! Вот ты какая, оказывается!

Аргуншах удивился, что девушка говорила, как взрослая, умудренная жизненным опытом женщина. Если уж эта служанка узнала, что она девушка, то «наукеру» надо быть бдительнее. А то тайна раскроется.

– Парвана! – приказала она невольнице, которая начала плакать. – Слушай! Не плачь! Оказывается, Господь послал тебя на мою голову. Догадливая ты, чертовка! До сих пор никто не сомневался в том, что я юноша, а ты, озорница, узнала! Эту тайну надо сохранить! Пусть никто не узнает! Перед людьми я – твой хозяин, ты – моя служанка! Поняла? Вытри слезы!

– Я чувствую, что у вас большая тайна, мой хозяин. Но... не понимаю, почему вы оделись как джигит, зачем вы скрываетесь?

– Не поймешь! Не суйся куда не нужно! Знай свое место! Держи язык за зубами!

– Хорошо! Вы примете меня к себе как невольницу? – настаивала Парвана, улыбаясь. – Я хочу быть рядом с вами... Поверьте мне, я буду держать язык за зубами, никому ничего не скажу...

Всю ночь две «горемыки» делились своими горестями...

– Гляди на этих птиц, эй, наукер! – вдруг воскликнул Мухаммад Султан, прервав мысли Аргуншаха.

Согинч-бика с удовольствием наблюдала, как две иволги, перелетали друг за другом с одного пожелтевшего дерева на другое. Красиво смотрелась эта гармоничная пара: самец бело-желтого цвета, с черными крыльями и хвостом, и самка – зелено-серая, нежно взмахивающая крыльями. В каждом ее движении чувствовалось изящество и кокетство...

Она невольно представила себя на месте самки. Мухаммад Султан наблюдал за самцом... самка убегала, издавая «биев», «биев», а самец догонял,

вертелся вокруг нее, потом они нежно касались друг друга, чирикали, выражая свою бесконечную радость, их не интересовали мирские дела, они не замечали, что кто-то наблюдает за ними, испытывая наслаждение и блаженное опьянение жизнью... Самка кокетливо улетает прочь, самец рьяно догоняет ее...

«Какие они счастливые!» – завистливо вздохнул Мухаммад Султан.

«Стать бы одной из них!..» – мечтательно прошептала Согинч-бика...

– У меня положение безвыходное, эй наукер! – грустно сказал шахзаде. – Знаешь, Ханумайим послала сватов в Ташкент просить руки Согинч-бики!

– Сватов? Сватов послали? Это же хорошо! – восторженно удивилась девушка, сама не зная зачем встав с места. Сердце ее будто взорвалось. – Ие... Ие... Я не понял, какая здесь беда, господин шахзаде, разве плохо, если послали сватов? Или ее родственники не согласились?..

– Слушай дальше! Сваты узнали, что отец девушки Джаханшах ибн Жаку ответствен за строительство Аксарая и уехал из Ташкента в Самарканд. Они отправились в Самарканд и... и...

Мухаммад Султан, подобно ребенку, которому не дали то, чего он так хотел, глубоко вздохнул. Согинч-бика видела, что губы джигита дрожали, во взгляде были безнадежность и тоска. Если бы было возможно, она бы разом все открыла, сказала бы, что она и есть та плутовка, в которую он влюблен, и рядом с ним!..

– Не печальтесь, господин шахзаде! – прошептала она.

– Теперь я разлучен с любимой... Разлучен! – со слезами на глазах промолвил шахзаде. – Она исчезла... никто не знает, где она! Не знает... ищут не могут найти. Не находят... здорова ли она, все ли с ней благополучно...

Опечаленный шахзаде, не стесняясь наукера, заплакал. Увидев это, Согинч-бика тоже прослезилась. От обиды, что ее мучения так напрасны в этих чужих краях, она безмолвно заливалась горькими слезами, про себя прося прощения у шахзаде.

– Господин шахзаде! – вдруг сказала взволнованная Согинч-бика. – Не печальтесь! Вы так любите свою возлюбленную, больше жизни, больше всего... Межнуну надо учиться у вас! Пусть Аллах поможет вам!

– Ах, Аргун, Аргун! – качал головой Мухаммад Султан, закрыв глаза и ничего не слыша. – Где я найду ее?.. Я потерял ее! Потерял!..

Девушка решила было сейчас же сказать все, но не успела.

– Отчего ты так сильно побледнел, Аргуншах? – спросил шахзаде, будто только что проснулся, глядя на «наукера» широко открытыми глазами. – Ты болен?..

Сердце Согинч-бики застыло, лицо покраснело, неприятная дрожь пробежала по телу! Нет сомнения, что ее тайна вот-вот откроется! Шахзаде, тонко чувствующий человек, конечно, он все понял! Ведь хотанская краска, которую она употребляет, боится сырости, поэтому девушка по возможности скрывает лицо под шлемом. «Что я наделала? Шила в мешке не утаишь», – думала она, потирая лицо. – Теперь конец тебе, Согинч! Опозорилась, все!..»

Но женщины лукавы, если необходимо – кокетливы, если надо – хитры. Согинч-бика не была исключением.

– Ах, господин шахзаде! Я горевал с вами вместе, поэтому лицо побледнело, наверное... Видя ваши страдания, не мог утерпеть... Душа у меня слабая... Когда я сильно переживаю – бледнею. Это с детства. Мать моя тоже

всегда замечала... Простите меня, господин шахзаде! – сказала плутовка, все еще продолжая потирать лицо. – Господин шахзаде! Бог видит, вы слишком любите Согинч-бику...

– Ах, Аргуншах, Аргуншах! Где мне найти ее? Найду ли я?

В это время неожиданная мысль мелькнула у Согинч-бики!

– Найдете!.. Нет! Если разрешите... я найду, господин шахзаде! Я! – вдруг воскликнула девушка. – Бессердечная она! Смотрите, ее любит такой шахзаде, страдает, а она живет спокойно! Я найду ее хоть на земле, хоть под землей!

Шахзаде удивленно посмотрел на «наукера», дававшего обещания.

– Ты очень умный и догадливый джигит! Нашел необходимые слова... – было видно, что, погруженный в свои думы, шахзаде не очень верит его словам. – Ты это сумеешь... Если бы ты нашел ее – Согинч-бику...

Девушка постаралась скрыть волнение и радость, окончательно убедившись, что шахзаде по-настоящему любит ее. Подумав, она серьезно сказала:

– Если... если разрешите... Если... Я хочу помочь вам... Если разрешите поеду в Самарканд?..

– Ехать в Самарканд? Для чего? Или... ты думаешь Согинч-бика в Самарканде? Слышал что-нибудь? – красивые глаза шахзаде заблестели надеждой. – В Самарканде... А?..

– В Самарканде... А если надо, поеду в Кеш, буду ходить по горам, по степям... Я еще не был в Туране, много слышал о нем, мои предки вообще-то из Турана, заодно я увижу нашу великую столицу. Это же моя мечта! Меня зовут Аргуншах! Я обязательно найду вашу возлюбленную и сообщу вам!

– Если бы нашел!.. Найдешь и сразу вернешься! Но никому не говори, что она исчезла! Это не делает ей чести, Аргуншах! Понял? С Богом!

– Благодарю, господин шахзаде! Вашу милость не забуду, если я не смогу отблагодарить вас за вашу милость, пусть Аллах вознаградит вас!

Невольница, услышав новость, горько зарыдала:

– Не-е-е-ет, нет! Моя царевна! И-и-и... мой хозяин! Мне лучше остаться вашей служанкой, чем быть свободной! Возьмите меня с собой! Возьм-и-и-те!!

– Знаешь, это не входит в правила салтаната. Во время выполнения поручения мне не полагается иметь служанку или еще кого-то. Сейчас даже сам себе я кажусь лишним. Еще кого-то брать... нет! Пусть Бог пошлет тебе счастье, Парвана! Поняла?..

II

Вступая на землю, где царствовал когда-то справедливый государь Харун ар-Рашид, куда не дошли ноги хакана Чингизхана, Амир Темур был охвачен необъяснимыми возвышенными чувствами. Он лично решил покончить с Султаном Ахмадом-жалайиром, проучить этого упрямого государя! Если он не соглашается по-хорошему, легко решить вопрос по-плохому.

Амир Темур, как обычно, оставил громадное войско вдалеке и с личной гвардией вступил в город, решив сначала посетить священные места – могилу великого Имама Аъзама, великого Имама Абу Ханифы Ньмана¹.

¹ Абу Ханифа Ньман ибн Сабит ал Куфи – основатель одного из четырех течений в исламе – ханафитского. При Амуре Темуре все население Турана было ханафитами.

Возвращаясь, он вышел на широкую площадь. Площадь перед знаменитым караван-сараям Хан Марджан была многолюдна, яблоку негде было упасть. Сахибкиран хотел было спросить, показывая на людей: «Кто они? Люди жалайиры?..» – но не успел. Один скромный человек в белой мантии с головой, подобной репе, в гладкой, словно отшлифованной, чалме из кисеи, вышел из толпы и подошел к нему. Четверо слуг – джигиты Мубашшира-бахадур – поинтересовались, кто он такой, с какой целью подходит.

– Слуга Бога, господин Низамиддин Шами! Историк!.. – прозвучал голос одного из слуг.

Багдадцы были наслышаны о том, что Амир Темур очень уважает ученых людей, шейхов и саййидов. Они попросили Низамиддина Шами, который уже несколько лет жил здесь, пойти в Хумаюн урду в качестве представителя народа и объяснить, что они не поддерживают Султана Ахмада-жалайиры, не хотят кровопролитной войны, просят прощения, и пусть Сахибкиран не сомневается в них...

Амир Темур всегда по-доброму принимал людей, которые обращались за помощью или просили прощения, и не ждал за это благодарности. Амиры, бахадеры, стоявшие позади Сахибкирана, почувствовали доброжелательность правителя и его готовность быть щедрым и милосердным. Действительно, вскоре последовало:

– Проси чего хочешь!

Низамиддин Шами бросил взгляд на людей, заполнивших площадь.

– Все рады, что вы поставили на место Музаффаридов. Бессовестные хакимы, злодеи, которые пьют человеческую кровь, как материнское молоко, мучают людей... Нет предела вашей милости, просим облагодетельствовать этих людей, они натерпелись от Султана Ахмада-жалайиры... Простите этих грешных, бедных людей...

– Жалайиры притесняли народ Багдада? – Сахибкиран внимательно посмотрел на людей. Никто не осмеливался говорить, все стояли потупив головы. «Молчание – знак согласия», – подумал Амир Темур и повелел: – Пусть народ Багдада живет в здравии и благополучии! Но он не освобождается от налога!

Из гула голосов, доносившихся с площади, слышалось: «Будем платить! Будем платить!» Кто-то кричал, кто-то плакал от радости...

Амир Темур, чтобы догнать Султана Ахмада-жалайиры, покинул Багдад и направился к реке Тигр. Переправившись через реку, на маленьком холме начали машварат.

Сахибкиран, напоминая о том, как пять лет назад Султан Ахмад-жалайир успел улизнуть, решил, что теперь сам будет преследовать врага, даже если придется пересечь пустыню Карбала, в назидание амирам и воинам, которые упустили его. Все старались уговорить его отказаться от этой мысли. Умар-шейх Мирза, Мираншах Мирза, все амиры, беки, бахадеры умоляли султана Турана не поступать так, когда у него столько сыновей, амиров, бахадуров, которые готовы на все... В это время сообщили, что из Басры прибыл шахзаде Мухаммад Султан.

– Здравствуйте, благодетель Сахибкиран! Наша задача – выполнять ваши указы, – поклонился шахзаде. – Не велите казнить, велите слово молвить... Мы не нашли священный Коран... Я узнал, что сто лет назад султан Египта Его

величество Бейбарс Коран Халифа Усмана взяли из Басры и подарили хану Золотой Орды Беркахану. В настоящее время священный Коран находится в библиотеке Сарай-Берке... Аллах всезнающий.

– В Сарай-Берке?... – задумчиво произнес Амир Темур.

– Именно так, Амир Сахибкиран! Мы не нашли сундук «Гулшани хазойин» («Цветник сокровищ»). Но нашли другие драгоценные книги. Надеемся, что вы будете довольны.

Сахибкиран немного подождал и продолжил:

– Мои славные дорогие дети! Доблестные амиры! Вы так верны нам! Это нас радует бесконечно. Повелеваю послать султану Египта Баркуку гонца и передать, что между нами нет никакой вражды, пусть откроется путь для торговли! Мы поручаем Мираншаху Мирзе догнать Султана Ахмада-жалайира, схватить его и доставить нам! А наукаеры Умаршейха Мирзы обязаны оберегать государство с севера.

– К вашим услугам, Амир Сахибкиран! – поклонился Мираншах Мирза.

– Наша жизнь принадлежит вам, Амир Сахибкиран! – поклонился Умаршейх Мирза.

Амир Тимур повелел:

– Мы слышали, что в Багдаде злоупотребляют вином, и оказалось действительно так. Приказываю все кувшины с вином выбросить в Тигр! Закрывать все бабилхане¹! А умелых мастеров и ремесленников отправить в Самарканд! Потом их отпустим на родину.

После машварата Мираншах Мирза и Айбаз-оглан отправились к своим наукаерам:

Великий Амир основательно обдумывал каждый шаг в бою, рассчитывал, кого куда послать, всегда примечал отличившихся храбрых амиров, бахадуров, наукаеров на поле боя, не забывал их наградить, похвалить, публично высоко ценя самоотверженных храбрых людей, готовых пожертвовать своей бесценной жизнью. А к трусам был беспощаден. Тех, кто боится в бою, бежит от врага, устрасая его величия, становясь причиной паники, ждало неминуемое наказание.

В это время со стороны пустыни показались караульные Учкара и Йаналтекин, которые, видно, сильно торопились.

– Султан Ахмад-жалайир быстро переправился через Тигр и приказал разрушить мост, амирзаде... – вздохнул Учкара.

– Да, разрушил, дух твоего отца... – подтвердил Йаналтекин. – Его большое войско на том берегу реки!

– Но когда он увидел наше войско, видимо, испугался, черт побери... Когда звучали трубы, повернул в сторону города Хилла...

Вот уже семь лет Ахий Джаббар-бахадур на службе у Мираншаха Мирзы. «Много раз ездил из Султании в Самарканд, из Самарканда в Султанию, – думал он. – Но в стороне Ирака, особенно в пустыня Карбала, я не был никогда. Когда-то внук пророка Хусайна Али со своими семьюдесятью воинами здесь сражались с войсками Халифа Язида, и все стали шахидами... Навестить их благородные могилы для меня и честь, и долг... Это доброе дело...»

По дороге узнали, что Султан Ахмад-жалайир, проехав Хиллу, доехал до реки Евфрат. И там все мосты разрушил!

¹ Бабилхане – публичные дома.

Глава шестнадцатая

I

Айбаш-оглан и Ахий Джаббар-бахадур получили приказ отправиться в путь с сорока пятью лучшими джигитами по незнакомой пустыне Карбала. Айбаш-оглан, увидев разрушенные мосты на реке, хотел было починить его, но не было времени. Султан Ахмад-жалайир, будто бы нарочно, чтоб не потерялся его след, по пути оставлял то коня, то мула, то шалаш. Возможно, очень спешили, чтобы не попасть в руки врага. Несмотря на то что наступила середина сунбулы¹, было жарко как в саратон, душно, трудно дышать, особенно в пустыне.

От жажды едва живыми были и Айбаш-оглан, и Ахий Джаббар-бахадур, не было сил слово молвить.

– Вернемся?... – безнадежно спросил Айбаш-оглан.

– Нет!.. Нет, приказ амирзаде. Продолжим путь!

От жары на горизонте виднелось море. По этой жгучей пустыне, над которой и птицы боятся летать, еле шли кони, высунув языки, по колено утопая в песке. Всюду встречались обгоревшие змеи, сожженные ящерицы.

Вернулись караульные, которые были отправлены на разведку вперед. Они не нашли следов Султана Ахмада-жалайира, но взяли в плен его жен, сына, захватили имущество. По их мнению, жалайир или исчез в недрах пустыни, или погиб от жары.

Был отдан приказ вернуться в Багдад.

В Багдаде Сахибкиран позвал к себе Айбажа-оглана и Ахий Джаббара-бахадур во главе с Мираншахом Мирзой и внимательно выслушал их. Сахибкиран не скрывал своего сожаления по поводу того, что жалайир опять успел бежать, но хвалил Ахий Джаббара-бахадур. Ахий Джаббар-бахадур, поклонившись Сахибкирану, чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

В это время сборщики налогов передали, что все собрано. Сахибкиран не торопясь полистал тетрадь. Видимо, удовлетворенный, приказал:

– Все раздать наукерам войска!

Надо готовиться в путь, на родину! Возвращаясь издалека, надо заготовить достойные подарки для Сараймулькханум, других цариц, невесток.

«Слава Богу, в Персии Умаршейх Мирза крепко держится, отдам трон Хулагухана Мираншаху Мирзе и буду спокоен за Ирак, Азербайджан. Пусть об их благополучии пекутся сами дети. Пусть правят странами после нас, а после них – их потомки. Большие надежды возлагаю на Умаршейха Мирзу... Несмотря на то что он дерзкий и грубый, у него чистая душа, он храбрый и честный воин. И Мираншах Мирза тоже человек храбрый, пусть Бог посылает им милости. Пусть теперь они занимаются народом, государством, Султаном Ахмадом-жалайиром, Амиром Карой Юсуфом. Это все – дела их чести. А я вернусь домой... Китай! Об этом мне думать придется...»

Но Сахибкиран, который серьезно готовился сегодня-завтра отправиться домой, не знал, что судьбой ему было предначертано еще раз на поле боя встретиться с Тохтамышханом, побывать в русских вилайетах, в холодной Московии и вернуться на родину только через три(!) года...

¹ С 22 августа по 21 сентября солнечного года.

II

Сколько бы ни расспрашивал, ни хлопотал – все было тщетно. Джаханшаху ибн Жаку не удалось ничего узнать о дочке Согинч-бике. Бедный отец был вне себя. Когда он злился, его нос краснел, подбородок начинал дрожать. Не зная, что предпринять, он хотел бежать к городскому хакиму Амиру Акбуге-найману, объяснить все, отправить во все стороны воинов, послать их в другие города, кинуться самому на поиски, послать слуг. Может, кто принесет весть о Согинч-бике... Но потом раздумал. Вдруг в голове просветлело, он позвал невольницу Сарвиназ.

– Вы же были с Согинч-бикой близкими подругами... Почему не присматривала за ней? Как все упустила? Я был занят своими делами и не мог уделить нужного внимания дочери в последнее время... – сказал Джаханшах ибн Жаку и, не ожидая ответа, продолжил: – Ты, наверное... знаешь, где она?

– Нет, нет... мой амир... Я бедная невольница, откуда мне знать? Не знаю... – Она не поднимала головы. Чувствовалось, что ей неловко.

Именно тогда прибыли в Самарканд сваты во главе с Сафарберганом, и, когда Джаханшах ибн Жаку уважительно провожал их, он вдруг осознал ужасную правду! До сих пор происходящее казалось ему сном. Нет, это не сон! Да, нет дочери... Теперь ясно – ее нет. Он – один из верных бахадуров Сахибкирана, многоуважаемый знатный человек – из-за слабых характеристик потерял свою дочь, бедный амир!..

Ему чудилось, что ее обольстили, сбили с пути, увели джины. С надеждой произнес: «О помощи, Гавс!» – уверенно отправился в поле, нашел удобное место, нарисовал клетку, вошел в нее, сел и стал читать «Аят ал-Курси»...

Когда читал в семидесятый раз, вроде слышались шум и топот коней, но, открыв глаза, не увидел никакого коня, над головой галдели и метались по небу птицы. Он продолжил читать, читал больше ста раз и до вечера просидел в клетке, не слыша ни звука. Не было ни джинов, ни падишаха джинов, ни дочери...

«Значит, она не встретилась с джинами... Эх, Согинч, Согинч!.. Почему мы дали тебе такое имя?.. Согинч – значит «тоска». Теперь ты по-настоящему покинула нас, и мы так тоскуем!..» – думал усталый отец.

Вернувшись в город, он нашел Амира Сайфиддина-некуза, рассказал о происшедшем и попросил погадать по Корану, чтоб хоть как-то утешиться. Вышел такой аят: «Фа-инна маба-л-усри йусран инна мабал-усри йусро»¹, то есть, «Истинно, тяготы иногда отступают».

Душа Джаханшаха ибн Жаку немного успокоилась, да пройдет эта беда и наступит радость! Бог всегда милостив, всегда оставляет надежду. За страданиями дарует счастье...

Глава семнадцатая

I

Когда Амир Тимур находился в Мосуле, он не раз отправлял послов в Египет и Сирию (Шам), но государства противились. Решено было начать поход на эти страны. Естественно, возвращение в Самарканд откладывалось. Высокое повеление было разослано по всем туманам, городам, чтобы явились все

¹ Коран, сура 94 «Раскрытие», 5 аят.

амирзаде, воины, хакиды со своими воинами. Но от султана Мардина ответа не было. «Не в наших правилах оставлять врага за спиной», – сказал Амир Темур и повернул войско в сторону крепости Мардин.

Персидский правитель Умаршейх Мирза почти заканчивал осаду скалоподобной крепости Сиржан, которой не удавалось овладеть многим бекам. Получив высший фирман, он позвал к себе сына Пира Мухаммада Мирзу, собрал войско и отправился в Мосул, хоть и не очень приятно куда-то было отправляться в такие холода.

Пятнадцатилетний амирзаде последние три месяца был рядом с отцом. Умаршейх Мирза видел, как он вырос, участвует в боях, и советовал ему изучать воинское искусство. Правитель Персии всегда просил Бога, чтоб его сын рос сильным воином, об этом он несколько раз и с сыном говорил.

– Храбрый решительный полководец держит свое слово: если начал войну, а потом понял, что это ошибка, все равно не должен отступаться... Как говорит Амир Сахибкиран, прежде чем начать какое-то дело, человек должен сначала глубоко его обдумать...

Амирзаде серьезно слушал.

– Доблестный полководец думает только об одном, – продолжал правитель Персии, – как победить врага! Впереди – только враг и поле боя, а победа только сзади. Если надо, он должен быть готов вступить в бой. Полководец не должен сожалеть о том, что кони в пустыне растопчут цветы и травы, никого, даже себя он не должен шадить. Не должен мучиться, что муравейник разрушит, это судьба. Он не должен быть сентиментальным. Сахибкиран говорит, что широта мысли полководца во время сражения должна быть равна широте поля боя. Когда под тобой горит земля, и враг с мечом идет на тебя, говорить ему: «Постой, опомнись!» или стараться усювестить его, сомневаться, убить его или нет, и будет ли это справедливо – это явное заблуждение. Амир Сахибкиран много говорит о военной тактике, мой амирзаде. Настоящий полководец сначала выбирает удобное место для боя. Оно должно быть широким, открытым, на возвышенности, и чтобы не мешали лучи солнца. Следует внимательно понаблюдать за действиями противника, подождать, пока враг сам начнет наступление. Потому что, как говорил наш Пророк, поспешность и опрометчивость – свойства, приущие шайтану. Никогда не следует гнаться за убегающим врагом, потому что за ним может стоять большое войско, это следует уразуметь...

– А если войско терпит поражение, что делать?

– Тогда сам полководец должен вступить в бой, говорит ваш дедушка-благодетель. Но, если он погибнет, это для войска стыд и позор, предупреждает он. Поэтому предводитель должен быть осторожным...

Умаршейх Мирза ехал к Сахибкирану с гордостью. Много времени он потратил, чтобы утихомирить противника. Честно сказать, это было нелегко. На последнем машварате в Хумаюн урду Сахибкиран подчеркнул, что в Персии до сих пор неспокойно. Умаршейх Мирза сидел не поднимая головы.

Теперь он сообщит приятную весть Сахибкирану: завоеваны крепости Шахрияр, Фалак из Гармсира, превратившиеся в гнездо смутьянов и подстрекателей, взяты такие неприступные крепости, как Истахр, Сиржан, – они очень беспокоили Сахибкирана. Наступили теперь в Персии спокойные времена.

До Багдада оставалось около четырех верст. В крепости Харматур войско

отдыхало три дня. Каждый бек занимался своими делами. Амирзаде понравилась старая крепость, расположенная на холме, как камень на перстне, из нее открывалась широкая панорама, все было как на ладони. Кирпичная крепость была красивой и величественной, хотя, конечно, не такой, как Аксарай в Кеше.

– Встречаются же в мире такие изумительные места! Она красива зимой, а летом и весной станет настоящим раем!.. – с восторгом восклицал амирзаде. – Очень похоже на Кешские края! Я так тоскую по Кешу! Здесь, видимо, обитают счастливые люди...

Ему хотелось прогуляться, развлечься, осмотреть внутренние покои крепости, если позволит время, даже поохотиться. Довольный, он сошел с коня, желая один побродить вокруг крепости.

Умаршейх Мирза медленно, с удовольствием шагая, подумал: «Я поднимусь наверх и оттуда из окон полюбуюсь несравненной красотой природы...»

В это время какой-то человек, находившийся в крепости, от скуки постреливал в разные стороны... Случайная стрела попала прямо в ухо Умаршейха Мирзы! Пир Мухаммад Мирза, находившийся в другой стороне крепости, услышал вскрик отца и побежал к нему. Он увидел, что правитель Персии лежит на земле с выпученными глазами и издает тихие стоны, а изо рта у него течет кровь! Пораженный увиденным, сын бросился к отцу:

– Отец мой! Отец мой!..

– Мне конец... – прохрипел Умаршейх Мирза. – Амирзаде мой, слушайте... Вы мой старший сын... Вы должны знать... Моя мать Тулун-ока... ваша бабушка... Она была невольницей Амира Сахибкирана... Это знак судьбы... Поэтому я не смог стать наследником... Их-м! И-и-им-мм!.. – еле-еле выговаривал тяжело дышавший Умаршейх Мирза. – Знайте, что и вы не будете им...

– Почему?.. Почему?.. Почему? Ведь...

Пир Мухаммад Мирза не получил ответа. Он впервые услышал от отца то, что долгие годы терзало его сердце, и испытал горькое чувство ребенка, который долго жил в семье, стал взрослым, всегда думая, что он родной для семьи, но вдруг узнал страшную правду: он лишь только приемный сын, и язык отнялся от страшной новости. Судьба приготовила ему сразу два удара: разлучила с отцом и отняла право стать наследником. У него закружилась голова.

Уму было непостижимо, что только что ходивший, радостный, воодушевленный государь вдруг... умер. Каждый утешал себя тем, что все зависит от воли Аллаха.

– Разрушить до камня эту несчастную крепость!.. – кричал Пир Мухаммад Мирза с наполнившимися кровью глазами. – Всех казнить, до единого!

Началась резня. Снег обагрился кровью...

Труп Умаршейха Мирзы отправили в столицу, в город Шираз.

А войско Амира Темура в это время двигалось в Мардин. Когда оно миновало густой лес и дошло до зарослей камыша, было приказано остановиться.

– На охоту! – прозвучал приказ.

– Амир Сахибкиран! Амир Сахибкир-а-а-ан! – вдруг послышался голос. Гонец, не дойдя шагов сто, встал на колени:

– Не велите казнить, велите слово молвить!.. Умаршейх Мирза... Умаршейх Мирза... Мой амирзаде... велите слово молвить!.. Что теперь будем делать? Не велите казнить...

Гонец, стая и охая, не мог произнести ни слова...

Амир Шахмалик и Джаханшах ибн Жаку с одной стороны, а с другой Мухаммад Чурага-дадхак, Шейх Нуриддин-бахадур быстро подбежали к нему и подхватили под руки.

– Что случилось? Возьми себя в руки!

– Объясни спокойно!

Гонец, всхлипывая, как женщина, начал рассказывать. Все амиры сочувственно окружили Сахибкирана, целовали его чапан, деликатно утешали и просили милости и терпения...

– Конечно, мы все рабы Аллаха, и все вернемся к нему, – сказал твердым голосом Амир Темур, не показывая слез, хотя глаза его были переполнены ими. В такие трудные минуты он всегда верил в силу Аллаха и утешал себя молитвами. – Я хотел выпустить своего ястреба на охоте. Но его выловил охотник из охотников, моего ястреба, с которым не сравнятся даже орлы! Все в воле Аллаха...

Наступила тяжелая тишина.

«Пошли терпения, Господь!», «Дай Бог терпения!» – слышалось с разных сторон. У всех головы опущены, сердца, только что наполненные восторгом охоты, горько сжались от неожиданной беды.

– Сын Умаршейха Мирзы Пир Мухаммад Мирза назначается хакимом Персии! Амирзаде, езжайте в Шираз!

Амиры не посмели поздравлять нового государя Шираза.

Сахибкиран медленно обернулся назад, с трудом сдерживая слезы, и, ни на кого не глядя, направился в царский шатер... Вскоре из шатра слышались горькие рыдания. Кажется, в них отразилась скорбь, заполонившая все существо Сахибкирана и вдруг вырвавшаяся наружу.

II

Осада крепости Мардин продлилась два месяца.

Каждые три дня Сахибкиран посылал гонца в Султаню, спрашивал, есть ли новости, не дождавшись ответа, отправлял другого, ждал вестей от Сараймульханум. Скоро должна разрешиться от бремени его младшая невестка Гавхаршадбегим, супруга Шахруха Мирзы... Какого внука соблаговолит Аллах? Пусть вечно живет.

После проведения погребальных обрядов Сараймульханум торопливо возвратилась из Шираза в Султаню. У нее те же заботы: младшая пятнадцатилетняя невестка Гавхаршадбегим...

Поразмышляв, Сараймульханум решила, что не кто-нибудь, а именно она сама доставит радостную весть Его величеству, приедет и поздравит (она соскучилась по Сахибкирану, вот и повод для встречи!). Она сама увидит и порадует тому, что в глазах Сахибкирана, ослабевших от горя, появятся яркие искры радости. Пусть он даст младенцу имя и, конечно, ей подарок за радостную весть... Да и есть еще у царицы разговоры...

Крепость Мардин еще не сдалась. В царском шатре был создан машварат.

– Сам Аллах свидетель, мы потеряли столько времени попусту, ждали, что нас поймут, терпели, надеялись. Крепость, как девственница, не желает сдаваться... Они, видимо, считают себя неприступными, как высокая скала, руками не достать... Теперь пусть пеняют на себя. Крепость разрушить до основания! Весь

Мардин и крепость Боз, что находится внутри, – разрушить!! Пусть готовят катапульты! Восстановить кочующие минареты! Никого не шадить!

Решение Амира Темура было твердым. Сахибкирану казалось, что в трагедии Умаршейха Мирзы виновата не крепость Харматур, а мардинцы... Он беспокойно ходил туда-сюда, будто сам собирался биться.

Дадхах надеялся, что кто-то из амирзаде решится спросить Амира Сахибкирана, стоит ли из-за непристойного поведения недальновидного правителя Мардина разрушать такую крепость, ведь Турану тоже нужны такие бастионы... Может быть, духовный наставник скажет что-то?

Но никто не осмелился ничего сказать.

После машварата все направились в сторону крепости.

Загремели трубы, зазвучали карнаи. Начался беспощадный бой. Обычно наукеры перед крепостью выстраивали четырехэтажные даббаба¹, их называли ходячей крепостью, и храбрые воины поднимались до ворот крепости. И сейчас тоже было так. С четырех сторон крепости выросли, как высокие тополя, минареты, увидев их, мардинцы пришли в ужас. Арроды, размешенные на холме, сыпали градом камней, в стенах крепости множились бреши. Местами можно было видеть храбрых наукеров, ловко поднимающихся на стены крепости по лестницам. Все погрузилось в пыль, шум, гул.

Наблюдая бой, Амир Темур случайно бросил взгляд на восток, на дорогу на Кукча-денгиз (Синее море) и увидел вдалеке большой угрук. На верблюде качался величественный паланкин. Сердце его дрогнуло, он стал пристально вглядываться вдаль... Неужели это паланкин милой, многоуважаемой царицы Сараймульханум?! Да нет же! Но флаг, его цвет очень похож! Она ли? Что же заставило ее отправиться сюда из Султании?.. Сердце Сахибкирана затрепетало.

В это время слуга передал Мухаммаду Чураге-дадхаху, что приехал гонец от султана Ширвана Шейха Ибрахима. Дадхах двумя руками подал письмо Сахибкирану, не скрывая при этом своей тревоги:

– Дай бог, чтобы все было хорошо... На все воля Аллаха...

– Открой письмо, – спокойно приказал Амир Темур.

Сахибкиран начал читать, письмо было коротким и ясным: *«Мы сообщаем Сахибкирану Абулмузаффару Амиру Темуру Курагану, что по милости Аллаха мы все живы и здоровы. Наши границы спокойны... были. Я очень сожалею, что нарушаю спокойствие благодетеля Сахибкирана, который усердно занят тем, чтобы осчастливить рабов Божьих... Месяц назад хан Золотой Орды Тохтамышхан, не думая, чем это кончится, осмелился перейти границы Ширвана...*

...По сведениям нашего агента, Тохтамышхан, падишах Ирака Султан Ахмад-жалайир, предводитель племени каракуюли Амир Кара Юсуф, султан Египта Баркук, султан Рума Абу Язид решили вместе, не велите казнить, велите слово молвить, начать против вас войну... Если вы пожалуете на нашу землю, мы, почувствовав ваше присутствие, стали бы еще сильнее и еще крепче связали бы пояса преданности...»

– Слышали, мой Хазрат?.. Если человек платит злом за добро, выхода нет. Как верно сказано в хадисе, дурной человек, пока не сделает зло тому, от кого получил добро, не уходит из этого мира... Надо делать так, чтобы враги становились друзьями, для этого я не жалею ни денег, ни сил, всегда готов

¹ Даббаба – кочующие минареты.

прощать, заключать соглашения, чтобы не было войны, посылаю послов, предлагаю договориться...

– Ваши старания ведомы самому Аллаху, Амир Сахибкиран, – сказал духовный наставник. – Будьте еще добрее!

– Помилование – наследство, которое мусульманам оставил сам Пророк. Амир Сахибкиран строго следует этому правилу, – вмешался в разговор духовный наставник. – Сие есть истина. Ваша справедливость состоит из снисхождения и наказания, ваша милость и жестокость всегда идут рядом. Но правильно сказал дадхак: у каждого поступка должны быть границы...

– Да, есть граница, есть... Но не должны враги деликатность принимать за трусость. Я понял, мой Пир! – сказал Амир Темур. – Если мы выступили против Тохтамышхана, то ни в коем случае не должны допустить, чтоб он объединился с Баркуком, Амиром Карой Юсуфом, Султаном Ахмадом-жалайиром, Баязетом Йилдиримом. Воевать одновременно со всеми – безумие. Мы будем воевать со всеми, но по отдельности. Пока есть Золотая Орда, Турану, видно, не видать мира! Во имя мира придется воевать!.. Враги и не догадываются, что если поднимется Туран, то быть бурану, когда узнают – будет поздно...

Амир Темур окончательно потерял надежду в ближайшее время возвратиться в Самарканд. Он тосковал по самаркандским садам, Ургутским горам, высокогорным дорогам Тахти Карача, величественному Аксараяу, шемило сердце при воспоминании о том, как он в нишенском облачении дервиша тайно обходил Шахрисабз.

Сахибкиран еще раз взглянул в сторону Кукчи-денгиза. Да, это был угрук Сараймулькханум! На душе у него посветлело!

Сараймулькханум спустилась с паланкина легко и грациозно, как молодая девушка, приподняв тонкое покрывало с лица, почтительно поклонилась Сахибкирану, три раза поцеловала край его чапана и провела по глазам. При этом незаметно успела стереть слезы радости... Она была одета в облегающий, подчеркивающий ее стройную фигуру густо-коричневый парчовый халат, который всегда восхищал Сахибкирана, в нем она выглядела нежнее и моложе...

– Суюнчи просим, мой Хазрат, суюнчи! – сказала царица, кланяясь и легко отступая назад.

Сахибкиран поспешно начал искать кошелек, приговаривая: «Ие!», «Ие!» Мухаммад Чурага-дадхак видел, как засветилось и повеселело лицо Сахибкирана, исчезла глубокая морщина на лбу.

– Вот вам суюнчи, биби!..

– В семье Шахруха Мирзы родился сын! Сын родился, мой Хазрат!

– Поздравляем, Амир Сахибкиран! Пусть век живет! – открыл руки для молитвы духовный наставник и обратился к царице: – Поздравляем и вас с внуком, Ваше величество!

Сараймулькханум наклонила голову в знак благодарности.

Довольный Амир Темур встал с трона. Хвала и честь вечному Творцу! Ведь будто вчера появился на свет сын Шахрух Мирза, и Сахибкиран всем-всем раздавал суюнчи, а теперь у сына родился сын! О боже! Как быстро время летит! Его глаза наполнились слезами радости, он молитвенно поднял руки. Были приглашены астрологи и мудрецы.

– Амир Сахибкиран! – заговорил старый астролог. – Судьба шахзаде такова: он станет падишахом, большим ученым, его будет знать весь мир! На

поприше правителя его ждет честь и слава Лукмана!..

– Честь и слава Лукмана!.. Честь и слава Лукмана!.. – закричали вокруг.

– Ах медовый твой язык! – склонил голову Сахибкиран. – Мамат! Пусть казначей готовится одарить всех астрологов и мудрецов драгоценными одеждами!

Сараймулькханум мило улыбнулась:

– Теперь назовите его имя! Вы же обдумали наверняка...

– Жизнь отцов и дедушек продолжают внуки! – сказал довольный Амир Темур. – Мы надеемся на Аллаха, вся надежда наша на Бога! Вчера... я видел сон, биби. Будто я гуляю со своим отцом. Он почему-то молчит. Занятые своими тревогами, мы, быть может, немного подзабыли о нем... – смутился Амир Темур. – По старому обычаю, мы назовем нашего внука именем нашего отца, мир его праху, и будем его помнить каждый день, каждое мгновение! Его имя будет Мухаммад Тарагай!

– Мухаммад Тарагай!

– Мухаммад Тарагай!

– Но обращаться к нему можно, не терзая это величественное имя, мы выбрали для него и прозвище Улугбек. Пусть Аллах ниспошлет ему величие!

– Говорят, «ал-асмоу танзилу минас-само»¹, Амир Сахибкиран! – сказал Мир Саййид Барака. – Названное имя извечно. Пусть будущее Великого бека будет светлым!

«Пусть будет Великий бек!», «Великий!», «Аллаху акбар!» – слышались голоса.

– Население крепости просит пощады и милости, готово отправить по девять драгоценных подарков, платить любую дань! Великий амирзаде Мираншах Мирза повелел доставить вам эту весть! – сообщил прибывший Ахий Джаббар-бахадур.

– Ради Улугбека Мирзы я прошая всех! Остановить резню!! Всем мир, мир!!

– Пусть будет вечным салтанат Туран! О боже! – поднимали в молитве руки астрологи и мудрецы в накинутых новых златотканых чапанах. – Благодарим Бога за то, что наступили мирные времена!

Вскоре загремели голоса глашатаев, стоящих на стенах крепости и объявляющих указ государя о великом прощении. Отовсюду слышались плач, радостные возгласы и смех.

Мир прекрасен, жизнь сладка, Сараймулькханум принесла драгоценнейшую весть и, как солнце, озарила все уголки царского шатра. Он обнял любимую жену, погружая свою бороду в ее нежное, как лепестки роз, лицо, и с любовью несколько раз поцеловал ее родинку, которая всегда страстно ожидала таких мгновений.

У царицы, как всегда, много новостей для Сахибкирана. Холодные, натянутые отношения между Мираншахом Мирзой и Ханзадой-ханум... Скандалы Туман-оки и Чулпан Мулк-оки... Старые споры между Амиром Шахмаликом и Шейхом Нуриддином о том, кто лучше... Неблаговидный поступок великого визиря Мухаммада Джалда: он из богатой добычи, предназначенной в казну салтаната, утаил (будто ошибся) четыре жемчужины, не включил их в список, то есть присвоил.

¹ «Ал-асмоу танзилу минас-само» – имя нисходит с неба.

– Мы думали о свадьбе наследника Мухаммада Султана. Я и Ханзада-ханум выбрали невесту...

– Да?

– Да, выбрали... – Сараймулькханум старалась не вспоминать о Согинч-бике из великодушного желания поддержать Ханзаду-ханум в ее намерении женить сына. У правителя Мерва Шахижахана Амира Алибека Джаникурбани есть очень красивая и умная дочь Хан Султан-ока. Помните, за нее даже калым¹ давали. Когда уважаемый Мираншах Мирза с семьей был в Мерве Шахижахане, Ханзада-ханум видела ее, ей она понравилась. Из этого рода была покойная Менглибика-ока, мой Хазрат. Еще раз будут связаны родственные нити...

Эта новость еще больше порадовала Сахибкирана. Добро идет вслед за добром! Родился Улугбек Мирза, жителям Мардина объявили великое прощение, а теперь – весть о свадьбе.

Сахибкиран был хорошо осведомлен о свадьбах, он всегда в Конигиле сам устраивал сразу несколько свадеб амирзаде и царевнам. Свадьбы, как правило, длились целую неделю.

По мнению Сахибкирана, нет в мире праздника, который бы так тесно объединял людей, радовал их сердца, демонстрировал доброту и щедрость, кроме свадьбы.

Наследник Мухаммад Султан оказался между двух огней. Он больше не мог откладывать свадьбу, потому что могли появиться сомнения в мужских достоинствах шахзаде. Ханзада-ханум очень переживала об этом, уговаривала, плакала, наконец, сумела получить согласие сына на свадьбу.

Хотя он все это время думал о любимой... Никто не знал, как сложилась судьба Согинч-беки, которая затерялась, подобно брошенному в море перлу. До сих пор не объявился и Аргуншах. Его душа объята страданием и тревогой, тоской по любимой. Иногда ему кажется, что он сходит с ума... И совершилось такое.

Мухаммад Султан был словно безумный: силы и желания покинули его, мир померк в его глазах... Ахий Джаббар-бахадур, воин Мираншаха Мирзы, замечал это (если честно сказать, он наблюдал за шахзаде по поручению его матери Ханзады-ханум). Он был очень внимателен и сразу заметил происходящее...

Влюбленный шахзаде едва дыша приказал бахадуру:

– Не рассказывайте обо мне никому, пусть это будет тайной, господин бахадур, пусть никто не знает, особенно благодетель Сахибкиран!..

Ахий Жаббар понял, что шахзаде не хочет тревожить любимого дедушку, не хочет, чтобы о нем ходила дурная слава.

– Понял, мой шахзаде! Будьте спокойны! Я сохранию тайну!

«Ах, какая судьба! Шахзаде сглазили, наверное!» – чуть не плакал Ахий Джаббар-бахадур, и послал за табибом. Когда тот явился, шахзаде был не в себе и только повторял: «Согинч... Согинч...» – не отвечая на вопросы.

Табиб послушал его пульс и, не найдя никаких признаков болезни, приздумался. Перед уходом он сказал растерянному Ахий Джаббару-бахадuru:

– Шахзаде мой здоров, слава Богу... Душа его больна...

Продолжение следует...

¹ Калым – выкуп за невесту.

караван истории

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВСЕВОЛОДА ЛУБЕНЦОВА

Со зданием Ташкентского Кауфманского детского приюта связана славная страница ташкентской истории. Не многие сегодня знают, что в этом здании располагалась и функционировала школа-коммуна, организация которой связана с именем замечательного педагога В. Ф. Лубенцова.

Беспризорщина – результат страшных лет, когда сначала революционные потрясения, а затем гражданская стали причиной того, что почти пять миллионов детей оказались сиротами и, выброшенные на улицу, сбивались в криминальные сообщества. Для новой власти решение этой проблемы явилось наиважнейшей задачей, требующей безотлагательного решения, поэтому создаются специальные детские учреждения: трудовые колонии, школы-коммуны, интернаты.

В сентябре 1921 года в селе Ковалёво близ Полтавы Антоном Семёновичем Макаренко была создана знаменитая трудовая колония имени Горького. Её историю Макаренко рассказал в своих книгах. Но мало кто знает, что ещё в 1918 году в Ташкенте была учреждена опытно-трудовая школа-коммуна для детей-сирот. Инициатором и многолетним её директором был выдающийся педагог, впоследствии заслуженный учитель Узбекистана Всеволод Фёдорович Лубенцов.

Всеволод Фёдорович родился 3 октября 1888 года в Черниговской губернии в семье священнослужителя. Окончив Нежинский историко-филологический институт (тот самый, где когда-то учился Гоголь), он в 1910 году уезжает в Ташкент, начинает свою педагогическую деятельность в Ташкентском реальном училище. Через два года его назначают директором училища.

По воспоминаниям людей, близко знавших Лубенцова, это был добрый, тактичный, справедливый человек, прекрасный педагог, обладающий энциклопедическими знаниями. Всеволод Фёдорович, озабоченный судьбой беспризорных детей, обращается во все инстанции, пишет письмо в Москву, и в 1918 году под попечительством Н. К. Крупской в Ташкенте открывается школа-коммуна имени Карла Либкнехта. Вначале она располагалась в городе, но вскоре переехала в село Никольское (впоследствии Луначарское) в четырёх километрах от Ташкента. Первым всегда тяжело: с огромным трудом добывалось оборудование, мебель, школьный инвентарь. Директор и педагоги школы-коммуны сами выискивали

**Владимир
ФЕТИСОВ**

Родился в 1952 г. в Ташкенте. Окончил Ташкентский Политехнический институт. Работает в компании UCell. Известный очеркист, автор статей об истории края и судьбах ташкентцев.

и приводили сюда детей, стараясь сделать всё, чтобы для голодных, не знавших ласки ребятишек школа стала родным домом. Огромную помощь в этом благородном деле оказал тогдашний заместитель наркома просвещения Туркестанской Республики Пантелеймон Николаевич Лепешинский.

Новое время требовало новых подходов к учебному процессу. Вместе с Верой Андреевной Чинновой (автором учебника русского языка для узбекских школ) Лубенцов создаёт первые учебные программы. Ему удалось сформировать команду увлеченных талантливых преподавателей, среди которых были как молодые педагоги, готовые экспериментировать и искать неординарные творческие подходы в обучении и воспитании, так и люди высочайшей культуры – университетские профессора и бывшие гимназические учителя.

Первый год, как и следовало ожидать, оказался самым трудным. Зима 1919 года выдалась на редкость холодной. Снабжение продовольствием ещё не было в полной мере налажено, и многие ученики попросту разбежались. Дисциплина среди тех, кто остался, стремительно падала. В школе процветало воровство. Чтобы окончательно не погрузиться в пучину анархии и беспорядка, необходимо было принимать жёсткие меры. Но Лубенцов не был сторонником репрессий, он выбирает неожиданное решение: сами воспитанники должны обдумать возникшие проблемы. Состоялось собрание, которое прошло без присутствия педагогов. Открыл его Александр (Шурка) Цыганков. Выйдя на трибуну, он сказал: «Жить в школе очень трудно. Однако если школа развалится и мы разойдемся, то многие из нас погибнут совсем. Останется школа – и мы уцелеем. Что мы делаем для поддержки школы? Ничего! Наоборот, мы ее разрываем. Все это делают, и я в том числе. Я сам украл шинель, два полотенца и простыню. И каждый, у кого хватит смелости, скажет о себе то же самое. Я хочу спросить у всех: что нам делать? Должны ли мы разойтись, или нам удастся придумать, как спасти школу и самих себя?»

Речь Шурки потрясла ребят. Решено было всё украденное вернуть – кроме того, конечно, что уже было распродано.

Александр Цыганков через год после этого исторического собрания ушёл в Красную Армию и погиб в бою.

После переезда за город в школе появилась возможность ведения собственного хозяйства. Это не только помогало решить проблему питания, но и способствовало трудовому воспитанию учеников. Был приобретён огромный участок земли площадью 50 гектаров, на котором разбили сад и огород, были построены мастерские – картонажная, кузнечная, сапожная, слесарная, столярная и другие, а в последние годы существования коммуны – небольшой кирпичный завод. Имелась в хозяйстве и своя пасека, занимались разведением кроликов и домашней птицы.

В коммуне царил дух демократии. Воспитанники и преподаватели трудились вместе. За порядком следили двое дежурных, сменяющихся через сутки, – преподаватель и старшеклассник. Все решения о поощрении или наказании за проступки выносились независимым собранием учащихся.

В школе выбрали ученическое правительство – исполком – и разработали устав совета старших классов, организовали драмкружок, создали оркестр, выпускали газету. Здесь бок о бок жили дети разных национальностей – русские, узбеки, казахи, туркмены, украинцы, армяне. Личный авторитет Всеволода Федоровича Лубенцова был огромен.

Один из воспитанников коммуны, обнинский краевед и археолог Владимир Сергеевич Нестеров, так описывает первую встречу с Лубенцовым:

«В первый же день мне пришлось стать свидетелем такой сцены. Центром сушки был барак, в который свозились овощи. Там же стояли шинковки – машины для резки овощей вроде больших мясорубок. На них работали 15–17-летние парни и девушки. И вот в их толпе поднялась какая-то кутерьма, раздались крики, многие бегали с ведрами и обливали друг друга. Девушки, как полагается, визжали, но старались не отставать от ребят. Среди этой толпы находился довольно плотный уса́тый мужчина

в мокрой расстегнутой косоворотке, который заразительно смеялся и принимал активное участие в веселой свалке».

Нестеров считал, что именно так должен быть устроен идеальный коллектив: «Всё это была не “игра в демократию”, а действительно демократия с огромной заключенной в ней силой».

В 1923 году Всеволод Фёдорович Лубенцов становится лауреатом 2-й премии Всероссийского конкурса сельских учителей, организованного газетой «Правда», и награждается новой солдатской шинелью и яловыми сапогами. Об этом событии написала газета «Правда», а ташкентская школа была названа в статье «жемчужиной Востока».

Более шестисот детей выпустила школа-коммуна. Среди них выдающиеся учёные, академики, профессора. Назову лишь некоторых из них.

- Александр Александрович Кухаренко, минералог, профессор, разработанный им метод позволил открыть первое коренное месторождение алмазов в Якутии.

- Александр Алексеевич Бабин, выдающийся геолог, кандидат геолого-минералогических наук, первооткрыватель Бакcharского железорудного месторождения одного из крупнейших в мире. О годах, проведённых в Ташкентской школе-коммуне, он вспоминал впоследствии с неизменной благодарностью: «...Коммуна, воспитавшая нас, была не только детским домом, убежищем для детей-сирот и беспризорников. Дети получали здесь не только среднее образование. Из числа воспитанников коммуны многие стали учеными, учителями, агрономами, геологами, топографами и специалистами других отраслей».

- Михаил Ефимович Лобашёв, генетик и физиолог, профессор, автор учебника по генетике, послуживший одним из прототипов Саньки Григорьева в романе «Два капитана». Автор знаменитой книги Вениамин Каверин вспоминал, что создание романа «Два капитана» началось с его встречи с молодым учёным-генетиком Михаилом Лобашёвым, которая произошла в санатории под Ленинградом в середине тридцатых годов. «Это был человек, в котором горячность соединялась с прямотушением, а упорство – с удивительной определенностью цели, – вспоминал писатель. – Он умел добиваться успеха в любом деле». Лобашёв рассказал Каверину о своём детстве, странной немоте в ранние годы, сиротстве, беспризорничестве, школе-коммуне в Ташкенте и о том, как впоследствии ему удалось поступить в университет и стать учёным.

- Именно здесь, в трудовой школе имени Либкнехта, освоил азы рисования народный художник Узбекистана Абдулхак Аксакалович Абдуллаев.

- Выдающийся учёный, академик Ялкин Холматович Туракулов также одно время учился в ташкентской школе-коммуне.

Школа-коммуна, любимое детище Лубенцова, просуществовала до 1931 года, а затем была закрыта. Почему это произошло – неясно. Существует несколько версий. Главная – ушёл из школы Лубенцов, а за ним и весь педагогический костяк. Покинул школу Всеволод Фёдорович не по своей воле. Причиной вынужденного ухода послужили его происхождение и беспартийность – времена наступали крутые. Однако из Узбекистана Лубенцов не уехал, а перешел на работу в Узбекскую Педагогическую академию в Самарканде, где проработал до 1933 года, а затем был назначен заместителем директора Республиканского НИИ педагогических наук. Там он проработал до 1939 года, а начиная с 1940 года и до конца своей жизни исполнял обязанности заведующего кафедрой педагогики Самаркандского аграрного университета. Ему принадлежит более 70 научно-педагогических работ.

Заслуженный учитель Узбекистана Всеволод Фёдорович Лубенцов скончался 26 июля 1957 года и был похоронен на Боткинском кладбище в Ташкенте.

В истории педагогики, наверное, немного тех, кто положил всю свою сознательную жизнь на алтарь образования и совершил такой трудовой подвиг во имя детей. Имя ташкентского педагога Всеволода Фёдоровича Лубенцова можно по праву поставить рядом с именами Макаренко, Ушинского, Сухомлинского.

литературоведение. литературная критика

Галина ШВЕДОВА

Родилась в 1988 г. Окончила факультет иностранных языков отделение русского языка и литературы Ташкентского областного государственного педагогического института. Преподаватель.

АРХИТЕКТОНИКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

(на материале рассказа Ирины Горюновой
«Божьи куклы»¹)

Рассказ – повествовательный жанр, изображающий какой-либо эпизод из жизни героя; эпически спокойное повествование с естественно развивающимся сюжетом. Особенностью данной жанровой формы является кратковременность изображаемых событий, малое число действующих лиц.

В силу своей жанровой специфики «всплеск» рассказа соотносится с периодами динамических потрясений в социальной сфере, культуре. В литературоведении сложилось представление о рассказе как о мобильном жанре, способном с максимальной концентрацией отразить художественные тенденции своего времени.

Малый объём рассказа обуславливает значимость и важность выбора эпизода из жизни героя, ставшего ядром повествования, заставляет усиленно работать каждый художественный элемент – слово, сюжет, образ, делая их особенно ёмкими. Автор рассказа должен в сжатое время создать убедительную картину мира, чтобы читатель погрузился в неё, увлекся и открыл для себя новое.

Предмет изображения в рассказе – устоявшееся, повседневное течение жизни, вот почему детально прорисованы обстоятельства, судьба героев включена в более широкий «поток жизни», и за счет замедленной событийности дано развёрнутое изображение внутреннего мира персонажей. Порой в орбиту конфликта включается вся жизнь героя или её значительный период – такого рода рассказ строится на «житийной» основе.

Ослабленность фабулы, включение примет эпохи, которые отзываются в человеческой судьбе, позволяют ввести личность героя в контекст истории. Происходит «укрупнение» жанра, свидетельствующее о том, что рассказ постоянно испытывает воздействие со стороны других эпических жанров (повести, романа), а также драмы и лирики. Но канонические жанровые стратегии позволяют определить устойчивые, эстетически ключевые качества этого мобильного жанра:

¹ Горюнова И. Божьи куклы. – М.: Эксмо. 2011. С. 3-28.

1. Небольшой объем, краткость и убедительность картины мира, для чего необходимо каждое слово, фразу, образ сделать особенно ёмкими с точки зрения смыслового наполнения.

2. Усиленная работа художественных деталей, которые иногда становятся определенными символами.

3. Ограниченное количество главных героев в пространстве рассказа (так называемое единство персонажа).

4. Ограниченное время действия (позволяющее отметить единство времени).

5. Действие рассказа охватывает строго ограниченное количество мест, определяющих развитие конфликта; не относящиеся к развитию действия места могут лишь упоминаться автором (единство места).

6. Единство действия и событийное единство. Данный признак рассказа напрямую связан с сюжетом и его двигателем – конфликтом.

7. Действие рассказа, как правило, имеет логично вытекающую заключительную часть, в отличие, например, от новеллы, развязка которой часто неожиданна.

Рассказ Ирины Горюновой «Божьи куклы» повествует о сложной и драматичной жизни немолодой женщины Ольги. Главная героиня оказывается не просто в тупике, но в мешке, завязанном крепким узлом. Узел, как это часто бывает, затянулся еще в детстве.

Объем рассказа около 25 страниц, насыщенных емкими, полными смысла текстом и художественными образами.

Тема рассказа традиционная, вечная в русской литературе – взаимоотношение поколений – дана не на социальном, а на чисто возрастном уровне. Маленькая девочка Оля, не понятая в свое время родителями, повзрослев, тоже не смогла понять своих детей. Сын, воспитанный матерью Ольги (не совсем адекватной женщиной), стал неврастеником, ушедшим в себя. А лапочка-дочка благоразумно выросла эгоисткой.

Проблематика рассказа приглашает читателя к размышлению и сопереживанию. Герои анализируют сложившуюся ситуацию, ищут источники своих проблем, пытаются бороться с несчастной судьбой, так как автор ставит в центр внимания глубинную основу человеческой личности – идейно-нравственную сущность характера. Главная героиня Ольга, испытывая личную нравственную ответственность за происходящее, решает бороться за здоровье и счастье сына, дать ему все, что недодала в детстве, – любовь и ласку.

Рассказ «Божьи куклы», пронизанный трагическим пафосом, начинается фразой: «В воздухе стоял тошнотворный запах отчаяния, боли и близкой смерти» (*курсив – Ш. Г.*) (с. 3)¹. И далее герои переживают и вспоминают что-то отрицательное.

Эпиграфом взяты слова Гераклита Эфесского: «Звери, живя вместе с людьми, становятся ручными, а люди, общаясь друг с другом, становятся дикими» (с. 16). Они как бы концентрируют основную мысль произведения о человеческих взаимоотношениях.

Композиционное построение произведения – рассказ в рассказе – обусловлено исповедальной формой повествования, включением внутренних монологов главных героев (внутренние монологи Ольги, ее родителей, мужа и детей). Это позволяет достичь эффекта быстрой смены картин в рассказе. Сначала представлена реальность насущных дней, затем через призму воспоминаний и монологической речи героев дается возможность наблюдать за происходящими изменениями. Внутренний монолог является важным и часто встречающимся

¹ Цитаты из рассказа здесь и далее приводятся по: Горюнова И. Божьи куклы. – М.: Эксмо. 2011.

приемом психологизма – фиксация и воспроизведение мыслей героя, в определенной степени имитирующие реальные психологические закономерности внутренней речи. Автор как бы «подслушивает» мысли героя во всей их естественности, непреднамеренности и необработанности. Внутренний монолог обычно воспроизводит речевую манеру персонажа, его манеру мышления¹.

Отличительная черта «Божьих кукол» – контрастность. Сопоставление жизненных ситуаций, обстоятельств, мировоззрений, усиливаясь абсурдностью введения, казалось бы, ирреальных картин (античные, гладиаторские эпизоды), вполне естественно вписывается в жизнеописание главной героини Ольги. Античные реминисценции² использованы для напоминания о том, что вечны жестокость и милость, вечна жизнь и неотвратима смерть, а совокупность трагедий мира зачастую рождает в людях, проходящих сквозь пласты времени, тягу к радости и жажда счастья.

Ирина Горюнова широко использует в рассказе художественную деталь, особенно такой ее тип, как психологический портрет, выражающий психологическое состояние персонажа, смену состояний: «Немолодая женщина с помятым и потерянном лицом...» (с. 3), «Потрескавшиеся Олины руки, измученные ревматизмом и постоянной уборкой и стиркой, вытирали катящиеся по щекам слезы. “Тридцать восемь лет... мне только тридцать восемь лет... – думала она. – А куда я гожусь?” Высшего образования получить не удалось – слишком ранний и поспешный брак, а потом рождение детей ввергли Ольгу в пучину постоянных забот. Работая в детском саду нянечкой, она ухитрялась подрабатывать уборщицей и в овощном по соседству, и в парикмахерской, и во время тихого часа в саду, и в выходные. Она нередко вспоминала один из фильмов Феллини, увиденный еще в юности, – “Ночи Кабирии”: сейчас Ольга ощущала себя примерно так же, как его героиня. Болезненное сосущее чувство собственной ненужности и никчемности, желание хоть куда-нибудь притулиться, привязаться к некоему живому существу, которое будет любить тебя, именно тебя, такую как есть, сопровождало Ольгу всю жизнь. Что такое беспросветный мрак, в котором Кабирия тшетно ищет чудо, она знала не понаслышке. Все пустое: любая вспыхнувшая искорка тут же превращается в уголь... Легенды о великой любви сочинены менестрелями, а жизнь, увы, лишь борьба за выживание, за место – если уж не под солнцем, то хотя бы не на помойке. Прикосновение дрожащей руки к другой руке в танце, яркие манящие звезды и жгучие поцелуи на набережной, когда тепло даже при леденящем ветре, потому что внутренний огонь сжигает и дурманит кровь, – все это обман. Самообман. Есть эгоизм, есть желание жить за счет другого, стремление к обеспеченности и комфорту. Все» (с. 20). Ее портретная характеристика дается в монологе мужа Ольги Антона Лупарина: «Зря я на ней женился. Ходит как распустиха, за собой не следит, до нее даже дотрагиваться неприятно, не красится, голову редко моет – все плечи в перхоти, как пеплом присыпаны» (с. 16). Эти детали воссоздают не только портрет, но и психологическое состояние главной героини, ее нравственную субстанцию. Контраст в описании Оли-женщины и Оли-девочки во многом объясняет трансформацию души: «Оленька сидела в накрахмаленном белом платье на жестком стуле, положив ручки на колени, и боялась пошевелиться. Большие нелепые банты на белокурых волосах еще больше подчеркивали узость скуластенького личика на фоне огромных доверчиво распахнутых глаз» (с. 5). Слово «доверчиво» стоит подчеркнуть, поскольку, после того как «Оля поняла, что желания сбываются не всегда», потому

¹ Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М: Наука. 2011. С. 60

² Крюкова Е. «Божьи куклы». Ирина Горюнова //Журнальный зал// «Дети Ра» 2011, № 6 (80).

что Дед Мороз не принес ей куклу, она перестала быть доверчивой: «Открытие это она, впрочем, предпочла держать при себе, чтобы не расстраивать маму и папу» (с. 6).

Немаловажные детали, воссоздающие суть персонажа, есть и в описании Николая, гладиатора Никоса, в диалоге Ольги и ее сына. «Кукла» уже не просто художественная деталь, она становится символом безволия, несамостоятельности, бессилия:

«— Иногда я тоже думаю, лучше бы ты умер, — тихо произнесла Ольга. — Ты как кукла — неживая, недобрая, лупоглазая, у которой нет чувств, а только то, что «вдыхают» в нее люди своими эмоциями, наделяют какими-то воображаемыми чертами, мечтая о несбыточном...

— Кукла? Да, я кукла. Мама, неужели ты не видишь, что все мы — божьи куклы, которые в любой момент можно сломать или выбросить? Нами просто играют, пока это интересно» (с. 26).

Таким образом, «кукла» становится связующей нитью, образом-символом всего повествования, начиная с самого названия — «Божьи куклы».

В рассказе Ирины Горюновой «Божьи куклы» следует выделить главных, второстепенных и эпизодических персонажей. Главные — Ольга и Николай. Они находятся в центре сюжета, обладают самостоятельными характерами и прямо связаны со всеми уровнями содержания на протяжении всего произведения.

Мать, отец, муж и дочь — второстепенные персонажи, активно участвующие в сюжете, имеющие собственный характер, но находящиеся на периферии авторского внимания. Они помогают в раскрытии образов главных героев. На примере матери Ольги можно оценить их роль. Пока Оля была маленькой, мать Елена Владимировна не замечала ее, не уделяла должного внимания, была занята собой, своим внешним видом, общением со своими друзьями. В праздники Олю «укладывали спать мамнины друзья, внезапно замечавшие, что бесхозный ребенок болтается за полночь по квартире, объевшись дареных шоколадок» (с. 6). Она забывала ее в магазине, не возила в художественную школу, потому что было лень, и никогда не разговаривала с ней по душам. А когда умер Геннадий Александрович, отец Ольги, Елена Владимировна дошла до недопустимого: «...стала... читать ее письма, записки, личный дневник, часто подделывала голос по телефону, выдавая себя за дочь, и говорила молодым людям гадости...» (с. 17). Оля замкнулась в себе, выскочила замуж за первого встречного, лишь бы не жить с ней. Елена Владимировна сыграла роковую роль в становлении характера своей дочери.

Эпизодические персонажи не имеют собственного характера и стоят на периферии авторского внимания, например, врач, соседка главной героини. В больничном эпизоде они просто дают толчок сюжетному действию. Такими же персонажами являются и Дед Мороз из детских воспоминаний Оли, и ее подруга, пришедшая «поддержать» ее в трудную минуту, и друзья Никоса и Коли.

Эпизодический персонаж — «скромно одетая женщина лет пятидесяти», на которую Ольга обратила внимание в троллейбусе потому, что та говорила о Матронушке, — не только оттеняет главную героиню, но и создает особый эмоциональный фон: «Ольга замороженно смотрела в глаза женщины и не могла насмотреться — такой из них исходил чистый свет, и самое лицо ее было благостным, таким, что к ней, к этой верующей, сразу хотелось прикоснуться, потому что думалось, что частица этой веры и благодати обязательно должна остаться и с тобой, как пыльца от цветка на пальцах, когда прикоснешься к самой его сердцевине» (с. 4). Это своеобразный «свет в конце тоннеля» для героини.

В рассказе И. Горюновой «Божьи куклы» основное событие длится всего

несколько дней, но благодаря внутренним монологам героев и вставным эпизодам, связанным с древнейшим прошлым (Древним Римом), его временные рамки расширяются. Например, жизнь главной героини, которая на момент происходящего уже «немолодая женщина с помятым и потерянном лицом», мы можем проследить с самого детства: «Меня показывали, словно маленькую смешную обезьянку, которая умеет делать фокусы и кривляться. Тогда я стала ЗАБАВНАЯ. Ведь тогда на меня все смотрели, даже папа и мама, и это было приятно – всем нравится» (с. 7).

Таким образом, в рассказе происходит перетекание событий из одного временного пласта в другой – из настоящего в прошлое и наоборот. Можно сказать, что специфика времени в рассказе расширяет границы повествования, придавая ему эпичность.

Время и пространство в литературе представляют собой своего рода условность, от характера которой зависят разные формы пространственно-временной организации художественного мира. Дискретность же собственно пространственных образов состоит в том, что в литературе то или иное место может описываться не во всех деталях, а лишь обозначаться отдельными приметами, наиболее значимыми для автора и имеющими высокую смысловую нагрузку.

По особенностям художественной условности литературное пространство можно разделить на абстрактное (условное, «всеобщее») и конкретное (привязанное к топографическим реалиям)¹.

В XXI веке явно обозначилась такая жанровая тенденция рассказа, как своеобразное сочетание в пределах художественного произведения конкретного и абстрактного пространства, их взаимное «перетекание» и взаимодействие. При этом конкретному месту действия придается символический смысл и высокая степень обобщения. Конкретное пространство становится универсальной моделью бытия, что свойственно «Божьим куклам».

Вместе с тем признак единства места в «Божьих куклах» нарушен, так как в нем два места действия: Москва и Древний Рим.

В рассказе Ирины Горюновой адинамичный сюжет. То есть развитие действия замедлено и не стремится к развязке, события, элементы сюжета выражены нечетко, развязка является формальной, в общей композиции произведения имеется внесюжетный элемент, который в какой-то степени перемещает на себя центр читательского внимания.

В рассказе несколько сюжетных линий (что в общем-то не характерно для данного жанра), хотя внешне сюжетная линия одна, она связана с Ольгой и ее сыном Николаем. Но благодаря внутренним монологам возникает возможность обозначить другие сюжетные линии, которые также непосредственно связаны с главной героиней Ольгой и ее родителями, мужем и дочерью. Каждым сюжетом движет свой конфликт: между Ольгой и ее матерью и дочерью, между Еленой Владимировной и Геннадием Александровичем, Ольгой и Антоном Лупариным, что обуславливает нарушение в рассказе единства действия.

Субстанциональный конфликт² – взаимоотношения между Ольгой и Николаем – по сути, неразрешимый, финал рассказа является тому подтверждением: конфликт между матерью и сыном полностью не разрешен, последняя фраза «Николенька, к тебе можно?» (с. 28) – дает надежду на то, что когда-нибудь он разрешится.

В рассказе Ирины Горюновой используются такие приемы построения сюжета, как умолчание (когда о случившемся ранее мы узнаем в конце произведения) и

¹ Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М: Наука. 2011. С. 67–69.

² Там же. С. 100.

ретроспекция (отступления в прошлое). В исследуемом произведении такой прием напрямую связан с сюжетным построением, так как такими отступлениями являются внутренние монологи персонажей рассказа, в которых они не только анализируют настоящее, но и переносятся в прошлое.

Если сюжет – это динамическая сторона композиции, то внесюжетные элементы, которые не продвигают действия, – статическая. В «Божьих куклах» внесюжетным элементом является вставной эпизод Колизей¹ (относительно законченный фрагмент повествования, в котором действуют другие персонажи в ином времени и ином месте: вступление в Утреннюю школу, бой с носорогом, иной персонаж Никос, а действие происходит в Древнем Риме). Этот эпизод – самостоятельная картина, вроде не влияющая на происходящее сегодня, если только не является неким его отражением.

Интересна концовка рассказа И. Горюновой. Происходит долгожданный «диалог» двух родственных душ – Николая, потерявшегося в жизни, не нашедшего себя в реальности, и его матери, оставшейся непонятой. «Ольга стремилась загладить перед ним свою вину за то, что в свое время недодала ему любви и ласки» (с. 27). Трагедия с сыном, по нелепости ставшим инвалидом, бегство дочери в «прекрасное далеко», уход мужа из дома – таков, казалось бы, итог жизни главной героини. Но Ирина Горюнова дает надежду на то, что у Ольги все наладится, она все перенесет и выдержит. Финал рассказа «Божьи куклы», казалось бы, открыт, но действие, событие, описанное в данном фрагменте жизни, имеет свое логическое завершение.

Анализ рассказа И. Горюновой «Божьи куклы» позволяет сделать некоторые выводы о трансформации жанра. Устойчивые, обозначенные в научной литературе и справочниках признаки жанра рассказа сохранились, но существенно трансформировались в рассмотренном тексте, что в какой-то мере характерно для жанра современного рассказа вообще.

1. Структура рассказа подверглась значительному изменению за счет расширения и углубления не только проблематики, но и нового способа видения действительности, аксиологического подхода к личности и модернизации функций литературы как вида искусства.

2. Уплотнено время, наблюдается расширение пространственного построения, увеличение сюжетных линий, включение реминисценций, аллюзий, вставных эпизодов, лирических обрамлений; конфликт рассказов многогранный, многоаспектный, тяготеющий к философскому осмыслению жизни.

3. Повествование приобретает некую эпичность, наличие нескольких сюжетных линий и коллизий приближает рассказ к жанру романа, т. е., согласно теории М. М. Бахтина, происходит «романизация жанра»² рассказа.

4. В современном рассказе мир зачастую осмысливается как хаос с его разорванностью, фрагментарностью бытия, поэтому используются сны, бредовые состояния, психические отклонения, ретроспекции, что формирует новый тип взаимоотношений между литературой и читателем. Читатель становится соавтором текста, воспринимая художественные ценности многозначно и творчески.

5. В целом же наблюдается размывание жанровых границ рассказа, расширение жанрового диапазона, появление бесчисленных пограничных жанровых образований.

¹ Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М: Наука. 2011. С. 103.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература. 1975. С. 47.

проза

**Шухрат
БАТЫРОВ**

Родился в 1961 г. в Самаркандской области. Окончил Ташкентский институт народного хозяйства (ныне ТГЭУ). Работал экономистом на Ташкентском моторном заводе, Навоийском заводе «Узбекэлектроремонт», ведущим преподавателем Навоийского промышленного техникума. Награжден медалью «Шухрат».

ВСТРЕЧА**Рассказ**

– Ты ничего не путаешь? – спросил мужчина встретившегося давнего знакомого, прежде закадычного друга, напарника по рабочей смене на Текстильном. – Это была она, Глафира? То есть Портнова?

– Ну что ты, слепой, что ли, я, её портрет выставили в вестибюле, точно её!

– Господи! – произнёс бывший напарник, – упокой её душу! царство небесное!.. и прости меня, грешного! Слышал, она тяжело болела, но не видел... сам болел. Ну к чёртям такую жизнь!

Бывший когда-то сменный поммастер намоточного цеха перекрестился, затем взял товарища за локоть и потащил в пивную за углом, не обращая внимания на его возражения.

– Ты мне – такую весть, а выпить со мной не хочешь! Нечестно, не по-джентльменски! Надобно выпить за упокой!.. А ведь у неё, моей первой жены, и фамилия-то была текстильная – Портнова Глафира! Я её ласково Глашей кликал. А нашёл я её в Иваново, фабричная была, уже тогда ударница. Господи, не я ли погубил её?..

...Молодой человек собрался, потоптался в прихожей по обычаю, пошарил в карманах – не забыл ли чего, нашёл во внутреннем кармане мятый бумажник, заглянул внутрь, достал две фотокарточки, посмотрел и спрятал. Вдруг вернулся, обутый прошёл несколько шагов и заглянул в боковую комнату: тихо и пусто. На мгновение показалось, что кто-то лежит на кровати матери. «Почудилось, – подумал он. – Причуды воспалённого воображения. Усталость последних дней. И тоска, и одиночество, и нервы шалят...»

Месяц назад, похоронив мать, он будто и себя похоронил. Не вспоминал о еде, спал очень мало, возвращаясь с работы, ходил-бродил по улицам квартала без цели – только бы не останавливаться, иначе можно упасть, рухнуть, как колесо: стоит, пока катится, останови – упадёт.

Он лишился некой незыблемой опоры. Мать была единственным человеком, для которого он жил, страдал, работал, сочинял, отчаивался, надеялся и шёл вперёд. Он осознал это в то мгновение, когда понял, что теперь он совсем один. Он понял также, что его одиночество – продолжение

одиноким жизни его матери, которая, рано потеряв мужа, так и не смогла устроить свою жизнь: то боялась, что всякий отчим сына притеснять будет, то боялась снова ошибиться, боялась, что пойдут новые дети – не до сына будет... Причин надуманных и действительных не заводить новую семью было много, и она так и прожила, всего боясь и ни к кому не привязываясь. А сыночек рос и рос, не зная ничьей ласки, кроме материнской.

Она рано постарела, потеряла всякий интерес к семейной жизни, незаметно заменив семью производственным коллективом – рабочей семьёй. Постоянной привязанностью оставалась лишь привязанность к работе, к профессии крутильщицы: выполняла нормы, частенько ссорилась с начальством из-за перебоев в работе, мешающих выполнять план, нервничала. Все боялись её и уважали за так называемую принципиальность.

Как-то она сильно простудилась, долго лечилась, но здоровье так и не восстановилось. Врачи определяли то хронический бронхит, то бронхиальную астму, то ещё что-то, а в итоге оказалось, что у неё какая-то форма ползучей пневмонии: лёгкие с обеих сторон воспалены, и давно, в конце концов в них обнаружили постороннюю жидкость. Пульмонолог-фтизиатр осторожно и уклончиво намекнул ей, что условия работы, а точнее, текстильная пыль, могли навредить. Оперировали, стала ездить по санаториям, но прежнего здоровья не обрела. Сначала появилась одышка, затем стала задыхаться, постепенно дошло до кислородной подушки. Вызовы скорой, пребывание в больнице участились, состояние не улучшалось. Проболела-промаялась несколько лет и скончалась, оставив сына одного-одинёшенького.

Отца он помнил смутно, обрывками: струи воды вперемешку со слезами, солёно-хлорированное влажное нечто, стекающее по глазам. Он погружался в ванну, отец слегка надавливал ему на темечко, а когда выныривал на поверхность эмалированного моря, отец восклицал: «Больше! Больше! Теперь давай до десяти буду считать, ну-ка ещё раз, сын!..» Снова давил и считал секунды, затем начинал, словно гимн, распевать стихотворную строчку «Так край меня не уберёт», логически выделяя то первое, то второе слово. Ему казалось, что звуки рвутся откуда-то из дебрей вокруг рта, называемых усами, в центре которых нечто жёлто-белое, называемое зубами. Он изо всех сил цеплялся за край ванны... И голос сквозь усы: «Та-а-ак край меня не уберёт... так кра-а-ай меня не уберёт...»

Только много лет спустя он узнал, что строка взята из стихотворения Цветаевой, начинающегося пронзительными словами: *Тоска по родине! Давно...* Оставалось загадкой, откуда отец мог знать его в годы, когда найти поэзию Цветаевой было почти невозможно. Как бы то ни было, последствиями погружений в ванну оказались какой-то утробный страх перед водной гладью, названный кем-то «навигационным» страхом, и неуёмное любопытство к художественному слову, стихам; именно оно странным образом привело его на журфак, а не на филфак, что было бы естественно. Писал статьи о поэзии – ради хлеба, писал стихи – ради душевной разминки. Теперь, без матери, находиться дома становилось всё тяжелее, прогулки длились всё дольше, рождались «ходячие строки», как он называл стихи, сочинённые во время прогулок, по возвращении он их не записывал, на другой же день забывались.

После их с матерью переезда в другую квартиру, он, роаясь как-то в старых бумагах и фотографиях разных лет, наткнулся на снимок матери с мужчиной. Внизу художественная надпись: *г. Иваново*. На обороте другая надпись, сделанная размашистым почерком: *День бракосочетания*. Снимок был черно-белый, небольшого формата, с характерным для тех лет качеством бумаги. Он присмотрелся

к молодому человеку с военной выправкой, чуть не уверенному в себе, но вполне счастливому, с еле заметными усиками и открытой улыбкой. Тогда он осторожно разрезал фото, разлучил молодожёнов, вырезав мать и отца по отдельности.

После смерти матери он вспомнил об этой фотографии, и вот почему.

Как-то, готовя материал к статье об истории становления текстильной промышленности в стране, он наткнулся на знакомую фамилию – некий Кудрявцев А. П., опытный рационализатор и изобретатель, работы которого не нашли применения в местной текстильной промышленности, но используются с успехом на другом предприятии.

Не его ли отец этот Кудрявцев? По годам, по возрасту всё сходилось. По словам матери он знал, что отец воевал в Афганистане. Может быть, оттуда и пристал к нему стих о тоске по родине? Ему нестерпимо захотелось найти своего отца. Пару раз ходил в посольство, просил содействия, поиски в интернете не дали результата. Всего в постсоветском пространстве проживало четверо Кудрявцевых Анатолиев Петровичей. Двоим не было и тридцати, другим – за восемьдесят, так что никто не подходил. Его отцу должно было быть лет 55-60, если, конечно, жив ещё. Потом он решил съездить в Иваново, но такая поездка оказалась ему не по карману. Наконец, после тяжёлых раздумий он решил вовсе уехать в иные края, попросту – эмигрировать, сменить гражданство. Ничто его не удерживало: он был одинок, молод, холост, талантлив. Вот только могилка матери... Если бы можно было увезти её, он непременно бы это сделал.

В последнюю неделю он ещё больше укрепился в своем решении уехать. Его очередная статья, результат полусвободного вдохновения, в котором он проследил и проанализировал историю потери квалифицированной рабочей силы в базовых отраслях промышленности, была возвращена без объяснения причин. Приходилось доказывать, «голосуя ногами», что проблема актуальна – иначе говоря, уезжать. Но, оказывалось, не всё так просто. Переехать можно, но, чтобы натурализоваться, нужны годы существования на новом месте в качестве перво-сортной гостевой рабочей силы, в обиходе называемой *gastarbeiter*. А где и как жить, ведь, продав здесь жильё, на вырученные деньги нельзя там купить даже жильё с минимальными удобствами. Самым надёжным было воспользоваться государственной программой переселения соотечественников. Но этот путь был долгим, нелегким, требовал терпения. К тому же Ивановская область вовсе не попадала в категорию нуждающихся в переселенцах. В посольстве пошутили на этот счёт, что Ивановские ткачихи дали обет безбрачия, поскольку фабрики стоят без исходного сырья, то есть без хлопка. А причина опять-таки в нас: не поставляем сырьё в прежних объёмах, сократили объём сбора. Вот так. Получилось, хочешь в Иваново – возьми с собой хлопок-сырец, и будешь желанным.

Самым простым решением пока было связаться с руководством Ивановского ТК по телефону и разузнать о судьбе изобретателя Кудрявцева А. П. Благо, интернет предоставил телефонные координаты администрации комбината, но там на все вопросы отвечали коротко: да, действительно, Кудрявцев А. П. работал в ИТК в 1984-1986 годах, но затем уволился, и в настоящий момент о нём ничего не известно.

Сегодня он должен был прийти в посольство, чтобы дать свое согласие на переселение в одну из северных областей России – Архангельскую, где близ города Северодвинск возводятся дома для переселенцев, обещают трудоустройство на местных горнодобывающих предприятиях. Это самый приемлемый вариант перебраться в Россию. А там уж можно исколесить всю «необъятную» в поисках родного отца. Ему велено было принести кучу личных документов и копий и

составить по форме заявление с просьбой о переселении.

В очереди он значился девятнадцатым: *Кудрявцев Вадим Анатольевич*. В день принимали по двадцать человек. А поскольку записавшегося двадцатым некоего Краснова не оказалось, список фамилий сотрудник посольства вручил ему:

– Вот вам, гражданин Кудрявцев, – сказал он, приветливо улыбнувшись, – командуйте по списку. Желаю успеха! Бумаги свои принесли? Вот и прекрасно.

Первой значилась женщина – Енуарская-Кудрявцева Ольга Сергеевна. Входя внутрь, она сказала:

– Я первая. Моя фамилия Енуарская-Кудрявцева.

– Конечно же вы, вы самая первая, даже дважды первая!

– Почему же дважды?

– Потому что, – ответил он, чуть смутившись, – вы Енуарская, а январь – начало года... Прошу простить меня, это такая глупая шутка.

– Ничего, всё верно. Я понимаю.

Так начался приём. Он сидел со списком посетителей в руках, и его не покидала неловкость, причины которой он не понимал. Размышляя о том, что же будет с ним, когда придёт время покидать этот город, где он родился, учился, работал, стал человеком, любил и терял, страдал и радовался, где похоронил мать, самого близкого, родного человека, он недоумевал: как же решился на это? Покинуть всё: работу, дом, эти улицы, которые он исколесил вдоль и поперёк и знает каждый тупик, каждый поворот! Не ошибся ли он в своём решении? Что будет с могилой матери, кто будет навешать её, оберегать, облагораживать? Как же он так быстро и запросто решил оставить всё дорогое сердцу, что случилось с его сердцем и душой? Какие силы управляют судьбами, вынуждают принимать такие решения? Люди – человеки, утратившие внутреннюю гармонию, разлаженные изнутри – чего же хорошего можно ждать от них?..

Летняя жара с улицы пробиралась в небольшое приёмное помещение, набитое ожидающими, посетители стали буквально таять; у оставшихся пошли в ход платочки, узорчатые веера, одна женщина обмахивалась журналом мод, мужчины попеременно выходили во двор покурить или просто подышать воздухом. А он сидел и искал ответа на свои вопросы в лицах ожидающих, в их позах, репликах, коротких переговорах.

Открылась дверь, и вышла женщина, что была первой. Она спокойно прошла мимо присутствующих и вышла на улицу. Вошёл следующий. Через минуту дверь отворилась, показался сотрудник посольства:

– Она ушла, эта, как там, Енуарская?.. – спросил он сидевших.

– Ушла, вышла, – ответил Вадим Анатольевич за всех.

– Жаль, забыла удостоверение мужа забрать, – досадовал сотрудник, – без этого удостоверения ей не выдадут нужную справку с места работы для посольства.

– А какой адрес у неё? – спросил Вадим Анатольевич. – Я мог бы зайти и сказать ей об этом, и она придёт и заберёт документ.

– А адрес сейчас я вам скажу, – сотрудник исчез на мгновение, – Чиланзар, квартал 2, дом 27, квартира 72. Жаль, телефон не указан в заявлении, – добавил сотрудник, обнаружив эту оплошность.

– Я съезжу, – с готовностью отозвался Вадим, чувствуя, что в душе у него что-то ёкнуло то ли от фамилии этой женщины, то ли от её реакции на его реплику, – я хорошо знаю этот район, сам из соседнего квартала.

И Вадим отправился по адресу, повторяя про себя номер дома и квартиры Енуарской-Кудрявцевой, оставив сотруднику список посетителей в посольство.

Остановил такси:

– Чиланзар, торговый центр – сказал он водителю.

Проезжая мимо поворота на Текстильный комбинат, он подумал о том, что где-то там, в одном из вестибюлей, недавно был выставлен портрет его матери, обрамлённый чёрной лентой. На фотографии она выглядела уставшей, обречённой, словно знала, что её ждёт.

Скоро нужный дом был найден.

Дверь открыли не сразу. Женщина, приоткрыв дверь, узнала неожиданного гостя и удивленно спросила:

– Вы? Что случилось?.. Проходите... – она шире открыла дверь и попятилась, пропуская гостя. Хозяйка была без очков, и Вадим отметил про себя, что её глаза излучают тепло. – Извините, в прихожей темно у нас, лампа сгорела, а Петрович второй день не в форме, некому заменить.

– Ничего-ничего, не беспокойтесь. Я, собственно, только для того, чтобы сказать, что вы забыли в посольстве удостоверение вашего мужа, а без него вам справку с места работы не выдадут.

– Я так и думала, – ответила женщина, – должна была оставить копию, а сделала наоборот – копию оставила у себя. Вы проходите, сейчас чаем угошу, к чаю оладьи пеку, у меня сковородка на плите, я побегу.

С этими словами женщина быстро удалилась на кухню, а молодой человек остался стоять в тёмной прихожей, не зная, куда ступить. Потолки в квартире были низкие, даже днем в квартире царил полумрак. Вдруг кто-то с глухим рыком выбежал из комнаты напротив и чуть не сшиб его с ног, оставив после себя смешанный перегар табака, пива и ещё чего-то, затем с воплем влетел в дверь уборной, пал перед унитазом, страшно изрыгая из себя всё, чем успел загрузиться в пивной. Вадим Анатольевич, не осознавая происходящее, оказался прижатым в угол прихожей, едва не потеряв сознание от удара головой о стену.

Услышав грохот, выбежала из кухни женщина, не соображая, кого спасать: то ли мужа, в страшных муках корчащегося в уборной, то ли молодого человека, прижатого в угол тесной прихожей.

– Что с вами?! Ох, извините нас, у него третий день запой, – обескураженно лепетала женщина, пытаясь пройти к мужу в уборную.

– Толя, Петрович! Что с тобой? Как ты? Ох, как тебе не стыдно, а? Так напиваться с твоим здоровьем! Ты хочешь себя доконать? Вот гостя чуть с ног не сбил, беднягу, он еле живой, а ты на весь дом вопишь! Ах, как же ты так, Петрович? Ладно... будет... хватит, дорогой. Вот я тебе в ванну воды тёпленькой наберу, искупаешься – и быстро в себя придешь! Правда? Ладно?

С этими словами она открыла краники в ванной. Спустила воду в унитазе. Взяла за голову мужа, поддерживая её так, чтобы он успокоился. Муж всё пыхтел-кряхтел от приступов тошноты:

– Я говорил ему – не надо этой маринованной рыбы, она несвежая! Тухлая!! А он не слушает, с водочкой, мол, пойдёт, всё путём, – надрывно бормотал, чуть ли не задыхаясь, Петрович.

– Вот видите, – кивнула в сторону Вадима женщина, – у нас вот такая полоса, уже третий день пьёт, раньше подобного не было. Ведь он больной очень, ему совсем нельзя пить.

Женщина усадила мужа возле ванны, вытерла мокрым полотенцем ему лицо, шею, подошла к Вадиму и, вплеснув руками, побежала назад к своей сковородке, продолжая что-то говорить. Но Вадим был занят своими мыслями.

Вот, значит, какой ты, Анатолий Петрович Кудрявцев! – думал он. – Чуть было

сыну шею не сломал... напиваешься, сукин ты сын, тухлую рыбу жрёшь, рыгаешь, а во всём других обвиняешь... да ещё жён и детей оставляешь... утопить бы тебя сейчас в этой ванне, как ты меня когда-то топил, и секунды считать, стихи читая...

Вадим достал портмоне, а оттуда – фотовырезки, сделанные им когда-то со снимка брачной пары – матери и молодого человека... Много изменился ты, Анатолий Петрович, усы изменились, сильно постарел, – продолжал он рассматривать пьяного хозяина, держа фото в руке, – постарел, захирел, но суть почти та же, её не изменишь!.. Воняешь так же, вопишь так же, напиваешься так же, судьбы калечишь, семьи разрушаешь... Сколько же в нём веса сейчас? Килограммов семьдесят – не больше, с учётом выпитого и слитого в унитаз... я один смог бы в ванну перебросить его и утопить?.. А надо бы! Потом выбежать на улицу и раствориться в городской суете, и кто тебя найдёт? И кому ты, гад такой, нужен? Разве что вот этой сердобольной женщине?.. И везёт же сволочам с женщинами!..

Женщина вернулась, осмотрела мужа и гостя.

– Ну как вы, мои мужчины? Ну и впрямь – со смеху помрёшь, глядя на вас: один в уборной лежит сам не свой, а другой – в прихожей едва жив. Всё ли у вас в порядке? Целы вы? Простите вы уж нас! Гостей, как видите, совсем не умеем встречать, и то правда, они не часто бывают у нас, – она смотрела на Вадима так, как смотрела в приёмной посольства, – улыбаясь глазами, излучающими ясный свет. «Даже мать не смотрела на меня так», – подумал Вадим, теперь понимая, отчего была неловкость в посольстве. Такие глаза могут быть только у беззаветно любящих, которые способны видеть в людях только хорошее, любить всем сердцем, а в остальном полагаться на судьбу. Это святое правило было создано для них, возможно, сам Иисус так смотрел на людей, на свою паству, на апостолов, на бога – отца своего.

Женщина закрыла краники в ванной и прикрыла дверь.

– Толя, вода готова. Когда тебе станет лучше – позови меня, я помогу раздеться и войти в воду, тебе полегчает, водичка чуть тёпленькая, в самый раз, – сказала она мужу, затем обратилась к Вадиму:

– Пойдёмте в комнату, чай готов. Чуть погодя и муж присоединится, а пока пусть побудет один, отойдёт чуток.

– Оставь меня, Оленька, иди к себе, то есть идите вы туда, – пробубнил полупьяный хозяин, изо всех сил старясь взять себя в руки, – я сейчас полежу немножко и буду как огурчик. Неудобно перед гостем, этим молодым человеком, как там... ну, в общем – позор и пардон! Не обессудьте, люди хорошие! Вот так вот...

– Ну и хорошо, ну и молодец, – ответила хозяйка, усмехаясь любезностям еле оправившегося, полупьяного ещё мужа.

Вадим последовал за хозяйкой в комнату; поскольку на кухне было душно, чай поставили там.

Из уборной донёсся голос Петровича:

– Моя Глаша померла! Слышь, Оленька, моя Глаша скончалась, бедная! Это я убил её!

Хозяйка посмотрела на гостя:

– Третий день повторяет это, ночью плачет – днём пьёт. Ничего и не поделаешь с ним.

Вадим, опустив голову, промолчал, но подумал про себя: «Это точно, что ты убил её!»

Она встала и включила свет в комнате.

– Так лучше, а то у нас темновато. Он же контуженный после Афгана, – пояснила хозяйка, – и терял сознание, видимо, от сотрясения. Как выпьет, ночью не спит, тоской мается, за всё себя винит, плачет и у всех прощения просит. Вы, пожалуйста, не слушайте его, не обращайтесь внимания. Берите оладьи, вот чай.

Ольга Сергеевна подала Вадиму чай в стакане и пододвинула варенье.

– Врачи говорят, что депрессивное состояние как последствие контузии усиливается от алкоголя.

Вадим обратил внимание на дипломы, висевшие на стене.

– Это всё, конечно, его? – Вадим головой сделал знак в ту сторону.

– Да, его. Патенты и прочее.

– Как вы познакомились, не расскажете? Он мне кого-то напомнил...

– Это было давно и далеко, в городе Иваново, – сказала хозяйка, сделав глоток чаю, – это в России, я тогда там работала и жила. В общем, я краснооктябрьская, была тогда фабрика, впрочем, и сейчас есть, швейная фабрика «Красный Октябрь», известная на весь Союз, может, слышали? Правда, нынешняя молодёжь мало знает об этом. Вот там я работала мотористкой. А Толю встретила в учебном центре фабрики. Он что-то усовершенствовал и обучал мотористок, как работать на таких машинах, чтобы производительность была выше. И я пришла на эти курсы. Уже в 90-м году мы, поженившись, приехали обмениваться опытом в Ташкент на известную швейную фабрику «Малика», где я до сих пор и работаю. Тогда нам город понравился, и мы решили остаться. Но через полгода распался Союз, и вот пятнадцать лет мы живём здесь и всё собираемся вернуться к себе... Пейте чай, а то остынет.

– Вы знали, что он был женат до вас? – спросил Вадим неожиданно, без обиняков, спросил – будто с крыши упал.

Женщина вопросительно взглянула на Вадима, смутилась, помолчала и сказала:

– Похоже, вы действительно знаете что... Да, знала, но не знала тогда, что его первая жена и сынок тоже живут в Ташкенте. После переезда в Ташкент он мне всё рассказал. И искал их. Но они переехали, и Толя не нашёл. Может, и нашёл, но я ничего об этом не знаю. Кажется, они с первой женой работали вместе на Текстильном комбинате. Теперь я думаю, что он вернулся сюда из-за них, чтобы быть ближе... Я знаю, что он привёз сюда из Иваново. Когда узнала о бывшей семье, расстроилась, очень переживала, пыталась узнать, почему у них не сложилось, что он за человек: ходит кругами, колесит, никак не успокоится, всё мотается, по судьбам людей пробегает. Но когда узнала, что он когда-то добровольцем отправился на ликвидацию аварии на Чернобыльской, скрыв от всех свою контузию, решила обратиться к врачам – узнать, что с ним происходит. Мне сказали, что это случается при его болезни, которая порой требует смены географии, рода деятельности, места жительства, иначе говоря, у него так проявляется какая-то редкая форма психоорганического синдрома – следствие травмы. Он всегда тоскует по стране, в которой родился и вырос. Говорит, что теперь, как вечный жид, никогда не успокоится, навечно безродным останется. Всех винит, что у него родину отняли, то есть Советский Союз, значит...

Из ванной донёсся какой-то звук и шорох. Ольга Сергеевна, чуть приподнявшись, спросила громко:

– Толя, ты вошёл в ванную?

– Глаша моя умерла, слышишь...

– Вот опять. Слышу, Толя. А ты разделся?

– Да, разделся, – слышался тяжёлый вздох из ванной.

– Вы вдвоём живёте? – спросил Вадим, оглядевшись. – Детей у вас нет?

– Нет, детей заводить мы не захотели. Особенно Петрович. Говорил, что первая жена сама решила родить ребёнка, ничего об этом ему не сказав.

Вадим тяжело встал с места, подошёл к стене напротив, где висели разные свидетельства и дипломы, и стал их разглядывать. В самом низу, прикреплённый к краю рамки от какого-то снежного русского пейзажа, висел пятиугольный нагрудный знак чернобыльского ликвидатора, обрамлённый по сторонам полосками коричневого цвета, расположенными крест-накрест и напоминающими ленту от погребальных венков.

– Сколько же их было всего?

– Кого, о чём вы? – тихо спросила женщина, не поднимая головы.

– Да ликвидаторов по стране.

– А, не помню точно. Сперва говорили, что четверть миллиона, потом писали – более полумиллиона.

– Так вот оно что! Что же получается, – сказал он, обернувшись к хозяйке, – так значит он не Петрович, а Петросович?

– Да, но все его зовут по-русски Петровичем.

Теперь стало ясно, почему его поиски не удались.

– Теперь понятно, – проговорил он.

– Бабушка была гречанка у него.

«Вот так и окажется, что ты родом из легендарной Эллады, – про себя подумал не без иронии Вадим.

Его внимание привлекло что-то похожее на сувенирных размеров карманную книжку с заметно истёртыми углами, свидетельствующими о возрасте, так издаются обычно Евангелие. Книжища висела на нити в верхнем углу над дипломами хозяина. Подойдя ближе, он прочитал на обложке: М. Цветаева. «Так край меня не уберёг...»

– Что это, откуда? – невольно воскликнул он и посмотрел на Ольгу Сергеевну.

– Эта книжечка стихов Цветаевой издана за границей. Настоящий раритет!

– Откуда она здесь?.. Я, кажется, помню строчку из этой книжечки с детства. Да, из неё. Но вот увидел только теперь.

– Это книга его командира. На обороте, кажется, им самим же подписана: «Собственность лейтенанта С. Волкова». Они с командиром подорвались на mine. Толя выжил, а лейтенант, к сожалению, умер на его руках. Он что-то говорил ему, но Толя не слышал – оглох от взрыва. До сих пор Толя всё думает, что же он говорил ему, по ночам просыпается... ему кажется, что что-то вспомнит. Как-то Толя сказал: «Командир не говорил мне, он шептал: *Так край меня не уберёг*». Эту книжку он нашёл в кармане мёртвого лейтенанта. И с тех пор она с ним. Хотел вернуть книжку родственникам лейтенанта, но оказалось, что тот вырос в детдоме и совсем один по жизни.

Вадим молча слушал Ольгу Сергеевну и ошушал, что с него, как линяющая кожа, сходит груз накопившихся обид, вопросов, чувств, не находивших никогда выхода.

– Он, наверное, на пенсии уже? – спросил он.

– Вот уже семь лет, по льготе, конечно, часто лечимся. Не хочет, но я уговариваю его, часто из-за этого ссоримся. А вы, наверное, учитель литературы или, может быть, писатель?

– Нет, ни то, ни другое, – улыбнулся Вадим, – но вы почти угадали: я журналист.

– Посмотрю, как там наш Петрович, а вы садитесь, я мигом. А то он что-то примолк.

Через мгновение послышался громкий вскрик хозяйки:

– Бегите сюда! Быстрее же! Зовите на помощь! Зовите скорую, скорей!

Вылетев из ванной, она сама кинулась к телефону.

Вадим заглянул в ванную и увидел бездыханного Петровича. Голова его упала на грудь так, как будто он хотел рассмотреть что-то на дне ванны. Воды было ему по грудь, так что захлебнуться он не мог... Было похоже, что внезапно остановилось сердце под действием этой водной процедуры. Возможно, прикрытая дверь, духота стали причиной скачка давления. Одна его рука свободно лежала в воде, другая свисала за край ванны. Вадим, нагнувшись, спустил воду из ванны, взял за кисть – пульса не было. Петрович был мёртв уже несколько минут.

Эх, так толком и не поговорили мы с тобой, Анатолий Петрович, очень жаль. А может, так даже лучше, – мелькнуло у него в голове.

Ольга Сергеевна, растерянная, бледная, возвратилась в ванную и, чтобы хоть что-то предпринять, убедиться в случившемся, попробовала поднять голову мужа, взяв его за подбородок, но подбородок выскользнул. Вадим повторил её действие. Лицо Петровича сильно изменилось, дыхания не было, тихо стекали по лицу струйки воды. Женщина, наконец, громко зарыдала.

Скорая зафиксировали смерть. Петровича выташили из ванной, положили на стол, за которым только что пили чай Вадим с хозяйкой. Врач невозмутимо спросил:

– Как зовут покойника и где он работает?

Кажется, Ольга Сергеевна не понимала или не слышала вопроса и только плакала, обтирая мокрого мужа. Она вопросительно посмотрела на Вадима, желая знать, чего от неё хотят. Вадим ответил как можно спокойнее:

– *Покойного* зовут Кудрявцев Анатолий Петросович, пенсионер, участник войны в Афганистане и один из ликвидаторов Чернобыльской катастрофы.

– Вот как... – проронил врач из скорой. – А вы кто будете ему?

– Ольга Сергеевна – жена покойного, а я – его сын, Вадим Анатольевич Кудрявцев.

Ольга Сергеевна удивленно посмотрела на Вадима.

– Я его сын, и я помогу вам с похоронами и во всём другом, Ольга Сергеевна. Я скоро вернусь.

Медик из скорой помощи недоумевая спросил:

– В морг везти или что делать?

– Нет никакой надобности.

Вадим вышел из квартиры и отправился в посольство, чтобы забрать свои бумаги, а в ушах звучали громкие всхлипывания женщины и тихий рокот машины скорой помощи.

ПОЭЗИЯ

Переиначь все страхи на стихи...

* * *

Оцинкован целый мир цинизмом,
Обесценен рубль, как стихи.
Блеет бес, болеет век нацизмом,
Лица улиц хмуры, дни глухи.
Не робей, смешай питьё от страха –
Молоко и чай, как день и ночь.
На краю безудержного краха
Постояв, пойди от грани прочь,
В глушь деревни, где на дали глядя,
Вмиг отвыкнешь плакать и болеть.
Где тебя – поэта – ждут тетради,
Старый стул и лампа на столе.
На печи, на самой верхотуре,
Отлежишься, крыльями шурша, –
При такой живой температуре
От всего врачуется душа.
И, вобрав тепло и тишь селенья,
Светлячком вернёшься в город тьмы,
Чтобы светом и стихотвореньем
Разогнать уныния дымы!

* * *

А ты не плачь, пусть ныне дни лихи,
Под гору время катится монетой.
Переиначь все страхи на стихи,
Петлю и пули на пилюли света.

Стучит тоска в окно – не отворяй!
Стань на пургу крепка, как волчий волос.
Пусть мрамор неба злого января
Распиливает век на звук и голос.

В седую стынь без дела не скудей,
Чини чердак, готовь к весне телегу,
Сбивай до масла майских жёлтых дней
Свеченье чуда сливочного снега.

Метельных дней февральское вино
Допив, допев до ноты половодья,
Разбей унынья серое окно!
И выплывай, как птица, в небосводье...

Саги САГИДАШ
(Сагидаш
ЗУЛКАРНАЕВА)

Публиковалась во многих российских и зарубежных изданиях (Белоруссия, Казахстан, Америка, Германия и пр.). Член Союза писателей России, член международного СПНС. Лауреат многих всероссийских поэтических конкурсов. Живет в Самарской области.

* * *

Повесился месяц на сучьях.
Светает. Сажусь за весло.
На том берегу в заколочье
Забывшее дремлет село.
Дошатое тело деревни
Свой век доживает мирской.
В дворах одичалых сирени
Отчаянно пахнут тоской.
Здесь время как будто бы сбилось
И дом от затишья оглох.
И бабочка в моль превратилась
В плену паутинных углов.
Завял на завалинке ветер,
Не треснет в саду суховея,
И только в глуши о бессмертье
Поет и поет соловей.

* * *

Хоть небо оловом луди –
Дожди сгушаются под вечер.
Забита Богом и людьми,
Стоит изба, понутив плечи.
Жучки гнездятся на бревне,
И во дворе царит безмолвье,
И гвоздь навеки на стене
С кольцом ржавеющим помолвлен.
Висит, от времени сера,
Хозяйки сирая шинковка,
Провиснув посреди двора,
Спит безрубахая верёвка.
Кругом осот и лебеда,
Заглохло время в доме старом.
Не брякнет конская узда,
Корова не бежит из стада...
Упала старая труба,
И опустились крылья ставней.
Нахохлившись, стоит изба
Отставшей птицею от стаи.

* * *

Чей пульс на моём отбивает виске,
Чей разум всё ведаёт разом,
Тот знает, качаюсь ли на волоске
От края, как хрупкая ваза.
Тот знает, что я в рукопашном бою
Порою стихи убиваю,
В степи обитаю, корову дою,
И жизнь по глотку допиваю.
И он только знает, как, беды забыв,
Всё миру прошаю худому,
И знает, какая из улиц судьбы
Меня приведёт к его дому.

* * *

На нитке ливня серый день повис,
Застыл мой дом, завял на ветке ветер,
Качнулся шар и покатился вниз,
Как будто свет померк на целом свете;
Сложился мир, как перочинный нож,
Который день в оконце – ночи диско!
Всё потому что выхожу из кож,
Когда любимый где-то, а не близко...

А если рядом он со мною... здесь,
Пусть не совсем, не каждый день, отчасти,
Я тут же в масло – радость до небес!
Сбиваю слово сливочное – счастье.
Держусь за ним, готова всё отдать!
Плохой, хороший – это мне не важно.
Не потому, что с ним легко летать,
А потому, что падать с ним не страшно.

* * *

Открыта ветрам и морозам,
Стою, как ветла, на юру.
По жизни не розы, а розги
Мне дарит небесный гуру.
Из снежных пустынь окающих
Не вырваться мне никогда.
Всё чаще в стихах покаянных
Полошутся ложь и вода.
У вьюги характер капризный,
Боюсь, что у всех на виду
В бетонной реальности жизни
С ума, как с дороги, сойду...

* * *

Живу в глуши, от шума далеко,
Пишу стихи да печь топлю на благо.
Есть тишь и свет, есть мёд и молоко
И два пути – до неба и продмага.
Пускай порой темно в краю раки,т,
В пустом доме одна не заскучаю:
Под вечер Зойка сойкой залетит,
Расскажет все известия за чаем.
Зачем грустить, когда идут часы,
Полны теплом небесные ладони,
Горит герань, и хлебом пахнет в доме,
Горьки слова, но помыслы чисты.
Чего мне ждать, каких высот хотеть
И обходить какие грани надо?
Ведь дальше неба некуда лететь,
А дальше бездны некуда и падать.
Мне только б жить без злобы и обид,
Любить людей на свадьбе и на тризне.
А то, что Бог со мной не говорит...
Поговорит, быть может, после жизни.

* * *

Ночь затопила окно и двор, мир – в половодье сна.
Где-то за скобкой небесных штор спит до поры весна.
Стали стальными твои глаза, больше не надо слов...
Видишь, как снег полетел назад, завтра вернётся вновь.
Ветер гуляет в печной трубе, время горчит, как чай.
Слышишь, как небо течёт в тебе, тёмное, как печаль...
Стали под утро углы бледны, норы остыли печи.
Ловит рассвет на блесну луны звёзды в реке ночи.
В окнах светает и тает темь. В дом занесу дрова.
Крошки от ссоры сметает день. В печке горят слова...

* * *

Ветер шарит непричёсанный,
Как ишейка по углам.
Жизнь доскою неотёсанной
Разломилась пополам.
Маяки мои да факелы...
Все потухли в этот дождь.
Сатана похож на ангела,
Всех отличий не найдёшь.
Он даёт мне в руки маузер,
Ангел падает без крыл.
Задожидло вновь без паузы:
Бес ли небу вены вскрыл?
Неприкаянно в распутицу
Я иду, судьбу кляня.
Осень, рыжая распутница,
Что ж ты путаешь меня?..

* * *

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, что б я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ишу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

* * *

Выжимают меня, как из тюбика крем,
На ладонь пустоты, чтоб размазать по небу.
В лодке светлых надежд обозначился крен,
И сошла я на нет всем ветрам на потребу.
Дует ветер сквозной, и лечу я, кружа,
Опускаясь на дно без спасения круга.
А дорога наверх предстоит по ножам,
И средь морока дней нет ни брата, ни друга.

«Я РОДИНКА НА РОДИНЕ СКУЛАСТОЙ...»¹

Талантом человека Бог не награждает, а испытывает, равно как славой, лишениями, звонким озарением и приходящим ему на смену глухим отчаянием.

В жизни Сагидаш Зулкарнаевой (Саги Сагидаш – Светлячок), что живет в одном из затерянных на просторах Самарской области сел Новопавловка, всего сполна. Да и свое поэтическое крещение она получила самое что ни на есть грозное, и это не метафора. Лет 12 ей было, когда на выпасе овец у реки попала в грозу (на лошадь посадили в шесть – мать одна растила четверых детей, и, как только вставали они на ноги, каждый должен был скакать по жизни за кусочком своего хлеба и счастья). Молния тогда буквально пронзила девочку... А когда она очнулась, первое, что увидела, – родинку на лбу склонившегося над ней старого казаха, что пас скот по соседству. А рядом – огромную воронку в земле.

В себя пришла быстро, а вот в мир – не спешила. Почти год Саги молчала и в прямом смысле была током каждого, кто к ней прикасался. Но именно тогда в наэлектризованную душу стали приходить первые стихи, а еще – предвидение будущего.

– Это, наверно, от предков. Род мой корнями из западного Казахстана. Позже, еще до войны, перекочевали в Поволжье. Один дедушка, по словам мамы, умер, копая окопы в ВОВ, что-то с ногами было, второй был мулла, но, думаю, еще и шаман, – рассказывает Сагидаш. – Лечиться к нему ехали со всех сторон. Кораном, кнутом, двумя камнями исцелял и изгонял бесов. При тяжелых болезнях резал в степи барана, разводил костер, разговаривал с духами... Как-то мой муж достал дедушкины реликвии (там еще змеиные головы, монетки) посмотреть, а потом вместе с дочкой попал в аварию. Какие-то они сильные, нельзя, наверное, трогать просто так. Что странно, на месте, где дедушка захоронен рядом со своими тремя женами, памятники из обычного цемента и спустя сорок лет целехонькие стоят.

Нового дара девчонка не испугалась, но помалкивала про него, как и про стихи, чтобы за сумасшедшую не сочли: в деревне-то в почете не поэты, а пастихи. Даже ее родные узнали о стихах, только когда те напечатали в газете.

Мы встретились с Саги не в ее родной степи, а на самарской набережной у нового православного храма. Фотосессия у чужих крестов мусульманку не смутила. «Бог-то, – говорит, – един, это только дороги к нему разные». А в ее жизни казахская кровь давно перемешалась с русской культурой, приземленная работа со скотом и огородом – с высоким стихом, время которому только по ночам и остается.

Бумажную книгу «Выпив ночь из синей чашки» издала только одну, хотя стихов хватило бы еще на несколько, да денег нет. Но на судьбу (растит дочь-инвалида с детства) не ропшет. Все под Богом ходим.

Стихи Саги будто приходят свыше. Их наговаривает, как сама признается, пронзительный мужской голос: перебирала всех известных поэтов, но больше всего голос на есенинский похож. Может быть, совпадение, но в прошлом

¹ Статья приводится в сокращении.

году она стала лауреатом именно Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина.

– Непонятное состояние со стихами приходит чаще всего осенью: они просто идут, и я чувствую себя как выжатый лимон, – признается Саги. – Ходишь словно беременная стихами и пока не выплеснешь – болит. А вот когда под лунным светом разберешь и отредактируешь дневное, наступает облегчение. Я ведь стихи начала писать после той страшной грозы, а когда немного успокоилась, замуж вышла – забросила. Снова это началось с рождением больной дочки Асель: места себе не находила, ну вот стихами и целила душу.

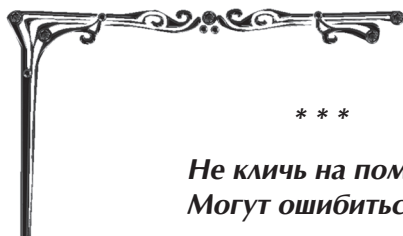
Я вчитываюсь в ее строки последних лет и понимаю, что наболело.

Допекло, но отпускает, потому что новые строки снова про степь, которая хоть и непролазная по осени, да звезды там лучше видятся и Бог ближе.

– Seriously поэзией занялась года четыре назад. Мне очень помог самарский, да что там говорить, российский поэт Михаил Анищенко, который меня в Сети заметил и до самой своей смерти поддерживал и учил. Сегодня я веду в Интернете страницу его памяти, его творчество не должно предаваться забвению.¹

Ирина ЧЕЧУРИНА (Самара)

Российская газета – Неделя – Средняя Волга № 7337 (171)

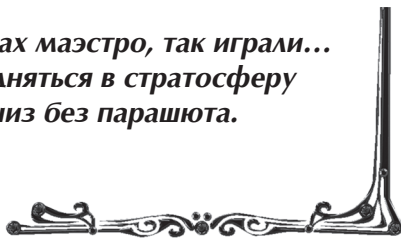

* * *

**Не кличь на помощь.
Могут ошибиться.**

* * *

**Вы так играли, ах маэстро, так играли...
что хочется подняться в стратосферу
и опуститься вниз без парашюта.**

¹ Тут следует сделать пояснение. В 2007 году в своей статье «Веничка Ерофеев из Самары» великий Евгений Евтушенко восторгается творчеством нашего земляка. «Наконец-то пришел долгожданный большой русский поэт – Михаил Анищенко – лучший подарок читателям поэзии за последние лет тридцать, если не больше, – писал Евтушенко. – Но когда я дозвонился до него и спросил, чем он занимается, невесело ответил: «Бомжую...» А потом прислал мне две дискеты со стихами – один лучше другого. Такие поэты на дороге не валяются. Не прогляди этого поэта, Самара...».

поздравляем!

Юрий МОРИЦ

28 октября исполнилось 90 лет Юрию Александровичу Морицу. Союз писателей, Совет по русской литературе, редакция журнала «Звезда Востока», коллеги и ученики Юрия Александровича поздравляют юбиляра с Днем рождения, желают жизненных сил, душевных радостей, крепкой поступи и многих благ! Те, кто учился у Юрия Александровича, работал, общался с ним, поделились своими воспоминаниями о человеке, ученом, педагоге, писателе, воспитавшем не одно поколение филологов Узбекистана, и своими поздравлениями.

ВЫСОКОЕ СЛУЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ

* * *

Юрий Александрович Мориц читал у нас спецкурс о творчестве поэта В. Луговского. Тихий, спокойный, всегда уравновешенный, он отличался какой-то внутренней сосредоточенностью, словно его мир жил по своим законам и правилам. Ю. А. Мориц делился знаниями, но не навязывал любовь к тому, о чем рассказывал.

Прошло много лет. Где-то во второй половине 90-х мы встретились в Союзе писателей на совещании. Ю. А. Мориц, как писатель и литературный критик, давно был членом Союза, а меня только собирались принимать. Нужны были отзывы и рекомендации. Конечно, он не мог помнить всех учившихся у него студентов, но в просьбе моей не отказал. На сборники «Разные миры» (1994 г.) и «Эхо» (1996 г.) он написал рецензию – строгую, но объективную.

Прошло без малого еще 20 лет. И в журнале «Преподавание языка и литературы»

(№ 2, 2011 г.) выходит статья Ю. А. Морица «Поющее сердце» (О лирике Марты Ким). Каково было удивление, что меня помнит преподаватель, перед которым прошли сотни, если не тысячи, желторотых птенцов – студентов филфака! Прочитав «Острова» (2010 г.), он по телефону с грустью сказал: «Там есть стихотворение и про меня: «Над веткой сакуры плакал старик».

Марта Ким, поэт, член СП Узбекистана.

* * *

Считалось, да и по сей день считается (правда, скорее по традиции), что филолог – образцовый Читатель. Сегодня, к сожалению, это уже не столько норма, сколько уникальная способность, присущая немногим – отдельным – профессионалам. Но даже в тех случаях, когда о такой норме вдруг вспоминают, её обычно усматривают либо в ядовито-разоблачительном отношении к прочитанному («ради красного словца не пожалею и родимого отца»), либо, наоборот, в равнодушно-снисходительном («ну и ладно, пусть себе там что-то лопочет»), особенно когда дело касается научной книги, легкомысленно называемой в обиходе «учёной книжкой».

Однажды, слушая Ю. А. Морица, я с изумлением и с восторгом поняла, каким может быть истинно профессиональное отношение филолога-критика к анализируемой книге, даже содержащей соображения, сильно отличающиеся от воззрений самого критика, что весьма важно.

Не только в словах Юрия Александровича, но даже в его интонациях слышался живой отзвук новизны и свежести прочитанного, чувствовалось острое наслаждение моментом рождения мысли другого исследователя и непреходящее радостное удивление тому, что возможна такая свобода и убедительность иного мышления.

Именно такое отношение к чужой книге, иной мысли определяет филолога не просто как «умелого мастера критического цеха» (излюбленное публицистами второй половины XX века обозначение нашей литературной критики), а как подлинного служителя слову и высокой любви к нему.

Лия Вольфовна Кац, к. ф. н., доцент.

* * *

Яркая индивидуальность, личностное понимание литературы и творчества разных авторов, исследовательский талант Юрия Александровича Морица проявились в серии научных статей о классике русской литературы, опубликованных в журнале «Преподавание языка и литературы», где я работал.

В каждом исследовании, помимо общего анализа и характеристики творчества знаменитых писателей, проявлялся индивидуальный взгляд ученого, поднимая непосредственное читательское впечатление до высот аналитической мысли. В каждом «великом» исследователь обнаруживал и выявлял как истоки его художественной мощи, так и своеобразие, а подчас и ограниченность в понимании каких-то вещей, человеческие и авторские слабости и недостатки при безусловной уважительности и восхищении талантом.

Как исследователь пришел к этому? Этот вопрос я задал самому Юрию Александровичу, и он ответил: «Когда-то я понял, что все время “оглядываюсь” на известных маститых литературоведов, бесконечно коплю и переосмысляю необъятную “научную базу”, но ведь идет моя жизнь, проходит мое время, и я

должен проявить себя, свое понимание, истинное оно или ошибочное». Я слушал эти слова и видел, как удивительно молоды и вдохновенны были глаза ученого.

Удивительные люди живут рядом с нами, не только несущие знания и культуру, но и ведущие нас к самостоятельной мысли, к полноценному творческому самовыражению. Как же не ценить и не быть благодарным таким людям?

**Николай Дмитриевич Ильин, к. п. н.,
доцент, редактор, поэт, переводчик.**

* * *

Я и представить себе не могла, сидя когда-то на студенческой скамье филфака, что буду работать с легендарным Ю. А. Морицем на одной кафедре, что мне удивительно повезет общаться с этим умным, тонким, интеллигентным в каждом своем движении, каждом высказывании, каждом вздохе человеком, тактичным в любой обстановке и ситуации, остающемся при этом верным себе и сохраняющим великолепное чувство юмора. Для меня он – воплощение истинного достоинства, умения говорить с каждым человеком, не сгибая собственной спины и не вынуждая собеседника угождать себе. Это главный урок, который я извлекла из общения с Юрием Александровичем.

Лучшими Учителями всегда являются те, кто учит не только словом, но и всей своей жизнью.

**Юлия Юрьевна Мезенцева, к. ф. н.,
НИУ Высшая школа экономики,
начальник отдела по работе с международными специалистами.**

* * *

Юрий Александрович читал нам лекции по русской литературе XIX века и спецкурсы по творчеству Тютчева, Лескова, акцентируя внимание на нравственной культуре героев: лесковские праведники, князь Мышкин и др. Это сегодня слова «нравственность», «духовность» затерты и обесценены. В одной из своих статей Ю. А. Мориц написал о нашем времени: «...век XXI, не сумевший, как и минувший XX, избавиться от скорбного определения “железный”...». Казалось, будто ученый сам из другой, далекой, эпохи, где «благородство», «достоинство», «честь» – не пустые слова.

Под руководством доцента Ю. А. Морица я писала дипломную работу и магистерскую диссертацию. Он направлял, но не навязывал свою точку зрения и уж тем более не подавлял. Помню, он говорил: «Лесков – коварный писатель, он мистифицирует читателя, надо разгадать эффект Лескова-фантаста».

Юрий Александрович Мориц научил меня анализировать текст, систематизировать и описывать выявленное. Эти знания и навыки бесценны. Спасибо моему уважаемому Учителю, крепкого ему здоровья и всего самого доброго и светлого!

Надежда Нам, редактор, журналист.

* * *

Важнейшая задача преподавания словесности, на мой взгляд, – привить молодому поколению любовь к художественному слову, научить понимать разнообразие и красоту авторских стилей, ценить способность правильно выразить мысль. Под руководством опытного преподавателя Ю. А. Морица мы, студенты, постигали красоту и изящество литературного слова. Каждая из его лекций превращалась в увлекательный рассказ о творчестве, о героях и сюжетах

книг, известных нам вроде бы со школы, но в изложении Юрия Александровича звучащих совершенно по-новому, оживающих, воплощающихся в плоть и кровь в нашем воображении. И мы уже жили в мире писательской фантазии, воспринимали происходящие события как часть своей жизни, сопереживали, любили и ненавидели героев, следили за хитросплетениями сюжетных линий.

Неповторимый метод погружения в авторский текст я ощутил при написании дипломной работы под руководством Юрия Александровича. Обладая энциклопедическими познаниями и системным подходом в литературоведении, он всегда безошибочно рекомендовал надежные методы раскрытия уникального художественного мира произведения.

Считаю, что всем нам здорово повезло: у нас была уникальная возможность исследования русской литературы и культуры в целом под руководством преподавателя «старой школы», для которого всегда на первом плане был вдумчивый и глубокий подход к слову, любовь к своему делу, сочетающиеся с редчайшей интеллигентностью, чувством достоинства, бережного отношения к личности.

Павел Запорожеч, проектировщик, экологическое проектирование.

* * *

С далекого 1960 года, когда появилась первая статья, и до сегодняшнего дня Ю. А. Мориц известен как автор глубоких исследований в области русской, узбекской и зарубежной литературы, как образец высокого служения науке. И, видимо, не случайно, а по Божьему промыслу он родился в городе Белинском, где провел детские годы основоположник русской литературной критики, ибо статьи Ю. А. Морица о классиках русской литературы – Достоевском и Толстом, Мандельштаме и Фете, Чехове и Бродском, Ахматовой, Набокове и о многих-многих других, как и работы об узбекских мастерах слова, зачастую открывают новые, доселе неизвестные страницы их творчества, служат высоким примером взаимодействия и взаимовлияния двух культур – западной и восточной, пронизаны любовью к изящной словесности. Они словно впитали в себя и дух города Белинского, и дух самого Неистового Виссариона. Вероятно, отсюда, от этих замечательных русских корней, идет важная особенность литературных трудов Ю. А. Морица – глубинное проникновение в исследуемый материал, скрупулезная основательная проработка темы, умение сочным и доступным языком выразить сложные и оригинальные мысли.

Перу Юрия Александровича принадлежат трогательные и волнующие художественные произведения: роман «Разиня», повести «Дожди сорок третьего», «Кто в тебе живет?», «Солнечная дорожка», сборники интересных рассказов «Принцесса Ирен», «Криминальные истории» и многие другие. Будучи доцентом кафедры русского литературоведения национального университета Узбекистана, Ю. А. Мориц воспитал плеяду талантливых литературоведов и филологов, которые вносят свой вклад в дело углубленного изучения литературного процесса как в нашей республике, так и во всем мире, многие из его воспитанников стали писателями и учеными.

Мы ценим Вас, дорогой Юрий Александрович, Ваше человеческое обаяние и умение щедро делиться своими знаниями и опытом с читателями и учениками.

В год славного юбилея мы желаем Вам, родной Вы наш человек, доброго здоровья и долгих плодотворных лет жизни!

Хорманг!

Совет по русской литературе при СП Узбекистана.

литературоведение. литературная критика

Юрий МОРИЦ

Член СП Узбекистана с 1962 года. Автор прозаических сборников «Дожди 43-его года», «Кто в тебе живет», «Принцесса Ирен», «Тигрыны заключают пари», литературоведческих и литературно-критических статей. В 2011 году вышел его сборник статей «Русская литература».

**ОГОНЬ, ПРОСИЯВШИЙ
НАД МИРОЗДАНИЕМ**

3 декабря 2017 г. исполнилось 125 лет со дня смерти утонченного поэта-лирика, переводчика, мемуариста, члена-корреспондента Петербургской АН Афанасия Афанасьевича Фета (1820–1892).

В лирике Афанасия Фета конца 80-х – начала 90-х годов отчетливо выделяется ряд стихотворений, образующих некоторое фабульное единство. Вместе взятые, они как бы составляют единый лирический рассказ. К этому циклу можно отнести многие стихотворения о любви, созданные Фетом в 1877–1892 годы. Читая их, мы узнаем о первых робких надеждах немолодого лирического героя добиться невозможного – взаимности молодой девушки, о преградах, вставших на пути любви, и о том, как пришло безумие разделенной любви-страсти, а затем и естественное охлаждение.

Само наличие цикла в науке зафиксировано и не оспаривается, но содержание его и, главное, жизненные истоки поставили исследователей лирики Фета в тупик. «Можно говорить о втором любовном цикле Фета, – пишет Б. Я. Бухштаб, – хотя нет достоверных данных о том, к кому он обращен, даже к одной ли женщине, и фиксированы ли в стихах только новые любовные переживания или и старые творчески перемешены из прошедшего в настоящее».¹ Может быть, подобные вполне резонные соображения стали препятствием для литературоведческого изучения цикла. Рассматриваются, как правило, лишь отдельные, наиболее значительные произведения вне контекста творчества поэта.

Трудно определить точные границы цикла. Они размываются лирическими стихотворениями, в которых ситуативность несколько иная. Отнести то или иное стихотворение к данному циклу можно лишь с немалой долей приблизительности. Главным критерием, позволяющим сделать это, является изображение вполне определенных отношений между лирическими персонажами, создающих завершенную цепь событий. Предшествующий цикл, посвященный отношениям поэта с Марией Лазич, трагически погибшей, – это лирический рассказ в прошедшем времени, последний цикл – в настоящем.

Прежде всего можно выделить стихотворения, лишь предвещающие грядущую любовь. Лирический герой испытывает искушение отдаться чувству, которое его пугает («В степной глуши...» 1887 г.). Однако с неизбежностью наступает момент, когда он уже не может противиться нахлынувшей страсти («Моего тот безумства желал...»,

¹ Бухштаб Б. Я. Фет // Бухштаб Б. Я. Русские поэты. – Л.: Художественная литература, 1970. С.145.

«К ней»). С самого начала в любви Фета возникают различные преграды и бытового, и психологического порядка. Это злая старость и то, что он и она из разных поколений. Перед лицом новой любви лирический герой остро ощущает груз прежнего опыта: *Не упрекай, что я смущаюсь // Что я минувшее принес // И пред тобою содрогаюсь // Под дуновеньем прежних грез.*¹ Запреты будут преследовать эту любовь до конца:

*Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться.*

Любовь первоначально изображается как невозможная («Всё, как бывало...», «Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...»). Высшая точка – осуществление *невозможной мечты*, острое переживание взаимного чувства. Многие стихотворения цикла раскрывают именно радость разделенной любви («Кляните нас, нам дорога свобода», «Завтра я не различаю...», «Из тонких линий идеала...», «Погляди мне в глаза хоть на миг...», «Почему?», «Я говорю, что я люблю с тобою встречи...», «Не отнеси к холодному прирастанию...» и другие стихотворения 1891–1892 гг.). Поэт воспекает безумство пришедшей любви-страсти:

*Завтра – я не различаю;
Жизнь – запутанность и сложность!
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность!*

Будто юноша, охваченный первым сильным чувством, произносит поэт эти пылкие строки. Фет прославляет любовь чувственную, «греховную» и вместе с тем высокую. Любовь земная не уничтожает идеальное в человеке, напротив, усиливает его, делая более отчетливым и очевидным.

«Победа» становится вершиной отношений, одинаково благотворной как для лирического героя, так и для лирической героини: *Из тонких линий идеала // Из детских очерков чела // Ты ничего не потеряла // Но все ты вдруг приобрела // Твой взор открытой и бесстрашной // Хотя душа твоя тиха // Но в ней сияет рай вчерашний // И соучастница греха.*

Греховная страсть не оскверняет рай, она, как это ни парадоксально, становится воплощением его сущности. Земное и небесное, греховное и идеальное в любовной лирике вступают в союз, раскрывая суть любви человеческой, свободной и гармоничной, хотя предпочтение в развитии темы отдается идеальной стороне отношений.

Для Фета характерно слияние чувства любви к женщине с упоением красотой мира: *Еще люблю, еще томлюсь // Перед всемирной красотой // И ни за что не отрекись // От ласк, ниспосланных тобою.* Здесь два плана, два ряда чувств. Интимные *люблю, ласк* автономны по отношению к такому широкому, абстрактному понятию, как «всемирная красота», однако в тексте они совершенно слиты. Сочетание столь различных семантических планов создает предусмотренную поэтом неопределенность, суггестивность выражения поэтической мысли. Чувство любви в большинстве стихотворений цикла преломляется в напряжении песни, в ее красоте. Подобное эстетическое по своему характеру содержание любви раскрывается в стихотворении «Кляните нас: нам дорога свобода...», где сначала Фет говорит о любви как буйстве природы, а затем переводит эротику в план эстетический: *В пример себе певцов весенних ставим // Какой восторг – так говорить уметь!* В любви, о которой поет Фет, объединяются земля и небо, радость взаимного обладания и одухотворенный полет творчества, наряду с искусством любовь – это возможность истинной жизни духа. Любовь принимает форму жреческого служения красоте, носит отчасти абстрактно-символический характер. А вот в рассматриваемом цикле поэт возвращается с небес

¹ Тексты цитируются по изданию: Фет А. А. Сочинения в двух томах. – М.: Художественная литература. 1982.

на землю, где его земная любовь развивается по законам эстетического отношения к жизни, принципы которого были для Фета незыблемыми.

Центральным мотивом, связывающим любовь с творчеством, является *безумие*. С одинаковой последовательностью проводится он и при обосновании метода творчества, и в воссоздании любовного чувства. К лирике Фета в качестве эпиграфа идеально подошли бы шекспировские строки, переведенные Тютчевым: *Любовники, безумцы и поэты из одного воображенья слиты*.

В художественной трактовке безумия Фет идет вслед за Тютчевым, хотя и не выпускает тему за пределы эстетического отношения к жизни. В статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859 г.) Фет пишет: «Лирическая деятельность... требует крайне противоположных качеств, как, например, *безумной слепой отваги и величайшей осторожности (тончайшего чувства меры)*. Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик».¹

Последний лирический цикл объясняет любовь Фета как высокое безумие. Само слово «безумие» («безумство») повторяется часто, начиная со стихотворения 1887 г.:

*Моего тот безумства желал, кто смежал
Этой розы завой, и блески, и росы;
Моего тот безумства желал, кто свивал
Эти тяжким узлом набежавшие косы...*

А вот в стихотворении 1891 г.:

*Размышлять не время, видно,
Как в ушах и в сердце шумно;
Рассуждать сегодня – стыдно,
А безумствовать – разумно.*

«Как богат я в безумных стихах!» – так начинается стихотворение 1887 г. Фет настойчиво утверждает дилемму: «В блеске, какого нет шире и краше, нужно безумствовать или смириться».

Любовная коллизия, раскрываемая Фетом, оригинальна, она внутренне полемична по отношению к концепции любовных отношений других классиков (Л. Толстой «Крейцерова соната»; любовь как *поединок роковой, любовь убийственная* у Тютчева, *любовь-вражда*, получившая глубокую лирическую трактовку в панаевском цикле Некрасова). Если у Тютчева и Некрасова кульминации любовных циклов связаны с крушением любви, то у Фета акцент переносится на ситуации завоевания и удержания любви, на достижение «мечты невозможной», на преодоление, казалось бы, непреодолимого. Сознательно заостряется следующая ситуация: *злая старость*, принадлежность к разным поколениям, внешние преграды-запреты. Всё ополчилось против мечты навязчивой, невозможной, и нужна безумная слепая отвага, чтобы идти избранным путем. Для поэта любовь, как и творчество, – вершина жизни духа.

Лирическая концепция Фета отличается исключительной смелостью и оригинальностью. Сходная трактовка любви намечена у Чехова. Алехин, герой рассказа «О любви», обдумывая грустные итоги благоразумных отношений с Анной Алексеевной Луганович, приходит к следующей мысли: *Со жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было всё то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви надо исходить от высшего, от более высокого, чем счастье или несчастье, грех или добродетель, в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе*.²

Алехину и Анне Алексеевне *недостало безумства*, их уделом остались осторожность,

¹ Фет А. А. О стихотворениях Тютчева. Указ. соч. Т. 2. С. 156.

² Чехов А. П. Полное собрание сочинений в 18 томах. Т. 10. – М.: Наука, 1977. С. 74.

благоразумие – качества завидные, но ставшие неодолимой преградой к истинному счастью, заключенному в слове *любовь*.

О любви Чехов пишет как бы учитывая художественный опыт Фета. Безумие приносит счастье, говорит нам Чехов, рассказывая историю Коврина («Черный монах»). Но счастье ли это или больная и мучительная греза?

Чем же все-таки заканчивается лирический цикл Фета о последней любви? Фет – романтик, но он умеет смотреть правде в глаза. Любовь в рассматриваемом цикле – *любовь старческая*, что и предопределяет ее грустный финал. Юность беспощадна к старости, если замечает в ней претензии, на удовлетворение которых она давно утратила права. Эта коллизия рождает минорные мотивы в лирике:

*Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохи, без радости слезы;
Что было сладко – горько стало,
Осыпались розы, рассеялись грезы.*

А далее еще обиднее:

*Что молчишь? Иль не видишь – горю,
Всё равно – отстрани хоть, приветь ли.
Я тебе о любви говорю,
А вязанья считаешь ты петли.*

На первый взгляд может показаться, что счастье, отстаиваемое Фетом, эгоистическое. Но это не так. В своем цикле поэт выходит за пределы лирического «я», выражая определенные тенденции времени. Да, титаническими усилиями завоеванное счастье оказывается мимолетным, мгновенным, даже трагическим (парадокс!) в дисгармоничном мире. Поэт заставляет своего читателя сопереживать счастью-трагедии, счастью-боли, где стремление к гармонии и невозможность ее достижения слиты в единой лирической теме:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет. И плачет, уходя.*

Лирический цикл Фета о последней любви раскрывает новые стороны жизни человеческого духа, бросившего вызов враждебным силам, самому Богу. Этот страстный порыв сродни тому безумству, что уничтожило «красный цветок» зла рукой героя рассказа Гаршина, или «безумству храбрых» как истинной мудрости жизни, воспетой Горьким.

Любовная и философская лирика Фета начала 90-х годов созвучна некоторыми мотивами передовым тенденциям демократической литературы, выдвигающей на первый план активность личности. Подобный творческий итог мог быть не только неожиданным, но отчасти и нежелательным для Фета-консерватора, что с особой силой обнаруживало раздвоенность его сознания. Дерзкому в поисках истины художнику во многом мешал ограниченный ум апологета отживших устоев жизни. Можно сказать, что Фет в какой-то степени страшился итогов собственного творчества. Только этим можно объяснить его упорное стремление преуменьшить содержательную сторону своей поэзии в автокомментариях. И самое поразительное – это сознательное разрушение, распыление естественно складывающихся циклов. Фет не хотел видеть в своем творчестве циклы, предпочитая группировать стихотворения по внешним, малосущественным признакам. Но внимательное читательское восприятие неизменно их выделяет и умеет оценить в ряду высочайших достижений мировой поэзии всех времен.

философия искусства

Эльмира ГЮЛЬ

Родилась в Казахстане. Окончила исторический факультет НУУз. Доктор искусствоведения. Работает в отделе изобразительного и декоративно-прикладного искусства Института искусствознания АН РУз. Автор многочисленных искусствоведческих исследований в области истории прикладного искусства Средней Азии.

ВСЛЕД ЗА ВЕСЕННИМИ ОБЛАКАМИ

Знаете ли вы, что такое *абр*? *Абр* переводится как облако, весенние облака. Этот термин был весьма популярен в искусстве Востока. В памяти сразу всплывают ассоциации с *абровыми* тканями – самым популярным видом среднеазиатского шелка, но на самом деле распространение самого понятия было гораздо шире.

Начнем с того, что *абр* – это самостоятельный орнаментальный мотив в виде петли, чаще симметричной, с волнистыми концами. Одновременно этот термин имеет отношение к технологии крашения (*абрбанди*), позволяющей различными способами и в различных материалах – тканях, керамике, бумаге – создавать характерный вибрирующий узор. Популярность мотива и технологии побудила нас заглянуть в историю и попытаться выявить корни их появления.

АБР КАК МОТИВ

Считается, что мотив *абр* имел китайское происхождение и попал в орнаментику «западных» стран благодаря китайским шелковым тканям и фарфору. В китайском искусстве волнообразные облака с развевающимися «хвостами» имели разнообразную живописную трактовку. Зачастую они сопровождали изображение дракона и понимались как его дыхание – облачка пара, вырывающиеся из ноздрей, которые проливались на землю живительным дождем. Да и сам дракон изображался волнообразно, что позволяет ассоциировать *абр* с этим одним из самых сильных благожелательных образов в искусстве Поднебесной.

Облако, несущее дождь, и дракон, податель влаги, – классические символы плодородия. Облачные мотивы с драконом или без, а также с аистами, *фенхуанами* (китайский *симург*) и прочими небесными созданиями мы встретим на различных изделиях. Массовый экспорт китайского товара привел к тому, что на мусульманском Востоке, попавшем под обаяние всего китайского, охотно заимствовали саму волнообразную форму мотива. Вскоре китайское облако/дракон полностью трансформируется в изысканно выходящую петлю исламского облачного мотива – *абр*.

Упоминания об *абре* встречаются в литературных

источниках с XVI века, он становится мотивом, вошедшим в число обязательных для использования. Так, тебризский автор и художник-миниатюрист Садиг бек Афшар в своем труде «Ганун ос совар» (Канон изображения) пишет: «Основ орнамента не более семи: *ислими, хатаи, абр, вак, нилуфар, феранги*. Запомни названия каждого из них, не забудь также о *бенд-е руми*»¹. Другой автор, своего рода Вазари Востока, Кази Ахмед, в «Трактате о каллиграфах и художниках», говоря об орнаменте, также упоминает следующие элементы: «Как в письме шесть калемов являются основой, так и в этом искусстве также уважаются семь основ: *ислими, хатаи, феранги, фасали, абр, акре, салами*»². Художники придворных мастерских использовали *абр* при создании орнаментальных эскизов для стенных росписей, страниц рукописных книг и различных предметов быта. В искусстве ислама, ценностными критериями которого было стремление к идеально прекрасному образу, мотив *абр* стал весьма популярным благодаря изысканно-витиеватому силуэту. Немаловажное значение имел и его благопожелательный смысл, связь с верхним, божественным миром. Реальный прообраз – дракон – прочитывается лишь на одном памятнике – в декоре портала мечети и одновременно суфийской *хонако* Анау (Туркмения, 1455–1456 гг.), возведенной при темуриде Абул-Касиме Бабуре, сыне Бойсункура Мирзы. Два крупных дракона (*аждахо*) – по одному в каждом тимпане – одновременно выглядят как огромные мотивы *абр*. Здесь интересен сам факт сохранения образа дракона в экстерьере культового исламского здания. Заимствование китайской формы, возможно, объясняется также тем, что дракон почитался местным населением округа Анау³. Классический *абр* можно увидеть в декоре стен медресе Абдулазиза-хана (XVII в., Бухара).

Ослабление могущественных династий мусульманского Востока неизбежно приводило к упадку высокого стиля дворцового искусства, упрощению орнамента, исчезновению некоторых элементов, в том числе *абра*, который встречается все реже.

АБРБАНДИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ КРАШЕНИЯ НИТЕЙ И ТКАНЕЙ

Что касается технологии крашения, известной как *абровая*, создающей рисунок вибрирующих перьевых облаков, здесь история более запутанная. Существует мнение, что резервное крашение – один из древнейших способов колорирования тканей. Очевидно, изначально он использовался для уже сотканых полотен или штучных изделий. Некоторые участки ткани связывали в узел, заматывали, прошивали, складывали или сжимали, чтобы сделать их менее доступными для раствора красителя определенного цвета. Такой метод – узелковое крашение – был известен в Египте и Китае, Индии и Индонезии, Мексике и Перу. В Японии он именовался *сибори*, а в Индии и Узбекистане – *бандан*⁴ (перевязка). Узбекский вариант подразумевал резервирование разными способами. Первый – завязывание определенных мест уже готовой ткани в узлы, делающие ткань «внутри» них

¹ Садиг бек Афшар. Ганун ос-совар (трактат о живописи). Введение, перевод и комментарии А. Казиева. Баку, 1963. С. 336.

² Кази Ахмад. Трактат о каллиграфах и художниках. Введение, перевод и комментарии Б. Н. Заходера. М.-Л., 1947.

³ Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967.

⁴ Махкамова С. Узбекские абровые ткани. Ташкент, 1962. С. 9.

непроницаемой для краски. Второй – использование в качестве резервирующего средства смеси смолы с бараньим или козьим внутренним салом, которая наносилась на определенные участки узора, создаваемого с помощью *колыбов*. Такая смесь заменяла обмотку нитей основы и предохраняла от краски те части узора, которые не должны были окрашиваться на определенном этапе. В этой технике, напоминающей батик, мастера делали шелковые платки *калгаи* (*келагаи*). Центрами по их производству были Бухара и Маргилан¹.

Самый ранний сохранившийся образец ткани, где окраска методом резерва производилась до заправки нитей в ткацкий станок, датируется довольно поздно – это хлопковый фрагмент VI в. из могильника Астана (Синцзян-Уйгурская АР, Китай)². Близок ему по времени и столь же ранний, но уже шелковый фрагмент 552–644 гг., обнаруженный в буддийском храме Хорю-дзи, Нара, Япония³. На красном фоне последнего выделяются петлеобразные мотивы темно-коричневого цвета, с вибрирующими контурами, создающими эффект перетекающих друг в друга соседствующих цветов. Этот эффект и обязан своему появлению технике резервного крашения тканей, которые позднее получили в Узбекистане наименование *абровые*. Декор фрагмента из Нары идентичен *абровым* узорам узбекских тканей XIX в., и потому высказывались предположения о его центральноазиатском происхождении. Фрагмент интересен еще и тем, что он является одним из ранних примеров мотива *абр*.

Сложно сказать, производились ли в то же время подобные ткани в городах Согда и Тохаристана, Чача и Хорезма. В VI–VII вв. на местных рынках лидирующие позиции занимали иные шелковые изделия – знаменитые согдийские самиты. Они были отличны от *абровых* шелков как по технологии изготовления, так и по декору. Это ткани саржевого переплетения с узорами в виде медальонов в

обрамлении перлов, на фоне медальонов – изображения животных и птиц, бывших символами зороастрийских божеств, реже – людей. Самиты сохранились в значительном количестве. Они представлены в зарубежных частных и музейных коллекциях, но, к сожалению, ни одного образца – в музеях Узбекистана. Лишь в росписях афрасиабского и пенджикентского дворцов мы можем видеть согдийскую знать, облаченную в халаты, сшитые из этих знаменитых тканей. Самиты были главным, самым дорогим и престижным товаром на трассах Великого шелкового пути. Именно за них западные монархи платили

баснословные деньги, благодаря которым богател Согд. Самый известный согдийский фрагмент, вошедший в историю, по счастливой случайности сохранился в дарохранительнице храма бельгийского города Юи. При вывозе из страны на ней оставил свой «автограф» таможенник, написав тушью «длина 61 пядь *занданечи*», т. е. ткани из Занданы, селения под Бухарой⁴. Надпись была обнаружена и прочитана В. Хеннингом и Д. Шеперд, что позволило в свое время провести

¹ Ремпель Л. И. Далекое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства старой Бухары. Ташкент, 1982. С. 243.

² Gibbon K., Hale A. Ikat. Splendid silks of Central Asia. The Guido Goldman Collection. London, 1997. P. 25.

³ <https://www.amazon.com/Print-Horyuji-Discovery-Japanese-Tipped/dp/B0084EVJ7C>. 31. 08. 2017.

⁴ Беленицкий А. М., Бентович И. Б. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани «занданечи») // СА. 1961. № 2. С. 66–78.

переатрибуцию ряда самитов, которые считались сасанидскими¹. Термин *зандачи* (зендень в русских хрониках) впоследствии стал использоваться и для других видов среднеазиатских тканей.

Первые века ислама дают нам большое количество образцов тканей в стиле вибрирующих «перьевых облаков», уже из хлопка, производства Йемена (династия Зиядидов). Они датируются концом IX – началом X века, но вполне вероятно, что такого рода ткани и технология существовали в Йемене и раньше. По-арабски их называли *асб* (от *асаба* – перевязывать)². Несколько образцов хранится в Метрополитен-музее (США). Среди них – фрагмент шали с тонкой бахромой и прорисованной черным пигментом и золотом надписью почерком *куфи*, включающей слово *бисмилла*. Ткани с надписями были известны как *тираз*, а мастерские, где они изготовлялись – *дар ат-тираз*. Декор – повторяющиеся парные ромбы, расположенные в узких равномерных полосах вдоль полотнища. Колористическая гамма строится на чередовании перетекающих друг в друга индиго и выцветшего карминно-красного. Подобные раритеты производства Йемена и Египта имеются также в музее университета Мичиган (США), The Royal Ontario Museum (Канада).

С распространением ислама ткани *асб* уверенно завоевывают рынок. Их вибрирующий абстрактный декор как нельзя лучше соотносился с эстетическими приоритетами самой религии, вдохновленными неизобразимым Богом. Сочетание специфически «размытого» дизайна с каллиграфией, имевшей сакральное значение в культуре ислама, лишь подчеркивает высочайший статус тканей этого вида. Использование исключительно хлопка также объяснимо – оно было обусловлено политикой эгалитаризма, проводимой арабами-мусульманами, запретами на ношение дорогой шелковой одежды. Даже знаменитые бухарские *зандачи* теперь ткются из хлопка.

Итак, самые ранние сохранившиеся образцы «облачных» тканей происходят из таких географически удаленных друг от друга мест, как Йемен и Восточная Азия, но можно быть уверенным, что этот вид текстиля был неотъемлемой частью культуры многих государств. Во всяком случае, связанная с ним техника резервного крашения была известна не только в Японии и на Ближнем Востоке, но и в Западной Африке, в странах Средней и Юго-Восточной Азии, в Китае, Латинской Америке (доколумбовые Перу и Гватемала, а также Мексика, Сальвадор, Эквадор, Боливия, Чили, Аргентина), что говорит о ее возможно самостоятельном возникновении в разных частях земного шара.

Что касается Средней Азии, сложно сказать, появилась ли техника резервного крашения в местных ремесленных центрах самостоятельно, либо как результат внешних влияний. Можно лишь утверждать, что распространение технологии резервного крашения было связано с Великим Шелковым путем, по которому перемешались не только товары, но и идеи. Военная экспансия арабов, привнесенные с новой религией – исламом – новые эстетические идеалы способствовали значительному увеличению производства этой группы тканей в Мавераннахре.

В средневековых источниках VII в. центральноазиатские ткани в технике резервного крашения также называются словом *асб*³ – очевидно, эти ткани, как и технология резервного крашения, появляются в нашем регионе вследствие арабского завоевания.

¹ Дьяконова Н. В. «Сасандске» ткани. // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. – С. 90.

² Serjeant R. B. Islamic textiles. Material for a history up to the Mongol Conquest. Beirut, 1972. P. 94. Цит. по: Царева Е. Г. Между Амударьей и Сырдарьей: шелковые икаты в культуре центральноазиатского Междуречья // Грезы о Востоке. Русский авангард и шелка Бухары. СПб., 2006. С. 55.

³ Там же. С. 54.

С приходом к власти местных династий ткани *асб* остаются в быту и ремесленном производстве городов Мавераннахра. Какое-то время они производились из хлопка, но с X в. вновь стал использоваться шелк – потребность населения в предметах роскоши была неистребима.

Во времена Амира Темура шелковые ткани использовались как минимум в дворцовом быту – Клавихо упоминает «шелковые ткани разных цветов»¹. Трудно сказать, были ли они выполнены в технике резервного крашения. В XV–XVII вв. местные хлопчатобумажные и, очевидно, шелковые ткани резервного крашения были одним из основных предметов экспорта. В Московском государстве они были известны как копытчатые (т. е. с узором в виде подковок, или следа от копыта), *кутни зенденные*, *объяринная зендень* (от *занданачи*, из Занданы, селения под Бухарой), *семенди всяким цветом*, *дюменди цветные*². Различные названия объясняются разнообразием расцветок и декора.

Подлинный расцвет резервного шелкоткачества приходится на период конца XVIII – начала XX века. Главными производителями тканей резервного крашения были города Бухарского эмирата и Кокандского ханства – *Бухара*, *Самарканд*, *Коканд*, *Маргилан*, *Худжанд*. Шелковые халаты из тканей, поражающих воображение своей расцветкой и замысловатыми узорами, являлись показателем статуса и достатка их обладателя, самым востребованным товаром на местных и зарубежных рынках. В Самарканде и его округе эти ткани были известны уже под новым наименованием – *абардор*, который А. Гребенкин трактует как цветной, цветистый³, а прием или техника резервного крашения, с помощью которого они делались – *абрбанди*, букв. – «обвязанное облако». Е. Царева связывает слово *абардор* с тадж. *а/оборангдор*, без уточнения перевода⁴. Но более вероятная версия, очевидно, отталкивалась от характеристики самих тканей и понималась как «об бардор» – «выдерживающий воду», т. е. хорошо окрашенный, не линяющий (чтение А. Хакимова).

В чем же суть технологии производства этого вида тканей? Методы резервного крашения в разных странах различны: предварительно в разные цвета прокрашивались нити основы либо нити утка, в более сложных вариантах – и основы, и утка. В Средней Азии утвердился менее трудоемкий метод – прокрашивание нитей основы (уток оставался неокрашенным и был полностью скрыт в процессе ткачества нитями основы). Он заключается в следующем: на растянутых нитях основы мастера-*абрбанды* наносят прорисовку (эскиз) будущего полотна. Затем начинается процесс резервации отдельных участков нитей основы, поделенных на пучки (либиты), согласно нанесенного на них рисунка с помощью обмотки суровыми хлопчатобумажными нитями. При погружении нитей основы в определенный красящий раствор прокрашиваются лишь те места, которые остались свободными от обмотки. Каждое последующее погружение нитей в соответствующий краситель требует перемотки «зарезервированных» участков. Полностью прокрашенная основа заправляется в ткацкий станок, и начинается сам процесс ткачества.

По составу материала ткани подразделялись на полушелковые (с более грубым хлопковым утком), самым популярным видом которых был *адрас*, и шелковые –

¹ Клавихо Р. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403–06). М., 1990. С. 111.

² Таджики. Древнейшие традиции ткачества. Сайт РЭМ, 27.07.2017 <http://www.ethnomuseum.ru/tadzhiki-drevneyshie-tradicii-tkachestva>.

³ Гребенкин А. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1983. С. 511 – 514.

⁴ Царева Е. Г. Между Амударьей и Сырдарьей: шелковые икаты в культуре центральноазиатского Междуречья // Грезы о Востоке. Русский авангард и шелка Бухары. СПб., 2006. С. 56.

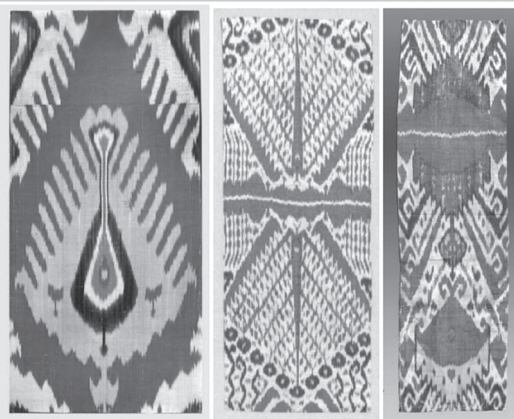
шойи, атлас, хан-атлас, бахмал¹. Вид ткани зависел также от способов переплетения нитей. Уже в XX в. для них стали использовать общее название – *абровые* (т. е. окрашенные методом *абрбанди*). С этим названием связана даже красивая легенда о бедном ткаче, влюбленном в девушку и ради будущего своей любви создавшем удивительную шелковую ткань. Ее узоры живописали легкие облака, отражающиеся на поверхности расцвеченной солнечными лучами глади горного озера. Таким образом, в народной традиции история появления *абровых* тканей была связана с весенними облаками, отраженными в зеркале водной глади, красотой природы, романтической историей любви. Возможно, таким наименованием мастера хотели подчеркнуть невесомость шелка, легкого как облако.

Возможно, что слово *абр* апеллирует и к другим смыслам. Так, высказывалась мысль, что *абр* произошло от *аб/об* (вода), и таким образом название подчеркивало струящиеся свойства шелков². Звучала также версия, что *абр* – это *абра*, т. е. «ткань верхней стороны одежды». Наконец, *абр* можно понимать и как сокращенный вариант *а/обранг*, то есть акварель. Этот термин более точно и образно передает сам процесс производства тканей на этапе, когда художник создавал эскиз будущего узора на натянутых нитях основы.

За рубежом ткани, окрашенные методом резерва, с начала XX в. стали называть термином *икат*³. Он был введен европейскими исследователями, изучавшими индонезийские ткани резервного крашения. В Индонезии метод их производства назывался *менгикат* – «плести, связать, обвить всё вокруг». Ныне этим термином называют все ткани с резервным крашением нитей, вне зависимости от места их производства.

Способ крашения *абровых/икатовых* тканей дал мастерам-*абрбандам* неограниченный простор для творчества, что привело к появлению разнообразных узоров с «вибрирующими» («пламенеющими», перетекающими друг в друга) контурами. Если в ранних упомянутых образцах мы видим незамысловатые абстрактные разводы либо геометрические формы, то позже, в тканях XIX – начала XX века представлен богатый репертуар узоров – геометрических, растительных, предметных и даже антропоморфных. Формы условны, что связано со спецификой создания узора, но все же отлично прочитываются.

Так, к числу растительных мотивов относятся *дарахт* (дерево), *шох* (ветка), *анорча* (гранатик), *бодом* (миндаль), *тувокда гул* (цветок в горшке), *баргикарам* (листья капусты). Зооромфные – *кучкор шохи* (рога барана), *йулбарс думи* (хвост льва), *туя тайпок* (верблюжий след), *чаен* (скорпион), *илон изи* (след змеи). Предметные – *тарок* (гребень), *урок* (серп), *коса гул* (узор чашки), *ногора* (барабан), *галвирак* (решето), *офтоба*, *кумгон* (виды кувшинов), *патнус* (поднос), *байрок* (флажок), ювелирные украшения *шокила* (подвески), *туморча* (амулетик)⁴.

¹ Махкамова С. Узбекские абровые ткани. Ташкент, 1962. С. 15.

² Рахимов Р. Бухара – Петербург: шелковый путь для дома Романовых. // Грезы о Востоке. Русский авангард и шелка Бухары. СПб., 2006. С. 42.

³ Umesh Charan Patnaik, Aswini Kumar Mishra. *Handloom industry in action*. 1997. pp38. G. K. Ghosh, Shukla Ghosh. *Ikat textiles of India*. 2000.

⁴ Махкамова С. Узбекские абровые ткани. Ташкент, 1962. С. 20.

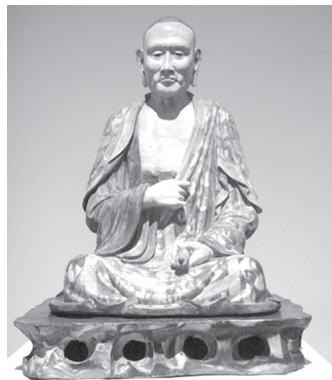
Не всегда подлинное значение мотива было связано с его названием – исконный смысл забывался и мастера придумывали новые наименования, по ассоциации с похожими предметами. В некоторых орнаментах можно разглядеть даже женские фигуры, – очевидно, древний образ богини плодородия. Считалось, что узоры предохраняли от сглаза, несли в себе заряд плодоносного начала.

Очередной пик изобразительности в *абровых* тканях пришелся на XX в., когда они насыщаются советской символикой. Это серп и молот, Кремль, спутник, надписи типа «СССР»¹. Новейшее время в истории Узбекистана связано с возрождением классического *абрового* декора, а также появлением новых символов, в основном связанных с культурой ислама («рука Фатимы» и проч.).

КЕРАМИКА АБРИ

Характерная красочная вибрация, обусловленная технологией крашения, была популярна не только в тканях, но и в керамике и бумажном производстве. В каждом случае наличествуют собственные методы ее создания, но понятие и эффект *абри/абр/абранг* до сих пор сохраняется. В этой связи закономерен еще один вопрос – какой вид искусства и ремесла – ткань, керамика или бумага – стал родоначальником вибрирующего «акварельного» дизайна?

Так, керамика с декором в виде потеков краски, который можно рассматривать как вариант «акварельного» стиля *абр/абранг*, известна с той же эпохи, что и ранний фрагмент ткани резервного крашения. Это китайская керамика *сань-цай* (букв. три цвета) эпохи Танг (618–907 гг.). В ее декоре использовались глазури зеленого, желтого и белого цветов, которые образовывали живописные разводы, напоминающие акварельные расплывы на ткани. Появление керамики *сань-цай* явно было инспирировано опытом китайских художников, работавших в стиле *гохуа* (традиционная китайская живопись, в которой использовалась тушь и водяные краски на шелке или бумаге).

Сложно сказать уверенно, что объединяло *абровые* ткани с керамикой *сань-цай*, как повлияла на них китайская акварельная живопись, но визуальное сходство и время бытования наводят все же на мысль, что все эти виды искусства были взаимосвязаны. Известна замечательная статуэтка *архата* (человека, вышедшего из «колеса перерождений») в стиле *сань-цай*, династии Ляо, ок. 1000 г.: *архат* облачен в одеяние, явно созданное из желто-зеленой ткани *икат*. Передача характерной тканевой расцветки вполне могла привести к появлению самого стиля *сань-цай* в керамике.

В Узбекистане керамика, выполненная в подражание стилю *сань-цай*, именуется, как и ткани, *абри* (облачная, или акварельная). В частности, это чачская керамика с декором в стиле *абри*, с бело-зеленым сочетанием цветов (IX в.).

В период ханств керамика *абри* (в отношении нее используется также термин *томчи* – капля) была известна в Бухарском Эмирате – в центрах Ургут, Шахрисабз, Китаб, Денау. Ее декор представляет собой расплывшиеся глазури, которые живописно смешиваются, как бы перетекая друг в друга, на поверхности сосуда либо блюда (охристо-зеленые сочетания, так называемая «яичница с луком», или «яичница со шпинатом», подражающая расцветке *сань-цай*).

¹ Махкамova С. Узбекские абровые ткани. Ташкент, 1962. С. 25.

Общее название декора тканей и керамики – *абри* – позволяет предполагать, что вибрации красок на посуде были инспирированы узорами тканей. Одновременно в случае и с тканями, и с керамикой наблюдаются параллели между среднеазиатскими изделиями и изделиями из Юго-Восточной и Восточной Азии, что вполне объяснимо контактами на трассах Великого Шелкового пути.

В истории керамики есть и другой, более поздний, но яркий пример, когда *абровые* ткани стали уже явным прототипом для посудного декора. Это изделия «Товарищества М. С. Кузнецова», одного из крупнейших фарфорово-фаянсовых производств Российской империи. Товарищество было основано в 1889 г. российским промышленником и предпринимателем Матвеем Сидоровичем Кузнецовым и просуществовало до 1917 г. Кузнецовская продукция испытывала серьезную конкуренцию с европейской, отличавшейся более высоким качеством. Выход Кузнецова на иранские и центральноазиатские рынки был отличным ходом, который привел к увеличению продаж так называемого «восточного товара». Посуда, создаваемая для вывоза в Туркестанское генерал-губернаторство, – результат продуманного маркетингового решения. Это были пиалы и ляганы, украшенные узорами *абровых* тканей¹. Интересно, что, создавая дизайн для посуды, ориентированной на Среднюю Азию, художники Товарищества в качестве образцов взяли не керамические узоры местных гончаров, а именно текстильные. Очевидно, это связано с тем, что *абровые* ткани, бывшие популярнейшим предметом экспорта, были более доступны для разработчиков эскизов. Яркие и красочные, кузнецовские пиалы и ляганы быстро завоевали «своего» покупателя. После национализации «Товарищества М. С. Кузнецова» выпуск «*абровой*» посуды был прекращен и вскоре она становится предметом коллекционирования.

В наши дни традицию керамики в стиле *абри* подхватила замечательный ташкентский мастер-керамист Римма Газалиева, создающая изумительные по цветовым решениям стилизованные *абровые* узоры на различной по форме посуде.

В целом можно говорить о двух типах керамики с *абровым* декором – это традиционная керамика *абри*, с «акварельными» потеками глазури, а также российская керамика конца XIX – нач. XX века, напрямую копирующая рисунок *абровых* тканей.

БУМАГА АБРИ

С конца IX века в Японии становится популярна технология изготовления мраморированной (мраморной) бумаги *suminagashi* (дословно «плавающие чернильницы»). Вскоре техника ее производства распространилась по международным торговым трассам. В Средней Азии она известна как минимум с конца XV в. (эпоха Темуридов) как *кагази абри*. Для производства такой бумаги готовился специальный загущенный раствор, обычно из траганта (сок коры астрагала), на поверхность которого методом розбрызга наносились измельченные в порошок краски. Затем на красочном слое создавался будущий узор. Для этого, в зависимости от желаемого результата, по нему проводили тонкой палочкой, специальным металлическим «гребешком» либо пучком волос из конского

¹ Щуренко И. Г., Насонова И. С., Насонов С. М. Русский фаянс и фарфор Империя Кузнецовых и Конаково. – М., 2010. – 510 с.

хвоста. Получались живописные красочные разводы, на которые осторожно, на 5–10 секунд, накладывался лист кустарной бумаги. В заключении «переводная картинка» сушилась и шлифовалась¹. Ни один лист бумаги, даже при всем желании мастера, не повторял другой по декору и расцветке. Эта бумага также включается нами в круг изделий с *абровым/икатовым* дизайном.

Бухара и Самарканд были крупными центрами по производству *абровой* бумаги. Она использовалась для отделки внутренних сторон крышек переплетов, центрального шита декоративных листов *кит'а*, полей страниц, но нередко – и целиком для страниц роскошных рукописей^{2,3}.

В Османской Турции создание мраморной бумаги, как и предварительное «рисование» на жидкой поверхности – *эбру* – обретает особую любовь и становится не просто техникой, но духовной практикой⁴. Вероятно, слово *эбру* – производное от *абр* (облако) или *абранг* (акварель). Высказывалось также мнение, что *эбру* происходит от *об* (фарс. «вода») и *ру* («на»), соответственно, «водная поверхность»⁵; в любом случае, эта трактовка близка понятию *а/обранг* (акварель). Некоторые исследователи считают, что «это искусство произошло от шаманов, чьи ритуалы похожи на процесс создания рисунков на поверхности воды. Об этом же говорит мраморный рисунок, переведенный на кусок кожи, возрастом около 2500 лет, найденный в районе Алтая. Возможно, эта техника получила развитие в близлежащих районах Китая, откуда лишь через десяток веков узнали о способе изготовления бумаги, а вместе с ним и о мраморировании»⁶.

Узоры *абровой* бумаги напоминают узоры *абрового* шелка. Здесь можно разглядеть геометрические, растительные и эпиграфические мотивы, но основной акцент делался на абстрактные композиции, поражающие богатством линий и переливом тонов. При всем различии технологии производства их объединяет единство художественных решения и подходов. Очевидно, что способ производства мраморированной бумаги появился в непосредственной связи с технологией резервного крашения тканей (*абровых, икатовых*) и декором керамики *сань-цай/абри*.

Так где же вибрирующий стиль появился впервые – на тканях, керамике *сань-цай* или мраморной бумаге *suminagashi/абри*? Возможно, именно ткань была прообразом для появления мраморированной бумаги и керамики *сань-цай/абри*, так как окрашивание ткани методом резерва, как было упомянуто выше, считается одним из древнейших способов колорирования тканей. Возможно также, что все перечисленные виды развивались в состоянии взаимодействий либо, наоборот, появились самостоятельно. В любом случае несомненно, что несмотря на различные технологические приемы изготовления, все «*абровые*» виды изделий объединяет несомненное визуальное сходство.

КОВРЫ В СТИЛЕ АБРИ

С уверенностью можно лишь утверждать, что *абровый* рисунок появляется в коврах Бухарского Эмирата как результат подражания *абровым* тканям. Это художественное «заимствование» происходит в конце XIX – начале XX века. Туркменки, жившие в районе среднего течения Амударьи, бывшем частью Эмирата,

¹ Казиев А. Ю. Художественно-технические материалы средневековой рукописи. Баку, 1966. С. 70.

² Там же. С. 67, 122.

³ Казиев А. Ю. Художественное оформление азербайджанской рукописной книги XIII–XVII вв. М., 1977. С. 317.

⁴ Мамий С. Islam Today <http://islam-today.ru/article/7841>. 01.08.2017

⁵ Richard J. Wolfe. Marbled Paper: Its History, Techniques, and Patterns : with Special Reference to the Relationship of Marbling to Bookbinding in Europe and the Western World. University of Pennsylvania Press, 1990. 245 pp.

⁶ Кириллова Т. Студия «Эбру-арт». Москва. ebru-art.ru 1. 08. 2017.

производили ковры на продажу, вывозя их на базары столичной Бухары. В целях лучшего сбыта мастерицы старались подстраивать дизайн своих изделий под «городские» вкусы. Именно так и появились ковры с имитацией *абрового* декора. Конечно, изготавливались такие изделия в характерной для них технике узелкового (ворсового) вязания, в которой не так уж просто было передать эффект смешения соседних цветов. Как результат, масштаб рисунка укрупнялся, а основной акцент делался на изображение своеобразной «бахромы», типичной и для рисунка тканей, которая обрамляет ковровые мотивы¹.

«Абровые» узоры известны под названием *гаймак*, *акгаймак* *гель* (букв. сливки, белые сливки, в переносном смысле – лучший, прекрасный²). Это название подчеркивало особое отношение туркмен к роскошным *абровым* шелкам Бухары, которые были своего рода эталоном для подражания.

Уже в наши дни завоевавшие мировую славу узбекские *абровые* ткани вновь вдохновляют производителей ковров, сначала индийских и турецких, а затем и наших, узбекистанских (Маргилан, Самарканд). Современные

абровые ковры ткются в основном из шелка, и потому их декор в большей степени близок тканевому – этому способствует более высокая плотность плетения.

ОТ «МОЛИТВЫ МАСТЕРА» ДО ДЖАЗОВОЙ ИМПРОВИЗАЦИИ

Наш экскурс дает возможность заметить, что *абровый*/облачный/мраморный/акварельный/*икатовый* рисунок имеет давние корни в культуре многих народов. Некоторые авторы даже связывают истоки его возникновения с культурой номадов евразийских степей: «скифские» изделия из кожи, с переведенным на ней «мраморным» рисунком, были найдены еще В. В. Радловым в Южной Сибири³.

Мы не ставим перед собой задачу ответить на вопрос, где именно появилась технология, получившая со временем наименование *абрбанди* и собственно *абр* как определенный мотив. Можно лишь утверждать, что «облачно-акварельные» узоры успешно адаптировались в искусстве многих ремесленных центров и в разных видах ремесла. Юго-Восточная Азия и Ближний Восток были важными регионами распространения *икатового*/*абрового* стиля. Но и для Средней Азии *абр* становится неотъемлемой и весьма важной частью «своей» культуры.

Расцвет *абрового* стиля приходится на мусульманское средневековье. Не случайно турецкие мастера сравнивают искусство *абри*/*эбру* с «отпечатанной на бумаге «молитвой» мастера⁴. И хотя современный век привнес в это искусство изобразительные мотивы и даже целые сюжеты (как на тканях, так и на

¹ Мошкова В. Г. Ковры народов Средней Азии. Ташкент, 1970. XCII, 1, 2, 3; XCVII, 7, 8.

² Там же. С. 244.

³ Кириллова Т. Студия «Эбру-арт». Москва. ebru-art.ru 1.08.2017 http://islam-today.ru/islam_v_mire/turcia/lyuboj_ebrumaster_v_turcii_skazhet_chno_risunok_na_vode_sozdayotsya_tvorczm/

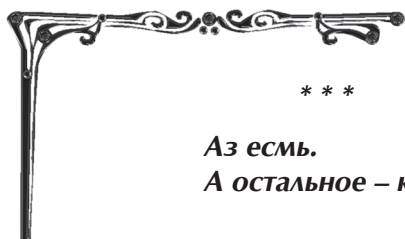
⁴ Кириллова Т. Студия «Эбру-арт». Москва. ebru-art.ru 1.08.2017.

мраморированной бумаге), «пламенеющая» стилистика позволяет сохранять его самобытность.

На примере узбекских *абровых* тканей мы сталкиваемся с широким кругом явлений в искусстве Востока, позволяющих апеллировать к *икатам* Йемена и Синцзяна, керамике *сань-цай* и живописи *гохуа* (Китай), мраморированной бумаге *суминагаши* (Япония) и *эбру* (Турция)... Всех их, прямо или опосредованно, связывало единство стиля и живописного языка, позволяющее говорить о явных культурных и художественных взаимодействиях.

Абровый стиль просуществовал весьма долго, доказывая свою востребованность в любой культурной ситуации. Его абстрагированные узоры, привлекающие своей загадочностью, вызывают к бесконечному рассматриванию, распознаванию и фантазированию... Они созвучны мелодии макама, полной свободной импровизации, вибрирующих тонов и полутонов. Для европейцев же, у которых *икат* безумно популярен, его расцветка – это настоящий джаз, с чередованием узоров-нот различной длительности звучания, сильных и слабых долей. Этот контраст придает рисунку осязаемую пульсацию, синкопичность, особую ритмическую организованность. Поражают также удивительные, энергетически насыщенные сочетания цветов, словно сменяющие друг друга в бесконечном калейдоскопе. Все эти особенные черты стали причиной того, что *икат* с восторгом был принят и в странах Запада.

В Узбекистане производство *абровой* бумаги практически исчезло одновременно с изготовлением рукописных книг, но *абровые* ткани, керамика *абри* и – с недавнего времени – ковры *абрового* стиля и даже ювелирные изделия с *абровыми* узорами по холодной эмали – по-прежнему востребованы. Пережив сложный для кустарных ремесел период XX века, «акварельный» *абровый* стиль вновь царит на наших рынках, удивляя каждый раз новыми узорами и расцветками, одновременно традиционными и авангардными.

* * *

**Аз есмь.
А остальное – как бы...**

* * *

**да ты какой-то инквизитор нотердамский...
сам виноват. Ну так вот получилось.**

* * *

**да знаю я, что прима балерина,
но что-то в ней не то. Ах, без пуантов...**

НОВЫЕ ИМЕНА

МАХЛИЁ*Рассказ*

В кабинет редакции, поздоровавшись, вошла чья-то молоденькая невестка. Ей было чуть больше восемнадцати, к тому же беременна. Нижние пуговицы зелёного пальто расстёгнуты. Лицо белое, миловидное.

– Проходите, – сказал я.

Она тяжело опустилась в кресло напротив. В глазах – глубокая печаль. Было ясно, что в редакцию газеты её привела какая-то забота или боль, которая оказалась непосильной для неё одной.

– Вы можете уделить мне немного времени? – спросила она смущённо.

– Конечно! – невольно поторопился ответить я. Мне показалось, что, если промедлю с ответом, эта боль в глазах девушки поглотит меня вместе с ней.

– Как вас зовут?

– Махлиё.

– Что с вами стряслось? Вы работаете или учитесь?

Конечно же, ещё прежде чем задать этот вопрос, я понимал, что ровесницы этой молоденькой женщины ещё учатся в колледже. Может, она просто рано вышла замуж и продолжает учиться? У нас бывают такие случаи.

– Если бы я училась, не оказалась бы в таком положении, – с отчаянием в голосе ответила она и, пытаясь незаметно для меня смахнуть набежавшие слёзы, подняла на меня глаза, затем, робко улыбнувшись, добавила: – В школе я хорошо училась. Даже стихи писала.

Тихая, застенчивая улыбка осветила её лицо, уничтожив всякие преграды между нами. Установилось полное взаимопонимание. Теперь она смотрела спокойнее и увереннее.

– Я подписывала стихи своим именем – Махлиё. Вы не помните?

– Что-то не припомню.

Мне было очень жаль.

– Всё это было в моей жизни всего год назад. Теперь – нет! Ничего нет! Как в воду кануло! – девушка тяжело вздохнула. – Я пришла к вам рассказать... открыть душу... Я вас знаю. Мы с подружкой приносили вам стихи,

**Абдужалол
РАХИМОВ**

Родился в 1953 г. в Ташкентской области. Окончил журфак ТашГУ (ныне НУУЗ). Публиковался в журналах «Шарк Юлдузи», «Ёшлик», автор книг «Ломакон», «Мугат фолбик», «Йулда кетаётган», «Одам». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

когда ещё в школе учились. Одно моё стихотворение вы даже напечатали.

Я силился вспомнить. Нет, не смог, не вспомил. В редакцию часто приходит молодежь: учащиеся школ, колледжей, студенты. Трудно кого-то запомнить. Махлиё! Это значит – очарованная. Красивое имя.

– После окончания школы родители не позволили мне учиться дальше. Не прошло и года, как меня выдали замуж, – после непродолжительной паузы продолжила: – Парню было двадцать семь лет. Мы виделись всего один раз – и уже свадьба! Представляете, я не имела ни малейшего представления о человеке, с которым предстояло прожить всю жизнь. Какой будет моя жизнь, моя судьба? Просто игра случая?! Меня будто бросили в огонь, связав по рукам и ногам... Месяца два мы жили хорошо. Я даже стала привыкать к нему, думала: это любовь. Он работал в городе охранником в какой-то фирме, носил военную форму. Иногда не бывал дома по три-четыре дня. Я скучала, ждала его.

Махлиё тяжело вздохнула и как-то сразу вдруг горько расплакалась, качая из стороны в сторону головой... Потом так же внезапно утихла, посидела немного, закрыв лицо ладонями, и опять посмотрела на меня.

– В доме, куда я попала, всё было не так, по-другому. Свекровь строгая. Я даже продукты не смела брать без её дозволения. Хлеб пекли из чёрной муки, дешевле же... Что бы я ни делала, никому не нравилось. Во всём искали недостатки. Я покорно, послушно все сносила. Думала, у всех так бывает... Что я видела? С чем могла сравнить? Меня не все устраивало, но я не могла понять, чего мне хочется... Я неважно себя чувствовала, от запаха калёного масла тошнило. Когда пожаловалась свекрови, в ответ услышала резкое: «Что же ты так сразу забеременела? Могла бы и подождать, хоть немного поисполнять обязанности невестки».

Слова её были холодны и тяжелы как камень. Зайдя домой, я заплакала от обиды.

Вскоре свекровь перестала отпускать меня к родным. Муж теперь приезжал всё реже – раз в десять-пятнадцать дней. И его отношение ко мне изменилось. Слова нельзя было сказать. Пугало поведение младшего брата мужа. В любое время дня и ночи он мог войти ко мне в комнату. Долговязый, ростом чуть ли не до потолка, всё время ухмыляется, слова путного не скажет, нигде не работает, ни читать не умеет, ни писать. Вроде и не дурачок, но и нормальным не назовёшь. Сказав об этом мужу, в ответ услышала: «Отстань от него, он у нас такой, инвалид, псих».

В скором времени муж увёз меня в город. Мы стали жить на съёмной квартире. Как-то он ушёл на работу и пропал на месяц. Я осталась одна в совершенно незнакомом мне городе: холодно, а порой и есть было нечего. Куда податься, как жить?.. Если уйду – боюсь, рассердится. А уже пятый месяц беременности. Однажды ночью мне стало плохо. Хозяева квартиры отвезли меня в больницу...

Я был потрясён рассказом Махлиё. Как такое возможно?! Ведь сколько людей живут надеждой, что Бог одарит их счастьем отцовства и материнства! Сколько историй я слышал от людей, лишённых этой надежды! Сочувствовал их горю... В двадцать семь лет юноша становится мужчиной. Понимает, что значит потомство, осознаёт ответственность отцовства. Стремится к нему в силу какого-то природного чувства – инстинкта, необоримого и необъяснимого.

– Неужели муж ни разу не проведал вас? А телефон? В каком веке мы живём?

– Мне не позволяли пользоваться телефоном. А свой номер муж никому не давал.

– Как же вы жили целый месяц?

– В неделю раз приезжали мать и младший брат, они оставляли немного денег и продукты. Я сказала им, что муж в командировке.

– Значит, вы даже... выгораживали его?

– Конечно, в таком состоянии я защищала мужа. Да, я привязалась к нему, верила ему! Чтобы понять это, надо быть женщиной... Он пришёл, когда я была в больнице. Пьяный. Признался, что у него уже есть жена, которая старше его на четыре года и четырёхгодовалый сын... Резко сказал: «Делай аборт, ребёнок мне не нужен, всё равно жить с тобой не буду. Женился на тебе просто потому, что поспорил с друзьями...»

– Поспорил? – с недоумением спросил я.

– Видите, и такое бывает!

Уголки её губ страдальчески опустились, из глаз полились слёзы. Она прижала платочек к лицу, словно хотела навеки осушить глаза и никогда больше не плакать. Плечи её вздрагивали. Казалось, из глубины души рвется вместе с судорожной дрожью крик. Неужели, думал я, у кого-то есть право так унижать человека? Где же у людей тогда совесть, честь, достоинство? Где же человечность? Откуда берутся такие изверги? Как их только земля носит?!

Я молчал. Махлиё горько плакала. Горько и безудержно. Еще совсем подросток, не познав до конца радостей юности, она стояла на пороге материнства. Я понял, какие бури бушевали в сердце девушки. Всё смешалось в её жизни: шепотка любви, если можно назвать любовью то, что она испытывала к мужу, радость ожидания материнства, одиночество, безысходность, унижение.

– Таковы были его последние слова. И потом он ушёл, – слышался слабый, дрожащий голос Махлиё. – Небо обрушилось на меня и придавило. В глазах потемнело. Я упала без сознания прямо в коридоре больницы. Когда пришла в себя, во рту пересохло, в животе ощущалась резкая боль, ребёнок беспокойно ворочался. Я попросила воды и чужим – хриплым – голосом умоляла спасти моего ребёнка. Меня охватила паника. Что со мной произошло? Кем была и в кого я превратилась? Неужели жизнь так жестока и беспощадна? В душе все заледенело, вдруг я осознала, какая роковая страшная сила хотела поглотить моего ребёнка, мою кровиночку. Внутренний голос твердил: «Нет, сохрани, не отдавай! Не отдавай дитё!» Я не могла унять панику. Врач, пожилая женщина, попыталась успокоить меня: «Доченька, возьми себя в руки. Каждый день здесь проходит множество людей. Некоторые из них совсем потеряли человеческий облик. Ты подаришь миру настоящего человека. Первого ребёнка надо сохранить. Пока ему ничего не угрожает. А дальше ты сама решишь свою судьбу. Даст Бог, ты родишь ребёнка, и он укажет тебе путь».

В жизни я не слышала таких мудрых слов: «Ребёнок сам укажет тебе путь». На душе стало покойно и светло, я заснула.

– Он не вернулся?

– Нет. Приехали отец с матерью. Я им обо всём рассказала. Дом, в который

меня взяли невесткой, был богатым. Мои родители – простые дехкане. Они давно обо всём догадывались, но не решались забрать меня домой.

– А из дома мужа так никто и не пришёл?

– Нет. Они знали, что у сына есть жена и ребенок. Через какое-то время отправили мое приданое обратно.

– Но для чего они...

Махлиё не дала мне договорить.

– Не знаю. Не могу понять, зачем им понадобилось моё несчастье.

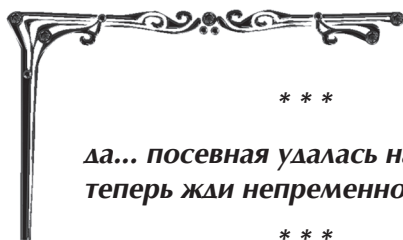
– И что вы теперь будете делать?

– Я работаю. Вернее, работала санитаркой в больнице. Сегодня вышла в декрет. Родится мой ребёночек – пойду учиться, стану медсестрой. Вы, пожалуйста, напишите обо всём этом, расскажите мою историю, чтобы других девушек не постигла такая же участь!

Я увидел решимость на прекрасном лице Махлиё, почувствовал уверенность в её голосе.

Как чудесно преобразила беременность эту молодую женщину! Как украсило ее ожидание чуда материнства! Скоро она станет мамой. Ребёнок заведет её душой. Заставит жить, укажет путь. Махлиё знает это.

Перевод с узбекского Ойдин ЖАРКИНБАЕВОЙ.

* * *

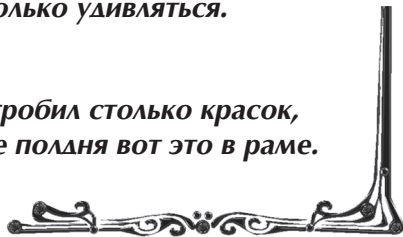
**да... посевная удалась на славу.
теперь жди непременно катаклизмов.**

* * *

**как хороши, как свежи были позы...
но ведь не век же только удивляться.**

* * *

**ну и зачем же ты угробил столько красок,
раз объясняешь мне полдня вот это в раме.**

Ойдин ЖАРКИНБАЕВА

Родилась в 1969 г. в Ташкентской области. Окончила факультет русского языка и литературы ФерГПИ. Увлекается переводом.

философия искусства

«КАЗУС ВАГНЕР»

(об увертюре в творческом и литературном наследии композитора)

«Казус Вагнер»... Под таким названием в 1888 году было опубликовано Туринское письмо Ф. Нишше. Немецкий философ, в течение многих лет высоко ценивший, как известно, сочинения Вагнера и посвятивший ему ряд панегирических работ, вдруг дал совершенно иную оценку творчества композитора: «Вагнер – великая порча для музыки»¹.

Это весьма показательно: парадоксы и противоречия долгие годы сопровождают наследие Вагнера, характеризую весь спектр суждений о нем. Возможно, это связано с тем, что сам Вагнер был фигурой неоднозначной. Не раз он выдвигал кардинально противоположные суждения относительно вопросов революции, религии и многих аспектов искусства.

Особенно отчетливо проявилась противоречивость натуры композитора в жанре увертюры. С одной стороны, Вагнер является автором ряда гениальных увертюр и теоретических работ, посвященных проблемам данного жанра, с другой – именно Вагнер стал композитором, отказавшимся в своих поздних операх от увертюры. Начиная с 1840-х годов (с оперы «Лоэнгрин») в начале вагнеровского спектакля уже звучит лишь небольшое вступление – Vorspiel. Казалось бы, с увертюрой как с жанром покончено, однако в 1855 году вышла в свет вторая редакция концертной увертюры Вагнера «Фауст». Более того, в 1867 году композитором была завершена работа над оперой «Нюрнбергские Мейстерзингеры», где он вновь обращается к увертюре.

Вопрос, чем же объясняется подобное непостоянство Вагнера, а также большая художественная ценность его увертюр побудили нас предпринять небольшое исследование, посвященное увертюре в творческом и литературном наследии композитора.

Жанру увертюры Вагнером всегда придавалось особое значение, свидетельства чему мы находим в его богатом шестнадцатитомном литературном наследии.

Римма РАДМАН

Родилась в 1990 г.
в Ташкенте.

Преподаватель
кафедры
«Теория музыки»
Государственной
консерватории
Узбекистана. Автор
ряда научных
статей, участник
республиканских
и международных
научно-
практических
конференций.

¹ Нишше Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1996, с. 535.

Наиболее целостно свой взгляд на жанр увертюры Вагнер изложил в статье «Об увертюре». Ценные сведения об этом содержатся также в статьях «Увертюра Глюка к “Ифигении в Авлиде”», в книге «Моя жизнь» и эпизодически в других работах Вагнера.

Одна из отличительных черт вагнеровского творчества – историзм мышления – свойственна и его работам об увертюре. Особое значение придается истории происхождения и развития жанра. Говоря об истоках жанра, Вагнер соотносит их с прологами театральных пьес. Подобная точка зрения свойственна многим музыковедам. В знаменитой работе «Театр и симфония» В. Конен подчеркивается, что увертюра «выросла непосредственно из недр музыкального театра»¹. Об этом пишет и авторитетный исследователь жанра увертюры Ю. Бочаров, затрагивая также вопрос появления самого термина «увертюра»: «<...> именно в оркестровых вступлениях к музыкально-сценическим произведениям (курсив – Р. Р.) этого рода был впервые использован термин “ouverture”»².

В своих работах об увертюре Вагнер, прослеживая историю развития жанра, дает характеристику наиболее выдающихся сочинений. Его статьи и заметки пестрят весьма любопытными и яркими наблюдениями относительно увертюр Х. Глюка, В. Моцарта, Л. Бетховена, К. Вебера, Дж. Россини и других композиторов. Лучшими образцами увертюры Вагнер называет сочинения Х. Глюка и В. Моцарта: «Творцами этой совершенной формы увертюры стали Глюк и Моцарт», – пишет он.³ Высоко оценивает Вагнер и «Леонору» Л. Бетховена: «Это творение – уже не увертюра, оно само – мощная величественная драма».⁴

Говоря об увертюрах, Вагнер отмечает и неудачные образцы, обозначая их словом «rot-pourri». К таковым он относит, например, увертюру к «Вильгельму Теллю» Дж. Россини и увертюру Л. Герольда к «Цампе», о которых он пишет: «обе они весьма развлекают публику <...> но подлинно художественной идеи здесь уже не найти».⁵ Интересно, что о той же увертюре Россини весьма благосклонно отзывался другой выдающийся композитор, современник Вагнера Г. Берлиоз в своей статье «“Вильгельм Телль” Россини». Да и сам Вагнер позже, пребывая в Париже, открыто признавал многие достоинства как увертюры, так и всей оперы «Вильгельм Телль».

В трудах, посвященных увертюре, Вагнер старается раскрыть специфику данного жанра. Главную задачу увертюры он видит в том, чтобы «специфическими средствами, которыми располагает самостоятельная музыка, воспроизвести характерную идею драмы и привести ее к такому завершению, которое предвосхищало бы разрешение задачи сценической игры» («Об увертюре»)⁶. Однако уже на следующей странице Вагнер отмечал: «может ли собственно развитие драмы или могут ли перипетии судеб главных действующих лиц непосредственно повлиять на концепцию увертюры и прежде всего на своеобразие ее финала. Ясно, что такое влияние мы хотели бы допустить лишь условно».⁷

¹ Конен В. Театр и симфония. – М.: Музыка, 1975.

² Бочаров Ю. Французская увертюра в музыке эпохи барокко: Исследование. – М.: Прест, 1998, с. 10.

³ Вагнер Р. Статьи и материалы. – М., 1974, с. 6.

⁴ Там же, с. 8.

⁵ Там же, с. 9.

⁶ Там же, с. 13.

⁷ Там же, с. 14.

Проблема финала, а также целостности всей увертюры волновала Вагнера в течение многих лет. С одной стороны, он превозносил увертюры к операм «Дон Жуан» В. Моцарта и «Ифигения в Авлиде» Х. Глюка, в которых звучала лишь подготовка к действию, но не само действие. С другой же стороны, своим творчеством Вагнер утверждал обратное: несоответствие увертюры содержанию. Так, его увертюра к опере «Риенци», которая создавалась в тот же период, что и статья «Об увертюре», имеет грандиозный ликующий конец, не соответствующий последующей трагической развязке драмы. Становится очевидным некоторое несоответствие теоретических воззрений Вагнера и его творческой практики.

В работах об увертюре Вагнер разрабатывает и темы, важные и проходящие через все его творчество. Одна из них – дилетантизм в искусстве. Он говорит о нем в связи с уже упоминавшимися увертюрами Дж. Россини, Л. Герольда. В статье об увертюре к «Ифигении в Авлиде» Глюка Вагнер анализирует искажение темпа во время исполнения, воспринимающееся современниками как единственно правильное, традиционное. Р. Вагнер резко критикует такие, ставшие уже историческими, ошибки, считая их недопустимыми для профессионального музыканта. Музыку как вид искусства композитор рассматривает отнюдь не гедонистически и всячески борется с таковым ее пониманием.

Вагнер дает в своих работах развернутую и очень глубокую характеристику увертюры, ее основных целей, задач, характеризует исторический путь ее развития. Эти работы обладают и художественной ценностью: ясностью мысли, своеобразным и ярким стилем, меткими характеристиками и метафорами. Позже прекрасное знание специфики жанра привело Р. Вагнера к одному из ключевых пунктов его оперной реформы – замене развернутой увертюры в опере вступлением (Vorspiel). Основы этой практической музыкальной концепции вызревали именно в литературных, носящих теоретический характер, трудах Р. Вагнера.

Чрезвычайно велик был и композиторский интерес Вагнера к увертюре, большая часть законченных симфонических произведений написана им именно в этом жанре. Это увертюра B-dur (1830), концертная увертюра C-dur (1832), увертюра к пьесе Апеля «Колумб» (1835), увертюры «Польша» (1836), «Правь, Британия» (1837), «Фауст» (1840, вторая редакция – 1855). Кроме того, многие оперные увертюры Вагнера существуют в авторской концертной версии, которой он предпосылал специально написанные новеллы, раскрывающие содержание музыкального произведения. Эти новеллы – ценные литературные источники о вагнеровских увертюрах.

Наиболее известные оперные увертюры Вагнера – это увертюры к «Тангейзеру» и «Нюрнбергским мейстерзингерам», концертная увертюра «Фауст».

Увертюра к опере «Тангейзер» (1845) – сейчас признанная всеми классика, однако она воспринималась именно так не всегда. В 1865 году известный итальянский композитор Дж. Верди писал относительно этого сочинения: «Слышал... увертюру к «Тангейзеру» Вагнера. Он безумен!!!»¹. Конечно, впоследствии Верди изменил свое отношение к данному произведению, поняв всю глубину его новаторства для того времени: отношение к форме, обилие

¹ Верди Дж. Избранные письма. – М., 1959, с. 215.

романтических гармоний, так называемые гармонические «перекраски» одних и тех же звуков, а также обобщенная программность симфонизма. Особенно интересна структура увертюры, представляющая собой трехчастную (вместо традиционной сонатной) форму с динамизированной репризой. Центральную часть этой формы занимает сонатное *allegro* с эпизодом в разработке и зеркальной репризой.

Подобная структура обеспечивает возможность показа большого количества образов в обобщенном виде, а также показа их развития и динамизации в рамках увертюры (т. е. еще до начала сценического действия). Прежде всего в увертюре сопоставляются контрастные сферы божественного и греховного. Их носителями являются тема хора пилигримов в крайних частях, а также страстный образ Венеры и ее грота в средней части. Как известно, подобный обобщенный тип программности более всего ценился Вагнером в сочинениях других композиторов. Именно его он избрал для многих своих увертюр, в том числе и для увертюры к «Тангейзеру».

Лучшей концертной увертюрой Вагнера, без сомнения, является «**Фауст**», созданный в 1840 году. Окончательная редакция сочинения относится к 1855 году. «Фауст», как и многие другие увертюры Вагнера, представляет собой образец произведения, написанного в сонатной форме. Программность здесь скорее обобщенного плана (как и в рассматриваемом «Тангейзере»), однако некоторую конкретизацию ей придает эпитафия – цитата из гётевского «Фауста». Выбранная тематика трактована Вагнером в драматическом смысле. Основу увертюры составляют контрастные, но интонационно близкие темы. Драматургия сочинения построена на постепенном нарастании напряжения с кульминацией в репризе, где по авторской пометке «wild» вступает весь оркестр *tutti*. Конец увертюры, как и начало, представлен в медленном темпе.

Этим сочинением Вагнера, незаслуженно отошедшим сейчас на второй план и практически не включаемым в концертные репертуары, восхищались многие современные Вагнеру композиторы и критики. Музыковед Г. Крауклис, анализируя увертюру, дал ей очень высокую оценку, называя «превосходной» и отмечая далее, что «в исторической перспективе она должна стоять между “Кориоланом” Бетховена и “Манфредом” Шумана».¹ То есть исследователь ставит вагнеровского «Фауста» в один ряд с наиболее значительными концертными увертюрами начала и середины XIX столетия.

В 1867 году Вагнером была закончена опера «**Нюрнбергские мастерзингеры**». Относительно создания увертюры к ней композитор писал: «Однажды в минуту тоски оно (вступление к опере – Р. Р.) встало предо мною как далекое воздушное видение. Я сейчас же записал его в том самом виде, в каком оно и сейчас находится в партитуре, где с величайшей определенностью проведены все главные мотивы драмы».²

Увертюра из оперы «Нюрнбергские мастерзингеры» – одно из наиболее масштабных и совершенных творений Вагнера в этом жанре. В развернутой сонатной форме здесь показан основной конфликт будущей оперы, а также ее идейный замысел. Основные образы увертюры – темы мастерзингеров и

¹ Крауклис Г. Оперные увертюры Вагнера. – М., 1964, с. 30.

² Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники. Обращение к друзьям. В 4-х т. – М., 1911–1912, т. 3, с. 241.

Вальтера – показаны сначала последовательно, а в третьей части сочинения звучат одновременно. Это не случайно. Таким образом Вагнер показывает единство традиций и новых тенденций.

В увертюре к «Мейстерзингерам» нагляднее всего видна расплывчатость грани между жанрами увертюры и вступления в понимании Вагнера. Сам композитор назвал это сочинение вступлением (Vorspiel), в истории музыки же принято называть данное симфоническое произведение именно увертюрой. К примеру, Б. Левик относительно оперы «Нюрнбергские мейстерзингеры» отмечает: «обращение к традиционным оперным формам побудило Вагнера вернуться к большой увертюре (курсив – Р. Р.)».¹

Часто во время гастрольных поездок по Европе Вагнер дирижировал своими увертюрами. Именно они составляли основу программы многих концертов. В качестве наиболее показательных отметим концерты в Париже (1860 г.) и в России (1863 г.). В парижском зале «Вентадур» под управлением самого Вагнера были исполнены увертюры к операм «Летучий Голландец» и «Тангейзер», а также вступления к операм «Лоэнгрин» и «Тристан и Изольда». В России же среди прочих сочинений звучали увертюры к «Тангейзеру», «Летучему Голландцу», «Мейстерзингерам», вступления к «Лоэнгрину», «Тристану». В настоящее время концертные и оперные увертюры, а также вступления к операм Вагнера в качестве отдельных самостоятельных сочинений исполняются во всем мире.

Большое место данные произведения композитора занимают и в программах концертов в Узбекистане. Причем упоминания об исполнении, например, вступления к «Лоэнгрину» в Ташкенте относятся еще к концу XIX века.² В настоящее время музыка Вагнера постоянно звучит на концертных площадках столицы как в традиционном, так и в весьма оригинальном исполнении. Некоторые сочинения Вагнера, к примеру, исполняются оркестром народных инструментов, что, конечно, сказывается на общем колорите сочинения и придает ему некоторый восточный оттенок. Интересным в этом отношении было исполнение «Полета Валькирий» Р. Вагнера в ноябре 2015 года, представленное Государственным камерным оркестром народных инструментов «Согдиана».

Показателен концерт в Государственной консерватории Узбекистана, посвященный творчеству Вагнера, состоявшийся в ноябре 2013 года. Программу его составили преимущественно увертюры и вступления к операм Вагнера: увертюра к опере «Летучий Голландец», увертюра к опере «Риенци», вступление к опере «Тристан и Изольда», увертюра к опере «Тангейзер». Все это говорит о популярности произведений Вагнера в Узбекистане, особенно его увертюр.

Традиции вагнеровских увертюр можно проследить в сочинениях композиторов Узбекистана, написанных в том же жанре. К примеру, частичное влияние немецкого романтика прослеживается в концертных увертюрах известного композитора и корифея композиторской школы Узбекистана, Заслуженного деятеля искусств Республики Узбекистан, профессора М. Бафоева. Трактовка сонатной формы в его увертюре «Фейерверк» перекликается со структурой увертюры к опере «Тангейзер» Р. Вагнера. В обоих сочинениях

¹ Левик Б. Рихард Вагнер. Изд. 2-е. – М., 2011, с. 270.

² Пеккер Я. Узбекская опера. – М., 1984, с. 33.

применена сонатная форма с зеркальной репризой и эпизодом в разработке. Сонатную форму с эпизодом в разработке использовал также в своей увертюре «Посвящение Таиланду» выдающийся композитор, председатель Союза композиторов Узбекистана, Заслуженный деятель искусств Узбекистана Р. Абдуллаев. Принцип сопоставления медленного вступления с последующим движением в быстром темпе в данном сочинении перекликается с аналогичным построением начала концертной увертюры «Фауст» Р. Вагнера. Усиливает сходство применение принципа монотематизма (произрастания разных тем из одного интонационного зерна) в данных сочинениях.

Принцип единовременного контраста, так ярко показанный в репризе увертюры «Нюрнбергские мастерзингеры» Р. Вагнера, мы можем наблюдать и в разработке увертюры «Шодиёна» М. Бафоева. Если рассматривать эти сочинения в более широком смысле, то в них обнаруживается и некоторое единство замысла: показ органического синтеза традиционности с новыми тенденциями и веяниями. В «Нюрнбергских мастерзингерах» это Вальтер и мастерзингеры, у Бафоева же подобный принцип сочетания традиционного («почвенного») и современного является стабильной чертой стиля, которую он и сам не раз подчеркивал, говоря о многих своих произведениях.

Применение обобщенного типа программности в сочинениях – еще один фактор, который роднит практически все увертюры (как оперные, так и концертные) Р. Вагнера со многими сочинениями композиторов Узбекистана, написанными в данном жанре: увертюра к музыкальной драме «Тумарис» М. Бафоева, «Гульсара» Р. Глиэра, концертная увертюра «Тахир и Зухра» М. Штейнберга и др.

Таким образом, литературные труды Вагнера об увертюре – ценные источники по истории и теории жанра увертюры, раскрывающие и личные воззрения композитора на этот жанр. Многие теоретические аспекты, изложенные в работах, нашли отражение в художественной практике композитора. Однако наблюдаются некоторые противоречия между теорией и ее практическим воплощением.

Произведения Вагнера, написанные в жанре увертюры, представляют собой продуманные новаторские формы с яркими темами, богатой гармонией и инструментовкой.

Сочинения Вагнера исполняются повсеместно как в Узбекистане, так и за рубежом. Являясь классикой мировой музыки, они оказали воздействие на творчество композиторов во всем мире. Влияние творческого стиля Вагнера обнаруживается и в увертюрах наших соотечественников. Узбекскими композиторами XX–XXI столетий были творчески разработаны и переосмыслены некоторые особенности структуры и образного строя вагнеровских увертюр.

НОВЫЕ ИМЕНА

За все в ответе...

* * *

Поэты схожи так с ткачами.
 Вытягивая нити колебаний
 Ветров, деревьев, снов, эмоций, мыслей
 Из ткани бытия,
 Они словами,
 Как челноками, их переплетают.
 А после
 их стихи сияют, как заплаты,
 На ткани бытия...

Люди играют в игры

Люди
 Играют в игры –
 Как дети.

Взрослые люди
 В планшете
 Играют в игры –
 Как дети!

Играют взрослые люди в игру
 Под названием «Семья»:
 Ссоры, истерики,
 «Изменить? Или не изменить?»
 И «Ничего уже не изменить...»,
 «Лю...» – «Не лю...»,
 «Прощай навсегда!» – «Никогда не прощу!»
 Играют взрослые люди
 В игру для взрослых,
 Как дети.
 А за детей –
 Кто в ответе?

По всей планете взрослые люди
 Играют в одну игру, как дети:
 Стреляют, взрывают,
 Сбивают и убивают.
 Продают жизни за миф о господстве –
 От студента-наёмника до президента.
 А за это – кто в ответе?
 Взрослые дети?

Елена БУРОВА

Окончила Ташкентский государственный институт культуры им. А. Кадыри и школу-студию драматического искусства при Молодёжном театре Узбекистана. Работала в Молодёжном театре. Художественный руководитель проекта audiobook.uz.

* * *

Всё старое – обречено.
 Но память – хранитель эмоций.
 Попытка вычеркнуть из неё
 Одно, другое, что-то –
 Иллюзия.
 Невозможность.
 Круг замкнут.
 Смерть возвращает
 В очередь ожидания возвращения,
 И попытки возврата долгов,
 И шанса вернуть Себя.

Танцующие романтики

Танцующие романтики,
 Невесомые странные странники,
 Горсть идей в кармане несущие,
 Подарите одну, маленькую!

Танцующие романтики,
 Кудель жизни прядущие
 В серебристую тонкую нить,
 Чтобы выше взлететь, выше,
 Возьмите с собой, улетая!

Танцующие романтики,
 Ловцы жемчужных мгновений
 С ожерелия неизвестности,
 Вы богаче на целый миг!

Танцуйте дольше, романтики!

* * *

Человечество живо,
 Всё ещё живо
 Мудростью мудрых,
 Силою сильных,
 Любовью любящих.
 Без этих немногочисленных,
 Но которых не так уж и мало,
 Оно бы пропало,
 Сгинуло!
 В соседнем лесу тропическом
 Средь зелёных лиан
 Обезьян
 Чуть больше бы стало...

* * *

Человек берёт в руки лист
 И читает его в первый раз,
 Начинает сразу искать
 И рассказывать то, чего нет,

Да и не было никогда
 В том письме.
 А слова просты:
 Небо звёздное.
 Тело пыльное.
 Луг ромашковый,
 Васильковый.
 Тело – бречное.
 Небо – вечное.
 Танец звёзд –
 Бесконечно новый...

Человек, беря в руки лист
 И читая его в первый раз,
 Находить пытается то,
 Чего не было там.
 И нет.

* * *

Что может изменить мою природу?
 Погода?
 Время года?
 Года?
 Слова в мой адрес?
 Улыбаюсь:
 Похвала, клевета –
 Суета, суета...
 Что может изменить меня по сути?
 Вздутие живота?
 Имени и фамилии вздутие?
 Значимости полные карманы,
 Самообмана?
 Туманно...

Рашу Любовь –
 Природа её извечна...
 Вечна...
 Непреходящая,
 Всеприемлющая,
 Всепрощающая,
 Преобразующая туманное прошлое
 В светлое будущее.

* * *

И опять с Небес чистота
Опускается тихо на Землю.
И слетают пушинки с крыла
Серафима, который объемлет
Город, полный тревожных снов,
Рваных, серых, пустых иллюзий,
И стихов, где звенит Пустота,
Выступая с Музой в союзе.

СНЕЖНАЯ ЧИСТОТА

Шестикрылый серафим одним крылом накрыл целый город.
И в городе пошёл снег.
Улицы сразу опустели: люди попрятались по домам-квартирам-жилищам.

Что они делают? Чем заняты?
Обеды, развлечения, чтения...

Игры? В ссоры, в семьи, в чувства... Игры в творчество... Игры в изобразительное искусство: поп-арт, оп-арт, реди-мейд, суперплоскость, хэппенинг, энвайронмент – как всегда, слова завихрасты... Литераторы – литераторствуют, дизайнеры – дизайнерствуют, повара – поварят, доктора – докторят, учителя – учителят... Профессора – профессорят-сорят-сорят...

А может, просто дрема, сон... Спят? Пьют – и спят. Или просто спят...

А может быть, там зажигают свечи и размышляют?

Может быть... В этом городе всё может быть...

Интересно, сколько их, таких размышляющих при свечах: сто?... пятьдесят?... десять?... один?..

Тишина...

А крыло серафима ещё над городом, и снег идёт, идёт...

И чистота неизбежна...

Кто-то выйдет в неё – и уже не вернётся назад.

А кто-то останется там же, в своём доме-квартире-жилище, – и всё так же, привычно, будет ругать слякоть, промозглость, серость, желать лучшей жизни, возиться с той, что есть... Да мало ли? Когда совсем уже мало – и этого достаточно.

философия искусства

**Владимир
КАРАСЁВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

ШЕРСТЯНАЯ НИТЬ И ЛАБИРИНТЫ ЭПОХ

Эссе

Часть I

...Отдавая умеренную дань жизнерадостному и не-
унывающему Бахусу, мы вдвоём, я и один из плеяды
замечательных художников современной Центральной
Азии – Александр Тюрин, задушевно провозглашали
здравицы в честь третьей участницы нашего застолья, к
сожалению, невидимо пребывающей в данный момент –
капризной красавицы Живописи! Она нас вдохновляла,
как нам казалось, на произнесение высших категорий
Истины, которые не выдержит ни одно СМИ нашей
страны, поскольку понятие это всё ещё недоступно для
многих, а потому океан макулатуры у нас никогда не
иссякнет в отличие от интеллекта и нравственности. Ка-
залось, что Живопись, витая где-то в непостижимом для
всех нормальных людей пространстве, понимающе нам
кивает.

Мы говорили об итальянцах, с коими повезло сози-
дательно пообщаться Александру Тюрину в период его
творческой командировки на пространства потомков
Римской империи. Разумеется, возникла речь и о гре-
ках, у которых итальянцы стали беззастенчиво плагиа-
тировать идеи, вкусы и манеры исполнения произведений,
прикрываясь каким-то там придуманным термином
«Возрождение»! Сама же Живопись, как казалось, одо-
брительно улыбалась нам.

Но мы неосознанно гордились, что сегодня, именно
в этот миг, маленькая квартира семьи художника, одно-
временно являющаяся гостиной и мастерской, вмести-
ла в себя всю палитру проблем мировой живописи. Ах,
как хотелось, чтобы в мире торжествовала Живопись, а
не её изгоговая отрывка – китч, который всё больше и
больше поработает наши отечественные выставочные
пространства.

И вдруг за разговором, как внезапная вспышка, – яр-
кое, пронзительно обворожительное солнце, беззастен-
чиво ослепило мои глаза. Что это? Случайный взгляд,

упавший на стену зала или шутки проказника Бахуса? На стене, как чудо дивное, красовался гобелен с ярким, как бы трепещущим солнцем в центре. А может быть, это было вовсе не солнце, а та самая золотая чаша, которая чудесным образом упала для скифов с неба вместе с плугом, ярмом и секирой? Младший сын Таргитая Колаксаис стал основателем племени паралатов, которое вместе с племенами двух братьев – авхатоми, катиарами и траспирами – стали называться *сколотами*, т. е. царскими, но известными нам под именем *скифы*!¹

Солнечная чаша над бескрайней степью и горами в окружении грифов, которые бережно обвивают её своими крылами, вводила в чувственный транс, где в полузабытии мне вдруг почудилось, что, как и самим скифам, мне нельзя засыпать с этими золотыми предметами под открытым небом, а на празднике надо пить кровь столетней лозы, смешанную с молоком небесных кобылиц, из чаш-черепов своих врагов и спорить до хрипоты, доказывая, что «скифское искусство», родившееся на Горном Алтае, через торков сохранилось в душах многих наших среднеазиатских художников, но, помнится мне, Геродот, описывая странствия Аристия – сына Каистробия из Проконнеса, ссылаясь на его рассказ: «...за исседонами обитают аримаспы – одноглазые люди; за аримаспами – стерегущие золото грифы, а ещё выше за ними – гипербореи на границе с морем»². И говорил я с Александром о тех затерянных в тумане веков истинных корнях великого среднеазиатского искусства, рождённого непоседливыми номадами, а потом в содружестве с Бахусом было решено, что лучше всего в этой жизни делать чаши из ополоумевших от чванства и мелкотравчатого чиновничества и вкушать из них виноградный нектар, рождённый на благодатной земле. Действительно, это было очаровательное наваждение – видеть идущих по кругу вокруг чаши-солнца фантастических грифонов, разъярённых львов, изяшных барсов и прячущихся в своей обречённости оленей, круторогих козлов...

...Всматриваясь в гобелен Милены Тюриной «Стерегущие золото грифы», я понимал со всей несомненностью глубокого душевного чувства, что искусство гобелена – это прямая нить исторической памяти, если хотите, всей культурной доминанты народного творчества, в которую вплетены уникальные древние мифологемы народов, имевших этот вид искусства. При этом необходимо понимать, что гобелен сегодня – это не только «кочующая фреска», как определил его великий архитектор Ле Корбюзье, а невероятно многоликое явление, в котором заключены и рельеф с пластическим объёмом, и даже целая архитектурная «текстильная среда», где нетрадиционные материалы и техника гобелена, его композиционные и цветовые принципы рождают уникальную декоративную форму.

«Стерегущие золото грифы», сотканный Тюриной в 2003 году из ковровой шерсти, льна, овечьего руна, сизаля, закреплённый на металлической подквадратной раме, с ошеломляющей достоверностью показал нам не просто уникальную декоративную форму, но и пластическую гармонию мифа и многомерного сознания человека. Выполненный в форме попоны для жертвенного коня или покрывала алтаря гобелен был как будто пропитан аурой древнего духовного начала, позволившего человеку называться *sapiens*.

¹ Геродот. История. Книга IV. Мельпомена. 5-6.

² Там же. 13.

Детали и принципы взаимосвязи изображённых Миленой элементов гобелена сохранила для нас историческая Память. Я помню всё это, ибо сам несколько лет посвятил изучению древних памятников Пазырыка и других курганов скифо-сарматского времени на Алтае, откуда и пришли в наше время древняя красота, забытые боги и легенды о несметных сокровищах.

Когда-то, работая на южном склоне Чулышманского хребта, в урочище Пазырык, я понял, как много сил требует изучение технического совершенства тканых артефактов. Выяснилось, что в те забытые богом времена была замечательно развита техника валяния войлока различных сортов и качества. Грубых и тяжёлых войлоков не было найдено вообще. Лучшей выделки тонкие сорта войлока, найденного в курганах Пазырыка, мало уступают современному фетру. Материал – исключительно пух овец, очищенный от посторонних примесей и тщательно промытый. Большие полотнища были не толще 2–3 мм! Шерсть, употреблявшаяся для тканей, состояла только из пуха. Лучшие образцы древнего ткачества и войлочных изделий были найдены во втором и пятом курганах выдающимся археологом С. И. Руденко¹.

Изучая приёмы работы Милены Тюриной, я был поражён тем, что её техника выполнения работ практически ничем не отличается от тех образцов ткачества, которые сохранились в течение почти трёх тысячелетий. Древние мастера Горного Алтая при изготовлении узорчатых тканей выполняли рисунок на станке без перевода на бумагу, и во время работы тот находился в горизонтальном положении, то есть фигура рисунка была расположена параллельно утку. Горизонтальное расположение рисунка, в котором преобладают вертикальные линии, с древних времён принято воспроизводить на ткацком станке в горизонтальном положении, чтобы получить тонкие линии на продольных очертаниях рисунка, накладывая один цвет нитей на другой. Этот приём характерен для наших среднеазиатских тканей, переднеазиатских образцов ахеменидского времени, декоративных коптских тканей IV–VI веков нашей эры, средневековых шпалер и гобеленов XVII–XVIII веков. Обнаруженные на Алтае ткани и изделия являются древнейшими и совершеннейшими творениями, выполненными в гобеленной технике. Они подтверждают факт единых исторических корней культуры народов Центральной Азии.

Даже краски, используемые М. Тюриной для расцветивания своих произведений, создаются ею самой из натуральных природных материалов по древнейшим рецептам, проверенным временем и отличающимся качеством цвета. Накладки и цветовые подвески с эмблемами гармонии и ритуальными знаками дополняют полотно гобелена деталями, которые широко применялись в практике древних художников.

История искусства гобелена в Узбекистане ещё не написана, но как вид художественного творчества, он давно уже перешагнул грань народно-прикладного искусства. Чуть более тридцати лет назад мне уже приходилось говорить о перспективах развития этого вида искусства с неудавшимся музыкантом из Ферганы Мамутом Чурлу, который довольно успешно реализовал себя в качестве художника гобелена. Однако считать его основателем этого направления в Узбекистане было бы весьма легкомысленно. Гораздо ранее этой встречи довелось видеть несколько работ в мастерской у Надежды

¹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

Кашиной, хотя интересы мои тогда никак не соприкасались с традициями среднеазиатского ковроткачества.

Среди ведущих мастеров художественного гобелена постсоветского пространства следует признать Л. Соколову, Э. Вигнере, Г. Кандарели, Р. Хеймрат, И. Скуня, Э. Реэметис, М. Бабаянскене, Б. Мигаль и др. Однако и у Милены Тюриной был замечательный педагог – Л. Талдыкина, в мастерской которой она обучалась основам ткачества, искусству гобелена и преуспела в этом виде творчества. Гуманистически ориентированное, творчество М. Тюриной обращено к глубинным человеческим чувствованиям, к гармонии эстетических ощущений. Именно эти направления представляются сейчас важнейшим творческим течением в искусстве гобелена как декоративно-прикладного искусства. Ведь это искусство, как известно, генетически связано, с одной стороны, с народным ткачеством, с другой – с профессиональными видами искусства: живописью, пластикой, фресковой стенописью. И впрямь, нельзя не заметить стилистические и пластические связи гобелена и скульптуры.

Кто-то пытается сегодня разделить искусство гобелена на два потока: гобелен интерьерного назначения и гобелен выставочно-станковый. Последний тип можно обозначить как гобелен-картину, тяготеющий к монументально-декоративному решению, к эпическому образному строю. Внутренняя цельность, завершённость декоративной композиции, своеобразие основных пластических и цветовых отношений являются важным критерием художественного уровня гобелена. Именно к этому Милена приобщалась до 1991 года в мастерских ведущих московских художников по гобелену и студии «Московский гобелен» в столице России.

Естественно, М. Тюрина устремилась на «камеральное» воспроизводство тканой и расцветочной шерсти, ибо понимала, что тип современного гобелена – интерьерный – имеет свои самоочевидные эмоциональные особенности. Его композиционные принципы более связаны с архитектурой, с местоположением в интерьере, с художественно-образной атмосферой среды. И трудно пока определить, что обусловило её художественное восприятие окружающего мира. Может быть, это были необычные пространственные композиции архитектурных строений – как сказочные замки и терема из детских снов? Как знать, что таит глубокое подсознание творческой, и оттого неординарной, личности!

...Гобелен у нас в Республике сейчас начинает широко входить в оформление общественных интерьеров. Правда, применение гобелена в интерьере однотипно, а его связи с другими компонентами оформления часто вообще не просматриваются. В то время как именно современный гобелен при большом разнообразии типов декоративного решения – как плоский, так и фактурный, объёмный – может занять важнейшее место в интерьере и очень интересно и по-разному взаимодействовать с архитектурным пространством. Пока ещё очень редко создаётся органическое взаимодействие гобелена и архитектурного пространства, которое приводит к созданию третьего качества – ансамбля, в котором одинаково участвуют материалы, пропорции, цвет, фактура как архитектуры, так и гобелена.

Не следует отрицать, что сегодня определённо существуют два направления: одно монументальное – гобелен-фреска, другое станковое – гобелен-картина. М. Тюриной не чужды и гобелены-картины. Правда, само понятие

определившегося явления – станковая форма декоративного искусства – противоречиво и, несомненно, неоднозначно в силу сложившегося современного понимания искусства.

В своей исполнительской деятельности для художницы не существует стереотипов, что, возможно, и мешает назвать её произведения чисто «узбекскими». Скорее всего, это отголоски вдохновенного пространства всей Центральной Азии.

Сейчас почти невозможно найти у нас специалиста, который бы органически сочетал в себе знание и «чувство пряжи» с талантом монументального обобщения. Ведь гобелен должен «держаться» стену, брать на себя главный акцент в интерьере. Об этом постоянно и говорит Милена Тюрина студентам Ташкентского архитектурно-строительного института и утверждает своими работами в выставочных залах.

До сих пор узбекистанские гобеленщики не обрели своей твёрдой «почвы» под ногами, как это произошло в Прибалтике, в центральной России, Грузии или Армении. Конечно, школа складывается сама собой, и без неё нельзя: она даёт направление и статус в мировом пространстве искусства. Такую школу, её теоретическое обоснование, формирование творческой концепции и выявление своего технического традиционного пути уже несколько лет и разрабатывает, не афишируя этого, Милена Тюрина. Школа определяется преемственностью наследия, а значит, традицией и общностью взглядов на судьбы и принципы искусства гобелена в настоящем. В 2005–2007 годах Милена создаёт творческую мастерскую, отдавая ей время, силы и опыт, преподаёт на кафедре «Дизайн архитектурной среды» Ташкентского архитектурно-строительного института.

Часть II

...Что там говорить, но происходило что-то мистическое в мастерской Александра Тюрина. Куда же повела меня эта шерстяная нить? Бахус, спихнув меня в омут мистицизма, преспокойно растворился вместе с парами сока виноградной лозы, вероятно, отправившись развлекаться в другие мастерские художников, тоже желающих говорить об Истине, которая, быть может, совсем и не в вине. Мистицизм, чудится мне, – это ощущение непосредственного прикосновения к конечной реальности в её синтетичности. Вероятно, в каждом из нас скрыта некая духовная потребность, именно она заставляет людей искать себя в мистицизме, религии или искусстве...

...Изучение национальных художественных традиций является для любого художника источником познания истории своего народа, поэтому Милена Геннадьевна находит решения, соответствующие национальным традициям, в то же время развивая и углубляя их современными наблюдениями, философскими обобщениями, наполняя глубоким чувством сопереживания.

...После московских «штудий» в начале девяностых годов в творчестве Милены Тюриной происходит качественное переосмысление всего художественного видения искусства гобелена. Она начинает гораздо смелее и, что самое важное, совершенно обоснованно вводить в произведения, помимо шерстяной нити, металл, иногда дерево. Это мир своеобразного художника, ею сотворённый.

Её гобелены не просто образцы декоративного мастерства, а произведения настоящего искусства, соединяющего в себе и идейность, и чувство материала, и понимание цветовых соответствий, и, поверьте мне, возвышенную духовность.

Милена показывает в своих работах, что в наше время просто красивой вещи недостаточно, время сейчас драматическое, яркое, одновременно радостное и трагическое, время контрастов, эпоха личностного монолога о жизни и собственных откровенных исканиях, открытиях. Гобелены Тюриной тяготеют к философскому осмыслению мира, исторических традиций. Практически все новые произведения вызывают богатство ассоциаций. Во многом это связано со своеобразием избранных художницей тем и даже некоторой экстравагантностью их осмысления. Композиционно работы выстроены чётко, ритмично – им как бы задана определённая графическая структура, дополненная фактурой и цветовым многообразием.

Образы сотворённых ею гобеленов лиричны, полны открыто радостного восприятия жизни. Цвет, насыщенный, локальный, звучащий в полный голос, – главное средство эмоциональной выразительности работ Тюриной. Работа художницы «Чувство» просто преисполнена яркими, даже мощными эмоциональными цветами.

Каждый фрагмент, всякое клеймо в композиции «Караван» даёт нам законченный образ и в то же время является частью целого. Московская тенденция школы гобелена исповедует фрагментарность, принцип большой формы нарушается.

Милена Тюрина на сегодняшний день является одним из ведущих мастеров искусства гобелена в Узбекистане. Член Творческого объединения Академии художеств Узбекистана. Член Ассоциации художников, искусствоведов и народных мастеров. За плечами мастера тридцатилетний опыт творческой деятельности. Она прошла настоящую школу ремесла у московских и петербургских мастеров гобелена. Десятки престижных зарубежных и более ста Республиканских выставок. Работы этого мастера украшают офисы и частные собрания представителей деловых кругов Узбекистана, России, Германии, Израиля и многих других стран, находятся в музейных собраниях президента Кореи, президента Турции, частном собрании премьер-министра Турции.

Творческие поиски художницы нацелены на расширение выразительных средств тканых шерстяных гобеленов, и проблема эта решается особенно успешно благодаря соучастию в одном произведении различных, поддерживающих друг друга по сходству или контрастирующих, материалов. Их художественные качества открываются зрителю как бы совершенно заново.

На сегодняшний день мы являемся очевидцами нового явления: гобелен постепенно уходит со стен и приобретает новую функцию художественного организатора пространства. Это, несомненно, многообещающее явление. Но вот только вычурность и искусственность этого явления – цена, которую платит трёхмерный пространственный гобелен за это новшество. Можно сказать, что гобелен шагнул в новую искусственную субстанцию, выдаваемую за «культуру».

На многих выставках в европейских галереях стали экспонироваться пространствообразующие подобию гобеленов, которые своей антиархитектоникой, сумбурностью подбора материалов и даже вплетёнными бытовыми

отходами всеяли ощущение присутствия зрителей на мусорной свалке. Изначально гобелен – благородное, добротное, изысканное и серьёзное явление предметного мира. Следовательно, одна из важнейших задач художника-гобеленщика – раскрывать и утверждать новые формы красоты и функции гобелена в соответствии с его природой и жанровыми возможностями.

Меня откровенно порадовало произведение Милены Геннадьевны «Песнь номулов», которое воплощает в себе пространственную композицию, разделённую на симметричные подпрямоугольные тканые плоскости, закреплённые на витых нитях. Плоскости изобилуют древними символическими орнаментами. Вся работа, чудится, заполнена какой-то протяжной, задушевной мелодией, всплывающей откуда-то из далёкого прошлого.

Уникальные гобелены Милены Тюриной помогают выявлять связи между вещами и произведениями искусства. Одним словом, экспрессивная синтезирующая способность её гобеленов далеко превосходит их практическую применимость. Они, несомненно, служат эстетическому воспитанию в условиях, когда практически все ценности у нас в стране, да и, пожалуй, во всём европейском пространстве, сведены к потребительским запросам. А идейно-эстетические пространствоорганизующие возможности её творений велики.

Вот, например, прекрасная работа «Бешик» просто переливается цветными радостными тонами. Она объёмна и при этом экспозиционна в любой пространственной среде. Скупые орнаментальные вставки в контексте цветных полос и витых нитей создают интимно-игривое настроение. Есть в этой работе какая-то детская непосредственность, открытая беззащитность. Красота цветных сочетаний проста до откровенности. И вся эта нехитрая композиция, кажется, вместила в себя какую-то добрую мелодию или напев, который мы уже успели давно забыть.

Изучив историю техники классического гобелена, Милена не хочет останавливаться на достигнутом. Поэтому, отметив некоторую неясность, загадочность рисунка и удивительный колорит старинных среднеазиатских ковров, она обращается к изучению традиций народного ткачества.

При всей простоте и схематичности рисунка среднеазиатских ковров – это результат больших творческих исканий, навеянных фантазией многих поколений. Для раскрытия содержания орнамента пришлось прочесть немало книг. Ведь названия старинных узоров, элементов орнамента показывают, что каждый элемент в той среде, где он бытует, трактуется как образ реально существующего предмета, растения, животного, а иногда как условный символ. И получается, что ковер – это целый рассказ о наиболее значимых ценностях степных кочевий. Песнь и художественность в коврах – это формы отражения эстетики народа и их внутреннего мира. Привлекает в среднеазиатских коврах строгая красота расцветки и гармоничность сочетания красок, позволяющая добиться выразительности колорита, достигаемой при помощи испытанных растительных красителей.

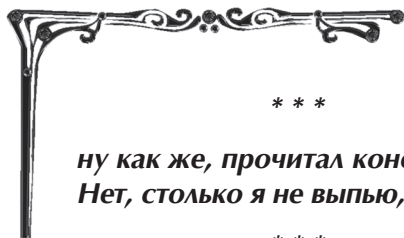
Скрупулёзное изучение среднеазиатских ковров привело к их переосмыслению и творческой интерпретации при создании гобелена «Талисман». В нём совмещаются классические мотивы, народные традиции, современные формы.

У Милены субъективное, своеобразное ощущение пространства и времени. Всмотритесь в её гобелены – и вы не только восхититесь их необычайной художественной формой, но и подолгу будете размышлять над их

содержанием. Художница, обращаясь к зрителю (а может быть, всё-таки к самой себе?), говорит с ним языком поэтических метафор, сравнений, пользуясь параллелизмом, стремится создать симфонию красок, линий, идеи и содержания, не боится ставить знак тождества между реальностью и фантазией. Но вот фантазия ли это? Может быть, это и есть истинная реальность, а мы существуем в кажущемся нам мире, в надуманной реальности? Она смотрит на мир глазами философа, постигая древний язык символов.

Мысль, творческая энергия человека – это, согласно В. И. Вернадскому, планетарная, геологическая сила, преобразующая лик Земли: *«Всегда и всюду в истории всех наук мы видим, как на протяжении одного, двух, трёх поколений одновременно появляются талантливые люди, поднимают на огромную высоту данную область духовной жизни человечества и затем не имеют себе заменителей... Мы не знаем пока, почему, как и отчего происходит на рождение талантливых людей, орудий научной мысли, их скопление в близких поколениях и отсутствие в других. Мы должны принять их за свойство нашей расы, проявление её природы. Это такой же природный процесс, подлежащий научному исследованию натуралиста, каким является воздействие научной мысли на окружающую живую и мёртвую природу, изменение её энергетики природы».*

Художники, музыканты и поэты – это посланники небес, пророки, уверяю вас. В своём творческом гении они поднимаются до самых священных вершин жизненной сути Бытия.

* * *

**ну как же, прочитал конечно.
Нет, столько я не выпью, чтобы адекватно...**

* * *

**какая готика в осанке, это ж надо...
а ножки, ножки... не иначе стиль барокко.**

* * *

**нет уж, позвольте. Буду лицемерить:
куда там поплавку до вашей свиты.**

караван истории

**Рубен
НАЗАРЬЯН**

Автор многочисленных научных, научно-популярных и художественных произведений. Доцент Самаркандского госуниверситета. Участник и лауреат международных конференций и конкурсов.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Один из старейших и известнейших вузов Средней Азии – Самаркандский государственный университет – отметил в этом году свое 90-летие. Прекрасный повод вспомнить и отдать дань уважения людям, стоявшим у его истоков. Лишь очень немногие наши современники знают, что предшественником нынешнего университета был Высший педагогический институт (ВПИ), созданный в Самарканде – первой столице новообразованной Узбекской республики – постановлением правительства от 22 января 1927 года. Ввиду отсутствия собственных специалистов сюда для работы были приглашены специалисты из Москвы и Ленинграда, Киева и Баку, Минска и Казани, Владикавказа и Свердловска.

В соответствии с утвержденным в апреле 1927 года «Положением о Высшем педагогическом институте» в нем первоначально были организованы только четыре отделения, по которым шла специализация: общественно-политическое, физико-техническое, естественно-историческое и лингвистическое. Три года спустя решением правительства республики институт был преобразован в Узбекскую государственную педагогическую академию (УзГПА).

В связи с реорганизацией академия перешла на факультетскую систему подготовки педагогических кадров. После переноса столицы республики в Ташкент было принято постановление об объединении двух самаркандских вузов – педагогической академии и медицинского института – и создании на их базе Узбекского государственного университета (УзГУ). Новое учебное заведение под этим названием начало функционировать в 1933 году. Обучение на всех факультетах первоначально осуществлялось лишь на русском языке, поэтому для подготовки собственных педагогических кадров необходимо было обратить особое внимание на филологию. В УзГУ были созданы лингвистическая и литературоведческая кафедры. Поначалу филологов было всего 15 человек. Литературоведческие дисциплины читали три приглашенных из России педагога – доценты П. П. Белов, П. В. Вилькошевский и не имевший ученой

степени А. Н. Чернец.

В годы Второй мировой войны состав кафедры пополнился известными специалистами:

1. Доктор филологических наук, профессор Московского института истории, философии и литературы (МИИФЛИ) Михайловский Борис Васильевич (1899–1965).

Родился он в Москве в семье крупного ученого-экономиста. После окончания гимназии в 1917 году поступил в Московский университет на фило-софское отделение историко-филологического факультета, в 1921–1925 годах учился в ВЛХИ (Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова). Окончив его по критико-исследовательскому отделению, был оставлен при кафедре теории литературы. С 1925 по 1929 год был аспирантом в ГАН (Государственная академия художественных наук), где специализировался по русской литературе рубежа XIX–XX веков под руководством выдающихся ученых – Н. К. Пиксанова, П. Н. Сакулина, Н. К. Гудзия. По окончании аспирантуры Михайловский Б. В. стал научным сотрудником ГАН, ученым секретарем литературной секции.

С начала 1930-х годов Борис Васильевич увлекся историей искусства Древней Руси. Итогом стала написанная совместно с Б. И. Пуришевым книга «Очерки истории древнерусской монументальной живописи» (М.-Л., «Искусство», 1941). О ренессансных началах в древнерусском искусстве и его связи с южнославянским. В 1930-е годы создал ряд статей по вопросам русской и западноевропейских литератур, поэтики, эстетики. В 1937–41 гг. был редактором отдела теории в «Литературной энциклопедии».

Защитив в 1939 году докторскую диссертацию по русской литературе XX века в МИИФЛИ, Михайловский, будучи профессором, преподавал там до середины 1941 года. Эвакуированный в первый год войны в Самарканд Борис Васильевич успел, хотя и недолго, потрудиться здесь в качестве профессора Узбекского государственного университета, а после ликвидации УзГУ переехал с его коллективом в Ташкент, где стал одним из создателей филологического факультета Среднеазиатского университета, заведывая кафедрой русской литературы.

С 1943 года Борис Васильевич более 20 лет был профессором филологического факультета МГУ, входил в число ведущих специалистов Института мировой литературы Академии наук. Знаток русской литературы конца XIX – начала XX века стал автором первого, посвященного этому периоду учебника для университетов и пединститутов (М., Учпедгиз, 1939).

2. Сергей Арсеньевич Малахов (1902–1971), разносторонне одаренный человек: поэт, критик и ученый. Судьба его, однако, была менее благополучной, нежели у Михайловского.

Родился он в богатой купеческой семье в подмосковном Можайске. С юности увлекался поэзией, был одним из первых организаторов комсомола в Можайском уезде и одним из создателей литературной группы «Молодая гвардия», в которую, кроме него, входили А. Жаров, М. Светлов, М. Шолохов, А. Веселый и А. Безыменский. В 1920-м году вступил добровольцем в Красную армию. Затем окончил литературное отделение этнологического факультета 1-го МГУ и аспирантуру Российской ассоциации НИИ общественных наук.

В июне 1936 года Сергей Малахов по надуманному обвинению был арестован органами НКВД на своей квартире в Ленинграде. Будучи в это время уже известным в стране литературоведом, исполняя обязанности профессора в ЛИФЛИ.

Малахова обвинили «в том, что он являлся активным участником контрреволюционной троцкистской организации в Московском государственном университете». Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 31 июля 1936 года Малахов С. А. был приговорен к пятилетнему заключению в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь). После отбытия наказания, он был освобожден с запрещением проживать в Ленинграде и Москве. Как и многие другие репрессированные интеллигенты, он наивно полагал, что на далекой восточной окраине страны можно ускользнуть из-под наблюдения всемогущего НКВД. Так судьба привела его в Самарканд, где он стал преподавателем университета. Через несколько лет он вернулся на преподавательскую работу в Ленинград. С начала 1950-х был научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинского Дома). Окончательно был реабилитирован лишь в 1956 году.

Помимо поэтических сборников, Сергей Малахов опубликовал ряд статей о русском футуризме, статьи о Тургеневе, популярный очерк «Как строится стихотворение», труды по методологии литературоведения.

В 1940-м году руководство УзГУ, желая привлечь для работы в Самарканд титулованных ученых и педагогов из центральных районов страны, объявило всесоюзный конкурс на вакантные должности профессоров и доцентов. После рассмотрения поступивших документов ректорат университета опубликовал список победителей конкурса, приглашенных занять штатные должности. Среди них был некий Войчик Р. К., прошедший по конкурсу на должность профессора кафедры западной литературы УзГУ.

Однако по неизвестной причине этот претендент в назначенный срок в Самарканд не явился. А уже через год, в связи с началом войны, УзГУ перестал существовать как самостоятельная единица и был присоединен к САГУ (Среднеазиатскому государственному университету), базировавшемуся в Ташкенте. Спустя несколько военных лет, в 1944 году, Совнарком СССР принял решение о возобновлении деятельности самаркандского университета в новой структуре: появилось пять факультетов, в составе которых насчитывались 23 кафедры. Первого октября 1944 года в университете начались учебные занятия. В тот же день и было проведено первое заседание вновь созданной кафедры русской и всеобщей литературы, которую возглавил своевременно на сей раз прибывший в Самарканд профессор Р. К. Войчик (1888–1958). Именно ему и довелось заложить здесь фундамент местной литературоведческой школы.

Приехал он в УзГУ из южно-казахстанского городка Кзыл-Орда, где некоторое время трудился в тамошнем пединституте, созданном в 1937 году на базе Корейского педагогического института, переведенного в Казахстан из Владивостока вместе с депортированными оттуда корейцами. В годы Второй мировой войны в единый коллектив были объединены эвакуированные сюда же Киевский и Харьковский университеты. Можно предположить, что Р. К. Войчик по совместительству преподавал и в Объединенном Украинском государственном университете (ОУГУ), возникшем в Кзыл-Орде на базе

слияния киевского и харьковского вузов. А его переезд в Самарканд, состоявшийся в 1944 году, был связан с реэвакуацией ОУГУ на Украину летом того же года.

Появление в Самарканде маститого ученого, естественно, вызвало интерес к его личности. Но Ромуальд Казимирович был человеком малообщительным и в разговорах с коллегами не вдавался в подробности своей необычной биографии.

Родился он в 1888 году в г. Карсе, тысячелетие назад являющемся центром ремесла и международной торговли средневековой Армении, пережившем впоследствии драматическую судьбу, переходя на протяжении многих лет из рук в руки.

О семье Войчиков известно немного. Отец будущего профессора, Казимир Людвигович Войчик, поляк по происхождению, проходил военную службу в городе Карсе. После ее окончания он остался здесь работать табельщиком на железной дороге. Вскоре Казимир женился на дочери местного армянского портного Елизавете Григорьевне Тер-Симонян. В этом городе 27 сентября 1888 года и родился Ромуальд, их единственный сын. После него появились на свет ещё три дочери, что добавило хлопот небогатым родителям. Когда же по договору, подписанному в 1921 году Арменией, Азербайджаном и Грузией, входившими тогда в состав советской России, Карс окончательно отошёл под юрисдикцию Турции, многочисленная семья Войчиков переехала в армянский город Ленинакан (ныне Гюмри). Там родители Ромуальда и прожили безвыездно до самой смерти...

Сам же Ромуальд Казимирович Войчик прожил в Карсе до 1902 года. Желая получить образование, юноша уехал учиться в Павлоградскую уездную гимназию Екатеринославской губернии.

Гимназию Ромуальд окончил с серебряной медалью и в том же 1908 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где получил добротную профессиональную подготовку.

В 1913 году он получает диплом и звание кандидата филологических наук. Но устроиться на работу не мог. Пришлось зарабатывать на жизнь нудным переписыванием карточек в научном отделе исторического музея. Будущее было неясным, и, проработав некоторое время в гимназии города Гори Тифлисской губернии, он без колебаний принял предложение директора 2-го реального училища города Екатеринодара, куда и выехал в 1915 году.

С 1 августа того же года распоряжением Попечителя Кавказского учебного округа Р. К. Войчик был назначен исполняющим обязанности преподавателя русского языка и литературы.

Работа в реальном училище по времени совпала для Войчика с Первой мировой войной, Февральской и Октябрьской революциями, Гражданской войной на Кубани. Все эти годы Р. К. Войчик оставался преподавателем реального училища.

В 1920 году Ромуальд Казимирович Войчик перешёл на работу в Институт народного образования, впоследствии реорганизованной в Краснодарский педагогический институт. В педагогическом институте Р. К. Войчик возглавил кафедру литературоведения и с увлечением читал лекции по отечественной и зарубежной литературам, обширный цикл истории искусств. В 1922 году Государственным учёным советом Войчик был утверждён в звании

профессора, что явилось признанием результатов его преподавательской и научной деятельности. Дополнением к лекционным курсам служили ежегодные поездки с группой студентов на экскурсии в музеи Москвы и Ленинграда.

В 1930 году директором Краснодарского педагогического института становится приехавший из Самары Стефан Вацлавович Сохашкий. По-видимому, это была яркая и энергичная личность. Европейская образованность, ораторские способности, умение увлечь аудиторию блестящими перспективами сразу привлекли к нему внимание Р. К. Войчика и его коллег. Но не прошло и года, как С. В. Сохашкого перевели в Киев на должность директора Польского института. Через некоторое время он сделал Р. К. Войчику предложение о переезде. Согласия на переезд в Киев Ромуальд Казимирович не дал, но под влиянием Сохашкого выезжал туда несколько раз для чтения лекций по истории мировой литературы на польском языке. Трудно было тогда предположить, что этот недолгий «польский» период сыграет затем в судьбе Войчика роковую роль.

В 1924 году Р. К. Войчик пришёл работать в Краснодарский художественный музей в качестве научного сотрудника.

Совет Музеев командировал его в Москву с целью просить о предоставлении Кубанскому музею художественных произведений из Государственного Музейного фонда. Поездка увенчалась успехом: Краснодар обогатился значительным числом полотен известных русских и европейских живописцев. Р. К. Войчик много времени и сил уделял изучению, пропаганде и собранию произведений художников русского авангарда. С 1926 по 1931 год профессор Войчик был директором Краснодарского музея.

В 1933 году Р. К. Войчика арестовали. В постановлении «Об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения» говорилось:

«Войчик Ромуальд Казимирович достаточно изобличается в том, что:

1) состоя профессором Краснодарского Пединститута, входил в состав антисоветской группировки научных работников Института;

2) в 1931 году находился в Киеве и, состоя профессором Польского Пединститута, входил в состав Польской военной организации, проводившей контрреволюционную повстанческую и разведывательную работу по заданиям II отдела Польского генерального штаба».

Материалы следствия показывают, что «методика» ведения дела была до крайности проста: необходимо было заставить подсудимого признать себя виновным в предъявленных обвинениях. Вопросы, на которые приходилось отвечать, формулировались чётко и тенденциозно: отношение к пятилетнему плану, к марксистской партии, как расценивает он саботаж на Кубани, политику партии по отношению к интеллигенции. Ответы ожидалось соответствующие, и Войчик под давлением следствия признавался в том, что одобрял действия Гитлера, агитировал против Советской власти, создавал нелегальные кружки, разрабатывал контрреволюционные планы. Признавал, что проводимая паспортизация была необходима для выявления вредителей, а расстрелы – суровой, но единственной мерой в борьбе с врагами.

Однако по некоторым деталям, разбросанным в материалах следствия, можно восстановить и круг интересов Войчика, и его действительное отношение к происходящим событиям. Вряд ли можно не поверить Войчику в том, что, когда он узнал об экспорте художественных ценностей Эрмитажа,

которое назвал «недопустимым мероприятием, поскольку вывозимые ценности не могут быть восстановлены», это настроило его против Советской власти. «Я считал это в высшей степени пренебрежением к культурному наследию». Очевидно искренен был Войчик и тогда, когда писал в показаниях, что «не считал пролетариат созидательной силой», а Ленин представлялся ему демагогом. Признание же Войчика в том, что через знакомство с творчеством Блока, Белого, Гумилёва, Мережковского, Шпенглера он незаметно для студентов втягивал их в нелегальные организации, свидетельствовало скорее о его профессиональной эрудиции и умении развернуть перед слушателями широкую панораму идей, чем о «сознательном протягивании упаднических буржуазных настроений».

Следствие Р. К. Войчиком затягивалось, так как обвиняемый занял «позицию упорного запирательства». Необходимо было добиться «желания покончить с прошлой контрреволюционной деятельностью». Только собрав «огромный и достаточно изобличающий материал в полном объёме», следствие сочло возможным прекратить дело.

Усталый и подавленный человек, сферой интересов которого были литература и искусство, стараниями следствия превратился в одного из влиятельнейших руководителей краевого филиала контрреволюционной организации «Российская национальная партия», с детально проработанной политической программой, разветвлённой структурой, широкими связями с заграницей, планами осуществления диверсионных и террористических актов.

Как и следовало ожидать, Р. К. Войчик во всех предъявленных обвинениях «признал себя виновным» и был приговорён к пребыванию в исправительно-трудовом лагере сроком на три года. Нахождение под арестом подорвало здоровье Р. К. Войчика.

В 1934 году он был направлен в исправительно-трудовой лагерь Сиблага НКВД в город Маринск, откуда и был освобождён в 1936 г. «за отбытием срока».

После освобождения Р. К. Войчик около года живёт в Краснодаре, затем уезжает в Алма-Ату, где получил место профессора литературоведческой кафедры местного пединститута. Недолго прослужив здесь, переезжает на работу в педагогический институт южно-казахстанского города Кзыл-Орда, а осенью 1944 года он перебирается в Самарканд.

Возглавив кафедру русской и всеобщей литературы УзГУ, этот опытный, широко и разносторонне образованный литературовед с первых же дней своего пребывания в Самарканде взялся за создание работоспособного коллектива. Он сумел привить своим молодым коллегам профессиональное отношение к педагогической и научной деятельности, пополнить фонды университетской библиотеки редкими и уникальными изданиями, открыть аспирантуру по литературоведению и наладить выпуск сборников печатных трудов. С именем Ромуальда Казимировича связаны создание и защита первых кандидатских диссертаций по литературоведению в Узбекском государственном университете, он заложил основы для создания научной школы самаркандского литературоведения, которая получила широкую известность при его преемнике – блестящем ученом Я. О. Зунделовиче, приглашенном сюда по рекомендации Ромуальда Казимировича. Тандем Войчик – Зунделович не только определил направление будущих научных исследований кафедры,

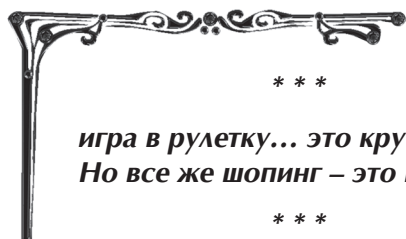
но и подготовил первое поколение талантливых ученых (С. Шаталова, Р. Шагиняна, В. Ларцева, Е. Магазанника, Э. Магазаника и И. Тонышевой). Справедливости ради следует отметить, что все это было достигнуто благодаря настойчивой подвижнической деятельности опального профессора, личная жизнь которого в Самарканде была далеко не безоблачной.

После окончания войны Р. К. Войчик начинает хлопотать о снятии с него судимости и политической реабилитации.

Ходатайство рассматривалось, но начавшаяся волна послевоенных репрессий преопределила исход. Вновь изучались прежние материалы следствия, собирались новые компрометирующие данные. На этот раз к ним отнесли написанную к 20-летию Узбекского государственного университета брошюру Р. К. Войчика «М. Горький в борьбе с реакционными течениями в литературе XX-го века», в которой он якобы «искажил суть взглядов Горького как борца против реакции и фашизма».

И вновь зазвучали прежние обвинения: склонность к антисоветским высказываниям, связь с нежелательными элементами, симпатии к Гитлеру. В январе 1950 года на заседании Комиссии при Министерстве государственной безопасности было принято решение: в заявлении о снятии судимости профессору отказать. Очевидно, отказ вызвал какие-то неприятности в коллективе и Войчик уехал из Самарканда в Крым. Там он работал до самой смерти в Крымском педагогическом институте им. М. В. Фрунзе в должности профессора кафедры литературы с почасовой оплатой...

Лишь через три с лишним десятилетия, в 1989 году, Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – и начала 50 годов». На основании этого постановления 3 июля 1990 года дело профессора Р. К. Войчика было окончательно закрыто «за недоказанность преступления».

* * *

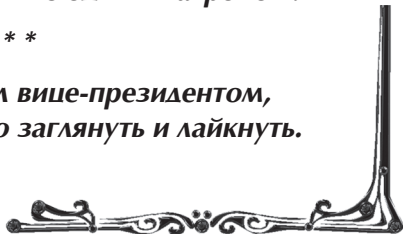
***игра в рулетку... это круто.
Но все же шопинг – это нечто!***

* * *

***какие счета... я Вам все прошаю
и презентую кольт с одним патроном.***

* * *

***подумаешь, стал вице-президентом,
что трудно было заглянуть и лайкнуть.***

НОВЫЕ ИМЕНА

**Альтернативные
сюжеты****Ветер**

Ветер. Небо. Птицы. Крылья.
Акт протеста. Акт насилия.
Флаги. Площадь. Руки. Крики.
Копья. Луки. Ружья. Пики.

Лето. Жарко. Зимний холод.
Жажда власти. Власти голод.
Дух свободы. Лица. Лики.
Тень героев. Свет великих.

Люди. Братья. Вместе. Волки.
Гнев. Булыжники. Осколки.
Водомёты. Газ. Дубинки.
Слёзы. Матери. Поминки.

Земли. Страны. Мирь. Планета.
Холод снова. Снова лето.
Вечер... Времени глазницы.
Тихо. Площадь. Крылья птицы.

Холодным по холодному

Душа его свободная
Рисует кистью линии
Холодным по холодному –
Разводы в небе синие...

Добавив цвет рубиновый,
Душа её бесстрастная
Любуется картиною –
Чуть яркая, цветастая...

С вечернею прохладою
Она уже невидима,
Лишь краски, с неба падая,
Летят пылью обиденной.

И в этом их падении
Безумное отчаянье...

Любое совпадение
С реальностью – случайное.

**Ирина
РАЗИЛОВА**

Поэт. Родилась и
живет в Ташкенте.

Окончила инже-
нерно-экономи-
ческий факультет

Института тек-
стильной и легкой
промышленно-
сти. Сотрудник
международной
организации DVV
International. В
«Звезде Востока»
публикуется
впервые.

Пустота

Пустота – творения начало.
Растворись в безоблачном пространстве
Так, чтоб даже сердце замолчало
И затихли мысли в плавном танце.

Сами расплетутся мягкой пряжей
Рукава смиренной рубашки.
Холст становится нежнее, глаже,
От объятий длительных уставший,

И белей... на фоне чёрной плахи,
Ветром надувается летящим.
Мало, кто рождается в рубашке,
Умирают в ней намного чаще.

* * *

Нишенкой вновь на паперти
Выпросит память грошки –
Кружево белой скатерти,
Синий платок в горошину,

Ломтик пространства серого,
Цвета туманной осени,
Где ни реки, ни дерева...
Вот и монетку бросили!

И по ступенькам Храмовым
Вниз или вверх, везучая?
Память летит над странами,
Память летит над тучами...

Мы где-то счастливы

Альтернативные сюжеты
Событий, каждого мгновенья
Кружат спиралью над планетой,
Дробя миры седой Вселенной.

В одной реальности спасая
Кому-то жизнь на автобане,
Водитель гибнет, воскресая
В другой судьбе, в другой программе.

И если многомировая
Гипотеза близка к правдивой,
Мы где-то счастливы, не зная,
Что жизнь для нас была счастливой.

* * *

И Богу говорит жена:
«Ты посмотри, его спина
От бед согнулась колесом
Ему ни разу не везло,
Любимая ушла с другим...
Какие черные круги
Легли тенями у ресниц,
А взгляд его все время ниц...

Прошу тебя ему помочь,
Уже наступит скоро ночь,
От смерти он на волосок,
Автомобиля колесо
Прервет его неспешный путь,
Позволь ему пожить чуть-чуть.
Пускай узнает, что любовь
Взаимной может быть, мой Бог!»

«Ты – женщина, жена и мать,
Но не тебе судьбу решать,
Не обижайся и пойми,
Что не могу я каждый миг
Отслеживать в земных делах.
Он мусульманин, пусть Аллах
Его спасет на этот раз», –
Сказал жене так Бог и... спас.

А где-то в северных морях
Крещёного спасал Аллах...

Не встречала пока такого

Время равенства не настало,
Время ревности рвать устало
На неравные части верность,
Превращая в пулю безмерность,
Расширяя воронку-рану
Из неверия и обмана,
Но раскроет объятия первый,
Кто сумеет стреножить нервы
И вернуться к точке отсчёта,
Этим первым стать должен кто-то,
Отказавший раненой страсти,
Возразив деспотичной власти
Человеческого, земного.

Не встречала пока такого...

Просит девочка подаяние...

Шаль на плечико перекинута,
Просит девочка подаяние.
То ли жизнь не та, то ли я не та –
Не подав, ишу... оправдание.

Пробежала тень по её лицу
Равнодушного понимания.
Она – взгляд в толпу, а я улицу
Ту запомнила (для раскаяния?).

Часто я туда прихожу с тех пор,
Всё по-прежнему, всё по-старому.
Тот же самый сад, тот же самый двор
И скамеечка под чинарами...

А глаза её цвета инея,
Как мои точь-в-точь (я заметила).
И зовут её моим именем...
Больше там её я не встретила.

Шагнет под конвой

Игры разума просто сводят
Всё на «нет» или даже с ума.
Путь ещё до конца не пройден,
Но набита стихами сумА.

И наполнится пусть вторая,
Не в количестве строчек изюм,
Не дойти со стихами до рая,
Выбирая поэта стезю.

Путь поэта выслан грехами.
Он для рифмы сумеет соврать.
И соврёт, забавляясь стихами,
Про любовь, про отца и про мать.

Чтобы слово красиво пело,
Обрамит его звучной канвой.
Покорится словесное тело
И послушно шагнёт под конвой.

Нет, не стихи...

Нет, не стихи, а обрывки...
Памяти... яркие бабочки.
Помнишь, мы в детстве «наливку»
Мешали вишнёвой палочкой?...

...И были еще моменты.
Смешные и грустные тоже...
Есть кадры той «киноленты» –
Рубцами на сердце и коже...

Да, и на коже есть шрамы.
В горах на осколки – запястьем.
Швы – на краях рваной раны...
Врачи были рядом на счастье...

Много ещё вспомнить можно...
Архив мой внутри. Не взломаешь.
И копии невозможны...

Сотри... когда прочитаешь.

литературоведение. литературная критика

**Владимир
АВДОНИН**

Родился в Самаре. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат филологических наук, автор статей, монографий и учебных пособий по русской литературе. Доцент Жетысайского университета «Сырдария» (Казахстан).

САТИРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ВЛАДИМИРА ВОЙНОВИЧА

В 2016 году опубликован новый роман В. Войновича «Малиновый пеликан», посвященный сегодняшним дням, который позволяет оценить логику развития творчества В. Войновича, начиная с 1960-х годов, когда появились первые книги писателя, и по сей день.

Каждое произведение В. Войновича сегодня воспринимается как важное высказывание о жизни, рожденное своим временем. В книгах, созданных в течение полувека с лишним, есть все: реализм и фантазмагория, сказка и анекдот, антиутопия и сюрреализм, воспоминания и, конечно, сатира. И все это густо замешано на абсурде, том самом абсурде, в котором мы живем. Читая роман «Малиновый пеликан», невольно констатируешь, что ничего не изменилось. Писатель остается верен себе, а многие читатели и даже профессиональные критики предъявляют автору все те же упреки в профанации священных тем, клевете на действительность, которые звучали уже неоднократно. Почему же так происходит? Все дело в специфике сатиры, которая в самом деле деформирует реальность. Подобный взгляд на мир для многих остается непривычным или попросту неприемлемым.

Первые произведения писателя были вполне реалистичны. В начале творческого пути ничто, казалось бы, не предвешало превращения В. Войновича в сатирика. Однако, как отмечала критика, чрезмерная похожесть «на реальную жизнь»¹, узнаваемость деталей в конечном итоге вели к тому, что в его прозе «создавался могучий сатирический эффект в параметрах якобы гротеска и как бы фантастики»².

Аналогичный эффект возникает при оценке персонажей писателя. Самохин, главный положительный герой раннего рассказа «Хочу быть честным», вступает в производственный конфликт с коллективом. Не желая

¹ Войнович В. Н. Из русской литературы я не уезжал никуда // Русское богатство. Журнал одного автора. – 1994, № 1/5.

² Бек Т. Владимир Войнович и его герои // Литература. – 2000. Июнь (№ 24). – С. 2–3.

подписывать акт о приемке неготового дома, он ведет себя, с точки зрения всех окружающих, глупо, «по-дурацки». Не случайно близкий друг говорит ему: «Дуб ты». В рассказе это звучит не просто как оскорбление, но приобретает явно выраженный оценочный характер.

Возникает двойное восприятие персонажа, что укладывается в концепт «дурак», который, по мнению В. Масловой, является одним из основных в русской концептосфере, поскольку «за словом “дурак” стоит мир образов, представлений, систем ценностных установок, метафор. С его помощью выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов»¹. «Дурацкое» поведение персонажей В. Войновича может иметь как позитивную, так и негативную оценочную характеристику.

Писатель Ефим Рахлин, герой повести «Шапка», относится к типу умника, он умеет устраиваться: делает карьеру, пользуется атрибутами успеха (публикации, деньги, квартира). Однако для Рахлина не менее важно публичное одобрение, и он готов организовывать положительные рецензии на свои произведения. Рахлин болезненно самолюбив, очень высоко ценит свои писательские труды, считает себя незаслуженно обойденным почестями и наградами, поэтому при распределении шапок из писательского фонда никак не может согласиться с тем, что ему причитается головной убор из меха «кота домашнего средней пушистости». В борьбе с такой несправедливостью Рахлин полностью утрачивает представление о реальном положении вещей и всерьез начинает считать себя писателем с «мировым именем», не понимая, почему его называют дураком «с мировым именем».

В повествовательной манере В. Войновича используются многие выразительные средства, создающие сниженный, пародийный эффект восприятия главного героя. Ефим Рахлин пишет книги о «хороших» людях, способных пожертвовать своими интересами во благо общественных идеалов. Но сам не может понять, что дело не в шапке из ценного меха как таковой. Он претендует на более высокую ступеньку в табели о рангах, которая, по мнению литературных чиновников, ему не положена. Речь, таким образом, идет о покушении на идеологические основы, которые власть жестко охраняет. Ничтожная война заурядного писателя за шапку вырастает до гротеска, до едкого сатирического рассказа о системе, которая не может поступиться даже малым, чтобы случаем не поколебать незыблемые устои.

Есть у Войновича настоящие дураки: Иван Алтынник – герой повести «Путем взаимной переписки» и Иван Чонкин из всемирно известного романа «Необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». В обоих персонажах воплощаются устойчивые признаки русского дурака, восходящего к устному народному творчеству.

Сержант Иван Алтынник, подобно сказочному герою, отправляется на поиски невесты, чтобы выбрать достойную из списка корреспонденток, с которыми он познакомился по переписке. Поиск невесты оборачивается поиском судьбы. В этой современной сказке Войнович показывает ограниченность стереотипов обыденного сознания, далекого от реальности. Мировосприятие

¹ Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Наука: Флинта, 2007, с. 197.

Алтынника сформировано категориями этого сознания, определяющими желание героя построить идеальную жизнь. В переписке Алтынник свою жизнь изображает в духе господствующих стереотипов: «тяжелое детство», армия, «школа жизни», желание выучиться на инженера и жениться «на порядочной и культурной девушке». Сказочный Иван-дурак удачлив, он преодолевает все препятствия и побеждает всех врагов, получая в награду царскую дочь и полцарства в придачу. А современному дураку Ивану Алтыннику, который строил тонкие расчеты, достается в жены сварливая жена и работа сторожем на заброшенном железнодорожном переезде. Алтынник – тип простака, и его усилия перехитрить судьбу неминуемо обречены на провал.

Особое место в творчестве В. Войновича занимает образ Ивана Чонкина. Над трехтомным романом о приключениях незадачливого солдата писатель работал с перерывами пятьдесят лет, но образ главного героя при этом отличается необыкновенной цельностью. Он развивается в двух плоскостях: по канону сказочного Ивана-дурака и как персонаж романа-анекдота (именно так определил автор жанр романа). Сказочный Иван-дурак на протяжении всего сюжета, как правило, одномерен, и весь его путь – это превращение дурака в царевича. И одновременно Чонкин как герой анекдота, подобно чукче с определенным набором масок, обладает не менее разнообразным собственным набором: конюх, часовой, дезертир, главарь банды, герой, опять дезертир, обвиняемый, князь, претендент на престол, беглый заключенный, солдат, перемешенное лицо, успешный американский фермер.

Герой романа наделен правом на саморазвитие, которое определяется логикой развития его характера, в то время как персонаж анекдота – марионетка, полностью управляемая автором по непреложным законам жанра. Характер Чонкина по ходу движения сюжета проявляется в каждой последующей анекдотичной ситуации неизменно, наблюдаются только количественные приращения. Большинство превращений Чонкина виртуальны (дезертир, главарь банды, князь, претендент на престол), потому что происходят помимо его воли и как бы без его участия. Чонкин реализуется в полной мере там, где ему доводится заниматься конкретным делом. Его слушают лошади, он сумел быстро завоевать женщину. Исполняя обязанности часового и охраняя свой пост, Чонкин берет в плен отделение сотрудников НКВД, сражается с целым полком, хотя считается самым худшим солдатом в части. Однако в ряде ключевых эпизодов Чонкин ничего не делает: по версии автора, он является истинным спасителем Москвы от немецкого наступления, а при этом находится в тюрьме. Просто Гитлер в это время приказал развернуть атакующие Москву войска, чтобы спасти от большевиков «князя» Голицына-Чонкина. Очевидно, что весь эпизод спасения Москвы и авторское отступление-рассуждение по этому поводу – чистой воды анекдот. Мало того, в романе происходит совершенно карнавальная подмена. Чонкин сидит в тюрьме, а Сталин, названный второстепенным персонажем, в это время сидит в метро, где расположена Ставка Верховного командования – и у него есть свои личные заслуги: «Однако если говорить не о каких-то заслугах, а о выдающихся и решающих, то теперь мы знаем, что они принадлежат главному герою нашего скромного повествования, который в роковой час отвлек на себя танки Гудериана и таким образом спас столицу». Автор также упоминает о слухе, что под фамилией Чонкин скрывается сам Сталин, бежавший от немцев.

Ситуация становится анекдотичной. Сталин и Чонкин ничего не делают для спасения Москвы, просто Гитлер приказывает повернуть танки Гудериана на город Долгов, чтобы освободить русского аристократа от большевиков, а награду за отражение немецкого наступления получает генерал Дрынов, дивизия которого оказалась на пути танков, и генерал от отчаяния несколько раз выстрелил в них из пистолета.

Чонкин смешон в своей правдивости и бесхитростности и совершенно безобиден. В этом смысле он не сатирический, а комический герой: «...сатирический персонаж потому и требует развенчания, разоблачения, уничтожения с помощью смеха, что он *причиняет страдания*, притесняет, лишает возможности свободно реализовать себя другим лицам»¹. Как правило, это персонажи, обладающие властью, которую они используют во вред. Чонкин – источник смеха, а не объект сатирического развенчания. Он действительно умственно ограничен, глуп и бестолков, его умозаключения примитивны и смешны. Однако герою нельзя отказать в практической сметке, когда от него требуется конкретное, бытовое действие, не выходящее за рамки повседневности. При этом Чонкин хорошо знает, чего он хочет, ему не свойственны заоблачные мечты, он не пытается переделать жизнь.

В отличие от сказочного дурака, который лежит на печи, Чонкин трудолюбив, что вполне оправдывает его человеческое существование. Самодостаточность Чонкина позволяет ему адаптироваться везде, оставаясь как бы вне системы, поскольку последняя несколько не изменяет его сущность. Поэтому герой вырастает в окружающий мир, как вырастает в землю зерно, которому просто необходимо соблюдение минимального набора условий. Так русский дурак становится успешным американским фермером, который поставляет зерно в Советский Союз.

Многие черты Чонкина присущи и другим персонажам романа. В. Войнович в одном давнем интервью заметил: «Чонкин – это ведь не весь народ, как некоторые утверждают, а один характер, одновременно и универсальный и национальный, один из бесчисленного множества типажей»².

В романе «Малиновый пиджак» В. Войнович обращается к событиям последних лет. Главного героя, писателя Смородина, укусил клещ, которого самостоятельно вытащить не удастся. Незадачливого автора из подмосковного дачного поселка очень долго везут на скорой помощи в больницу. Эта поездка разворачивается в мозаичную картину современной российской действительности.

Диалоги нескольких действующих лиц, внутренние монологи-размышления Смородина, его сны, видения в полусне и воспоминания составляют фабулу романа. Композиционно текст состоит из отдельных небольших глав, каждая напоминает публикацию в интернете, так называемый пост. Герой рассуждает на самые разные темы: о Ленине и Сталине, о смысле жизни, о Крыме и Донбассе, экологии, есть глава «Рекорды и антирекорды» со статистическими данными о положении России в современном мире. Здесь размышления о восстановлении русского мира, исторической справедливости, санкциях и импортозамещении, цветных революциях, коррупции,

¹ Войнович В. Н. Из русской литературы я не уезжал никуда // Русское богатство. Журнал одного автора. – 1994, № 1/5.

² «Я вернулся бы...»: Беседа с И. Ришиной // Литературная газета. 1990. 20 июня.

а также пророческий сон главного героя, в котором описывается фантастический распад Российской Федерации.

Композиция романа несколько деформируется под воздействием огромной лавины информации, становится аморфной. Стилистика, которая хороша для публикаций в интернете, оказывается мало приспособленной для романа.

Злободневность произведения тоже сыграла с автором злую шутку. Его текст в форме информационной ленты или дневника блогера предполагает, что доверчивый читатель будет проецировать его на реальность. Однако расчет на подобную наивность читательского восприятия чреват необоснованными выводами о действительности. К примеру, автор пишет от первого лица: «...когда мне было лет намного меньше, чем сейчас, я вел подвижный образ жизни. ...Возраст, лень, болезни, угасание энергии, интереса к путешествиям, людям и географии, а также оскудение материального фактора привели к тому, что я стал домоседом. ...Когда-то я думал, что запаса накопленных мною жизненных впечатлений мне для моих писаний на всю жизнь хватит, но запас оказался не столь объемным, как я ожидал, а жизнь получилась длиннее, чем я рассчитывал, и вдруг настал день, когда я, державший в голове сотни сюжетов, вдруг обнаружил, что просто не знаю, о чем писать». У наивного читателя сразу появляется предположение, что персонаж списан с самого автора. Такая мелочь, как неряшливость стиля писателя Смородина, совсем не свойственная писателю Войновичу, в расчет не берется или просто не воспринимается.

Его персонаж – выразитель голоса народа, тех самых народных чаяний, которыми полон интернет: не возводить гигантские сооружения, «отказаться от проведения всяких олимпиад, чемпионатов, от дорогих иностранных футбольных тренеров, от пышных праздников с танками, пушками, ракетами и прочим...». Вместе с тем Смородин рассуждает вполне в духе западного либерализма с поправкой на российские реалии: конечно, надо брать пример с цивилизованного запада, не искать «особую дорогу», а идти «обыкновенной, протоптанной». В сентенциях Смородина содержится весь набор обсуждаемых сегодня тем: споры об истории и будущем России, коррупция, перечисление козней Америки, которая виновата во всех бедах. Разговоры, которые советские граждане вели на кухнях, сегодня можно вести в интернете, где создается видимость анонимности и защищенности.

За пределами повествования долгое время остается еще один персонаж, который находится в центре внимания Смородина, Перлигос – первое лицо государства. В. Войнович не в первый раз наделяет своих персонажей чертами вполне узнаваемых реальных людей. В романе «Москва-2042» Сим Симищ Карнавалов во многом соотносится с А. И. Солженицыным, но сам автор в интервью и беседах постоянно подчеркивает, что его художественные образы – вымышленные, и не принимает упреков в сочинении пасквилей на уважаемых людей. И формально, и по существу В. Войнович, конечно, прав. Однако никто не отменял право читателя соотносить художественный образ с действительностью. В Перлигосе читатель легко обнаружит факты из жизни первого лица российского государства, которые хорошо известны широкой публике. В. В. Путин летал на дельтаплане рядом с журавлями, погрузился

на дно Байкала и Черного моря, на Дальнем Востоке играл с тиграми в заповеднике. Никто не спорит с очевидным фактом: художественный образ и реальный человек – это совсем не одно и то же. В сатирическом произведении образ деформируется, искажается с помощью гротеска, приема *ad absurdum* (доведение до абсурда). В «Малиновом пеликане» путем несложных аллюзий Войнович подготавливает главный сюжетный ход: Перлигос, защитник диких животных и экологии, спасает последнюю пару малиновых пеликанов, которые, пережив стресс, утратили способность к продолжению рода. Вот и приходится Перлигосу лично высидывать их яйца. В конечном счете Перлигос полностью перевоплощается пеликана. Главный герой попадает к нему на прием в Кремль и видит за столом пеликана с огромным клювом, редким розовым пушком на макушке и лицом, «похожим на то, которое мы с вами много раз видели на плакатах, обложках популярных журналов и на экранах телевизоров...». Портрет Перлигоса, процесс высидывания огромных яиц пеликана и последующие подробно описанные натуралистические детали и сюжетные эпизоды производят неприятное впечатление. Публицистичность и памфлетизм победили художественность.

Получилось не очень смешно, отдает дурновкусием, и только логика гротеска и доведение до абсурда могут хотя бы как-то примирить с этой фантазмагорической картиной. В нее вписываются рассуждения о том, что без первого лица государства никто ничего решить не может, вот и приходится все делать самому. Окружение только мешает вершить великие дела, поэтому Перлигос назначает Смородина своим преемником, выторговывает себе два миллиарда и отправляется вить гнездо на теплые острова. Само собой разумеется, что все это происходит во сне Смородина, хотя сам герой уже затрудняется «отличить то, что приснилось, привиделось, вообразилось, от того, что было на самом деле». Эпилог с улетающим малиновым пеликаном, которого сопровождают боевые вертолеты охраны, санитарный, ветеринарный и инкассаторский вертолеты выглядит слабой попыткой свести концы с концами. Реальность существует сама по себе, а художественные обобщения В. Войновича в данном случае, к сожалению, остаются далекими от нее и малоубедительными.

Роман, как и предыдущие произведения В. Войновича, написан на злобу дня: он актуален настолько, насколько уместна здесь научная характеристика в отношении художественного произведения. Сегодня текст задевает за живое, вызывает раздражение, беспокоит, как и положено сатирическому произведению. Однако вряд ли он может считаться художественной удачей и будет столь же интересен по прошествии некоторого времени.

проза

**Даниэль
ВАСИЛЬЕВ**

Родился в 1982 г. Окончил Ташкентский университет информационных технологий. Живет в Москве, работает старшим специалистом отдела информационных технологий СОАО «Русский страховой центр». Участник и лауреат литературного конкурса «Фантрегата». Имеет несколько публикаций в журналах «Порог», «Реальность фантастики». Автор романа «Последняя дворянка».

ОПЕРАЦИЯ «ЯТЬ»

Сказка

В Лохматый лес попасть не трудно даже жителю столицы, всего-то и надо отмотать на железке тысячу верст в километр каждая, затем на попутках добраться до деревни Печорки Сизые, а от Печорок до Лохматого леса рукой подать да ногой поддать. Сразу за Верблюдовой горкой по просеке версты три-четыре, а там уж тропками вдоль речки часа три. А если зима, то напрямки по льду и срезать можно.

Местные-то туда, правду сказать, не ходят, по крайней мере, по трезвости, потому как волки и медведи в том лесу лютуют, а то и еще лешие да кикиморы! Но вы, соплеменники столичные, приезжайте, не стесняйтесь, зверье-то наше вами как закусит, глядишь и подобреет. И вам приключение и нам профит.

По трезвости, говорю, местные в тот лес не ходят, но кто ж в новогоднюю ночь трезвым-то остается? Столетняя бабка Нюра и та под утро на столах выплясывает. Это, говорит, шаманские пляски, смерть отгонять. Бабке Нюре виднее, она с Колумбом взморья шлялась, видать, не одного шамана знавала.

Так вот, прошлым годом случилась в Лохматом лесу с дедом Виталькой новогодняя история, которую он мне лично по скайпу рассказал.

В самый Новый Год дед Виталька изрядно выпил, и что-то ему вдруг до тоски зеленой трюфелей захотелось. Бабка Нюра ему и присоветовала: иди, мол, в Лохматый лес, там трюфелей до бровей. Только (вот ведь ученая какая!) хряка своего возьми, он тебе мигом туесок чудо-грибочков нарое.

Народ над Виталькой посмеялся, да дальше гулянья продолжил. А сам он с тоской своей зеленой по трюфелям заморским тулуп накинул, колпак дедморозовский на плешь натянул, взял хряка Буцефала в поводок и поперся посреди ночи в Лохматый лес.

Долго шел, сморился малость, подумал, что надо бы привал устроить. Ненадолго, дух только перевести. Прилег под елью пушистой, да и задрых богатырским сном. Хряк Буцефал на него посмотрел, повздыхал, копытом у виска покрутил, пятачок к дому своротил, да и пошел себе. Бросил, можно сказать, хозяина на поле битвы, не в пример тезке коню.

Тут из подлеска вывалилась печальная и голодная компания – медведь-шатун Гришка, оголодавший до состояния школьного пособия, волк Петька и Мадонна Анастасьевна, лиса. Петька первым перегар учуял и к мужику под елку кинулся:

– Оу-у-у, оу-у-у! Глядите, ребя, не забыл о нас Дед Мороз-то! Мяска принес, под елочку чин-чином положил! Оу-у-у-у-у-у...

– Да стой ты песни выть, серая сыть, – одернула его Мадонна Анастасьевна. – Это ж местный, дед Виталька. Сожрем его, а на нас потом облаву устроят, с собаками наперегонки бегать заставят на полный желудок. А это, милсдари, для пищеварения совсем не комильфо.

– Нет, не Виталька это, – пробасил мишка Гришка. – Глянь, Анастасьна, колпак-то у него, как у Деда Мороза. Чую провокацию! Давайте лучше его подобру-поздорову отпустим, глядишь, и подарками наградят.

– Позитивно мыслишь, мон амур, – улыбнулась-облизнулась лиса.

– Оу-у! Да какой Дед Мороз? Что я, запах Деда Мороза от вони деда Витальки не отличу, что ль? Да вы сами принимайтесь!

Гришка принял и постановил:

– Самогон. Причем баб Нюрин, навозно-ежевичный.

– Маскировка, мон шеры! – заговорщически прошипела Мадонна Анастасьевна.

– У-у-у-р-р-р! – от отчаянья заплясал на месте серый. Очень уж жрать хотелось. Вот прямо сейчас! – Ладно, давайте его за бороду дернем. Отвалится – съедем! Лады?

Гришка с лисой задумались на пару минут, да и согласились.

– Я считаю, было бы рационально заранее достигнуть консенсуса в том, как будем делить деда потом, а затем уж выносить вердикт евойной бороде, – выступила с предложением Мадонна Анастасьевна.

– Да провалитесь вы пропадом со своим консенсусом, – закричал волк Петька. – Мне б хоть мослов каких, только побыстрее!!!

– Когнитивно предлагаете, – промурлыкала лиса. – Тогда мне пожалуйте фи-лейные места. И ребрышки... ребрышки!

– Ну а мне все остальное, – громыхнул Григорий, заканчивая дележ. – Дергай бороду, серый.

А надо заметить, борода у деда Витальки в тот год отросла ого-го, потому как подаренный мной станок «жилет» он посеял, а старую опасную бритву в карты продул. Ну а седой его борода была уже при царе. Так что проверку на «Деда Мороза» в исполнении волка Петьки дед Виталька прошел на ура. Еще и проснулся.

– Отвяньте, черти, – завел он было свою обычную святицу, но увидел три пары мохнатых ушей, три сотни зубов на трех голодных мордах и мигом протрезвел. А там и брякнул первое, что в голову пришло: – С Новым Годом!

– Говорил я вам, Дед Мороз это, – довольно пробасил мишка Гришка.

– Конгениально! – восхитилась проникательностью друга лиса.

– И вас с Новым Годом, – ворчливо буркнул волк Петька. – А вы точно Дед Мороз, дедушка?

Дед Виталька всегда соображал быстро, когда к стенке припирало, поэтому схватил мысль на лету и уверенно выдал:

– А кто же еще-то, в сам раз Дед Мороз и есть. А вы никак хотели меня съесть?

Последнее проскочило случайно, от страха. Но оказалось неожиданный эффект – волк, лиса и медведь пристыженно опустили глаза и что-то виновато заворчали на три тона.

Дед Виталька от осознания, что избежал сожратия во сне, быстро прошептал молитву Пресвятой Богородице и трижды помолился Деду Морозу. Остатки хмели как рукой сняло.

– Охохонюшки, нехорошо-то как, – усиленно «окая», пожурил Дед Мороз Виталька пристыженных зверей, но, чтобы не дразнить судьбу, скоренько сменил гнев на милость, судорожно соображая, как бы похитрее унести ноги целыми, пока его не раскусили: – Ну да ладно, чего уж там, не серчаю я на вас, ибо матушкой природой сотворены такими. Небось, и подарков хотите?

– Ой хотим, дедушка! – первой сориентировалась и замурлыкала Мадонна Анастасьевна.

– О-у-у-у-у-у, как хотим! – подхватил Петька.

– Благодарствуйте, дедушка, не откажемся, – проявил непривычную вежливость Григорий.

Деда Мороза они боялись жутко: бородатый кудесник так подморозить мог, что уши к носу примерзнут. С другой стороны, подарков хотелось жутко.

Дед Виталька, стараясь сделать это незаметно, прошупал карманы ватника, карманы штанов – пусто, хлопнул себя за пазухой – есть чегой-то!

Это ж я корм собачий намедни купил, – понял дед Виталька, – себе на закуску и бобика своего в честь праздника порадовать.

Накрученный страхом до максимальных оборотов, мозг на полном форсаже моментально выдал план А: надавать мешком с сухим собачьим кормом по наглым волчьим, лисьим и медвежьим рожам и дать деру! Тут же его отбросил и заменил на план Б: рассыпать корм у них перед мордами, а пока те будут его со снега слизывать, вспомнить спринтерскую юность и дать деру. Перебрав еще с десятков вариантов, форсированный дедвиталин мозг остановился на плане Б (то есть «ять»).

– Вот и ладно, любо-дорого, что я вас встретил, детушки лесные, – пробасил он на манер детсадовского деда Мороза. – Но только уж и вы мне прежде помогите: к людям нужно успеть, деткам подарки отнести.

– Помочь-то поможем, дедуля, только бы знать, за что горбатиться придется, – как ему казалось, очень деликатно поставил вопрос ребром Петька.

– Верно серый заметил, – согласился Гришка.

– Уж извольте, дедушка, будьте так любезны, – промурлыкала лиса Анастасьевна, плотоядно облизываясь.

Всем известно, что Дед Мороз все может, а ежели не может, то это и не Дед Мороз вовсе, а самозванец, съесть которого святой долг всякого уважающего традиции Лохматого леса зверя.

– Ай, и не говорите, что хотите – дайте сам угадаю, хо-хо-хо! – деланно захохотал дед Виталька скорее уж на манер Санта Клауса. – Вот ты, лиса, небось, о кусочках жареной курочки мечтаешь, чтобы с хрустящей корочкой? Штук этак тридцать, а лучше и полсотни. Угадал дедушка?

Мадонна Анастасьевна, если уж быть честной, мечтала о коровьей ляжке, но при мысли о целой горе наггетсов пришла в восторг!

– Ох, дедушка! Да, дедушка! Да! Еще!

– Еще? – пригрозил ей пальчиком дед Виталька. – Что ж, тогда будет тебе шестьдесят кусочков. Но больше не дам, захвораешь.

– А ты, серый волк, ушами шелк, – разоидясь и вошедши в роль, дед Виталька панибратски шелкнул Петьку по уху. Волку такая фамильярность совершенно не понравилась, но он дипломатично сдержался, только уши поджал, – не мечтал ли ты всю свою серую жизнь о сотне кусочков сублимированной зайчатинки?

Петька сглотнул судорожно и что есть сил закивал головой.

– Ну а тебе, мишка ко...

– Медку бы! И барашка! А лучше двух. И еще малины с сахаром бидон. Или три бидона!

Вот так весь план «ять» чуть не приказал долг жить. Но дед Виталька уже слишком далеко зашел, чтобы поворачивать на исходную, поэтому стал импровизировать:

– Ай-ай-ай, мед-то отнимать у спящих пчел нехорошо! – мягко пожурил он медведя. Тот обиженно насупился. – И барашков живых в Новый Год драть не позволю, ять! – совсем по дедвитальковски крикнул Дед Мороз. – Давай-ка лучше, косолапый, я тебе полтыши кубов лакомства заморского пожалуйу, какого ты еще не едал никогда.

Шатун Гришка посопел-посопел, чуя подвох (очень уж медка хотелось, да и малинки тоже), но согласился.

– Только чур без обмана, дедушка, – проворчал он, явно намекая на серьезные последствия. – Давай-ка я тебя понесу, чтоб не сбёг.

– А и неси, косолапый, – легко согласился дед Виталька.

Так и пошли они: дед Виталька на лохматой спине медведя, будто орк на варге из Властелина Колец, перед ними Петька нетерпеливыми перебежками разведчика, лиса Мадонна Анастасьевна – в замыкающих.

Как до опушки-то дошли, откуда до оград Печорских рукой подать да ногой поддать, так звери деда к ответу и призвали:

– Дошли, дед, дальше уж сам доковыляешь небось, одаривай давай, – сказал за всех Гришка.

– И одарю, детушки лесные, лохматушки милые. Спасибо вам, ох как подмогли деду Морозу, подсобили, дело доброе сделали, награду заслужили, – запел дед Виталий сизым соловьем. – Токмо вы уж пересчитайте подарочки-то, чтобы обиды какой не вышло. Ладушки?

– Не извольте сомневаться, дедушка, – облизнулась лиса.

Дед Виталька вытащил из-за пазухи, будто из живота своего, пакетик с собачьим кормом, открыл его и насыпал небольшую горсточку так себе пахнувших катышков:

– Вот тебе, лиса, за труды малые шестьдесят кусочков курочки хрустящей, – вообще-то из чьего мяса были сделаны те кусочки, и было ли там мясо вообще, дед Виталька понятия не имел, но кто проверять будет? – Считай внимательно, рыжая красавица!

– Премного благодарна, дедушка Мороз, – оторопело ответила Мадонна Анастасьевна, автоматически принявшись считать. А ну как Дед Мороз ошибся?

– А вот и тебе, серый разбойник, сто кусочков, – улыбнулся через силу дед Виталька, чувствуя, что ходит по тонкому льду. – Считай скорее!

– Разберусь, – бросил Петька, подгребая кучку поближе.

– Ну а тебе, конь мой верный, в мешочке заморском, – дед Виталька пошуршал трехкилограммовым пакетом, – всё, что осталось. А там, глядишь, и побольше, чем договаривались, будет!

– Маловаты что-то кубы-то твои, – недоверчиво проворчал мишка Гришка.

– Так они волшебные! – нашелся дед Виталька. – Не буду же я таскать с собой мешок в тонну весом, правда? Ты, главное, считай, чтоб обману не было. А как счет завершишь, так они и увеличатся в размерах. Только торопись, до рассвета надобно успеть, иначе волшебство-то тютю, протухнет!

Мадонна Анастасьевна, услышав дед Виталькины объяснения, заторопилась пуше прежнего, и дед Виталька здорово разволновался, как бы рыжая не закрыла бухгалтерию прежде, чем он ноги унесет. Но и поспешать он опасался, чтобы зверей не нервировать: у них инстинктом по мозговым извилинам выпилено: кто бежит, того хватай и кусай-кусай-кусай!

– Ну, ребятушки-зверятушки, в сам раз время песенку какую новогоднюю спеть, – предложил он уверенным тоном. – Елочку, скажем, маленькую, которой холодно в лесу, али про ту, что в лесу родилась.

Звери, сбившись со счета, хором посмотрели на деда, как на сумасшедшего.

– Дед, ты, может, пойдешь, а? Рассвет скоро, то, да сё... Не в обиду, лады? – высказал общее мнение Гришка. – А у нас тут дела срочные, не до песенок.

– Эк вы несговорчивы, – опечалился дед Виталька. – Что ж, и правда пойду. С Новым Годом, звери лохматые, счастья вам и добычи богатой!

– И тебя, Дед Мороз, с Новым Годом, – так же хором ответили растрогавшиеся хищники.

Тут и сказу конец и делу венец, а кто слушал, тот мудрец, и в лес Лохматый без собачьего корма носа не сунет. А от меня и деда Витальки всем вам:

С Новым Годом!!!

литературоведение. литературная критика

**Рафаэль
АХМЕДОВ**

Родился в 1984 г. Окончил УзГУМЯ. Преподаватель кафедры англ. яз. и литературы Гулистанского государственного университета, автор многочисленных статей по англо-американской литературе и по теории литературы.

ЗВЕЗДНЫЙ СКИТАЛЕЦ ИЗ ХИВЫ

Николай Константинович Гацунаев родился 12 октября 1933 года в Хиве, детство провел в Ургенче, окончил Ташкентский государственный педагогический институт иностранных языков, работал в Хорезмской области сельским учителем, позже – преподавателем в Хорезмском государственном педагогическом институте. Около десяти лет посвятил журналистике: работал в областной газете «Хорезмская правда», на телевидении, в ташкентском издательстве литературы и искусства имени Гафура Гуляма, с 1990 года был секретарем правления Союза писателей Узбекистана.

Литературная деятельность Николая Гацунаева началась в конце 50-х годов, когда появились первые стихи о Хиве, городе, где он родился в 1933 г., такие как «Баллада о флаге», «В эти дни», «Ночь-трассе», «Дыни», «О Хиве». Более 30 произведений автор собрал в книгах поэзии «Правота», «Алые облака», «Дэв-кала»¹, «Город детства»². Его перу принадлежат переводы стихотворений узбекских поэтов: Агахи, Аваза Утара, Муниса Хорезми, Камила Хорезми, и писателей Рузмата Атаева, Рахима Бекнияза, Амана Матчана, Эгама Рахима, Джуманияза Джаббара и многих других.

В 60-е годы у Николая Гацунаева появляется очерк «Большой путь», реалистические повести «Айбугир», «Эхо далекой грозы» и «Непрочитанное письмо», впоследствии переименованная в «Серая кошка в номере на четыре персоны»³. Его перу также принадлежит труд «Географы и путешественники: Краткий биографический словарь», изданный в 2000 году. Н. Гацунаев перевёл с узбекского языка повести С. Анарбаева «Прогулки по саду», Учкуна Назарова «Листопад» и «Водоворот». Является составителем сборника фантастики «Ветер

¹ Гацунаев, Н. Дэв-Кала: Стихи. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1974. – 76 с.

² Гацунаев, Н. Город детства: Стихи и поэма. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1979. – 152 с.

³ Гацунаев, Н. Серая кошка в номере на четыре персоны. // Звезда Востока, 1981, № 9, с.123–164.

времени» и автором сценариев телевизионных документальных фильмов «Трое из трехсот», «Хива», «Автограф на века».

Во второй половине 1980-х годов Геннадий Прашкевич и Николай Гацунаев подготовили к изданию двухтомную антологию, в которую должны были войти лучшие фантастические произведения периода с 1917-го по 1957-ой год, но этот проект не успел реализоваться.

Большую часть жизни писатель прожил в Ташкенте. С 1995 года, выйдя на пенсию, живёт в Подмосковье. В 1988 году Н. Гацунаев был одним из руководителей семинаров «Дурмень-88» (Ташкент) и «Борисфен-88» (Днепропетровск).

Его друг фантаст Г. Прашкевич вспоминает о писателе: «Первое слово, произнесенное им [Гацунаевым, прим. автора], было – “соат” (“часы”), о чем он впоследствии и писал...».¹

Естественно, мы не можем утверждать, что Николай Гацунаев первым отправился путешествовать во времени, со временем, верхом на времени. Путешествие во времени – весьма распространенный мотив в фантастической литературе. В отличие от многих других он открывает перед писателем поистине безграничные перспективы раздумий над вопросами, обладающими непреходящей злободневностью. («И грянул гром» Рея Брэдбери, «Конец вечности» Айзека Азимова, «Трудно быть богом» братьев Стругацких и др.).

Таким образом, были достаточно авторитетные предшественники; и, принимаясь за роман о путешествии во времени, Николай Гацунаев принимал на себя весьма серьезные моральные и эстетические обязательства, учитывая, что эффекты времени издавна использовались корифеями научной фантастики. Роман «Звёздный скиталец»² – своеобразное, специфическое произведение, одновременно продолжающее традиции классической научной фантастики и открывающее новые особенности жанра. Автор «Звездного скитальца» постоянно ощущал как бы давление со стороны собственной совести, чувствовал испытующий взгляд «продолжаемых» классиков. И надо сразу сказать, что обращение азиатского фантаста к старой традиции не стало пустой претензией. С первых строк романа автор обозначил свою творческую позицию, включив в число повествовательных параметров всевозможные каноны, сформулированные классикой. Он решительно заявил себя ее учеником и последователем и честно обозначил те свои идейные и повествовательные рубежи, которые делают его роман самобытным явлением современной фантастики. Житель XXIII века мелкий служащий Эрнст Симмонс, получив повестку о призыве в армию, с помощью портативной машины времени со своей возлюбленной сбегает из своего военно-бюрократического государства и попадает в Среднюю Азию конца XIX века, в Хивинское ханство 1878 года. Там, совершая вылазки в разные исторические эпохи, он методом проб и ошибок пытается изменить ход истории, но в итоге возвращается в свое суровое время, чтобы бороться с несправедливостью и антигуманностью.

Некоторые критики находят в этом романе подражание Марку Твену, его роману «Янки при дворе короля Артура». Но следует отметить, что это не так

¹ Прашкевич, Г. Машина времени: Узбекская фантастика сегодня // Правда Востока, 1988, № 29, с.4.

² Гацунаев, Н. Звездный скиталец: Фантастика, приключения. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1985. – 480 с.

по трём очевидным причинам. Во-первых, в хивинских эпизодах автор обнаруживает талант писателя-этнографа, тонкого живописца нравов, потенциально-го мастера исторического жанра. Во-вторых, Николай Гацунаев проводит через своего героя оригинальную, ранее не использованную другими писателями-фантастами мысль о том, что, даже зная, что его ждет, человек должен нести в завтра свой идеал, оставаться самим собой. В-третьих, Николай Гацунаев – эмоциональный беллетрист, и тема любви Симмонса и Эльсиноры – важнейшая событийная и лирическая линия романа. Если добавить, что Эльсинора втайне от Симмонса и от читателя выступает в романе как бы двойным путешественником во времени (она представительница ХХХ века, работник «Института наблюдений и контроля над прошлым»), то самобытность романа станет еще очевидней, как и его сложность, причем сложность органичная, нерасчленимая.

Писателю хватило опыта и мастерства для воплощения как фантастического, исторического, так и лирического замысла. Пишет он легко, воодушевленно, и читается роман на одном дыхании.

«Звездный скиталец» продолжает традиции мастеров современной научной фантастики, ставя проблему необратимости человеческого деяния, ответственности каждого за судьбы других, за счастье грядущих поколений. Не раздумывая бросается под падающую колокольную, чтобы вынести шестилетнюю девочку, Андрей Рудаков. Ради спасения человеческой жизни решается на смертельно опасный эксперимент Сандро Метревели. По своей воле вступает в схватку с особо опасным вооруженным преступником Халида Дадабекова. Зная, что ей суждено погибнуть в бою, рвется на фронт Ева Аллабергенова... Разные профессии, возраст, склад характера, но общее для всех обостренное чувство гражданского долга, готовность к самопожертвованию, причем как само собой разумеющееся.

Автор продолжает традицию и в сборнике повестей «Экспресс “Надежда”» («Экспресс “Надежда”», «Пришельцы», «Западня» и другие). Тематика их разнообразна: это и проблемы Арала, и Вторая мировая война, и гипотетические контакты людей с представителями внеземных цивилизаций. Несмотря на разнообразие исследуемого, автор утверждает, что все в этом мире связано, ничто не проходит бесследно: ни смерть хорошего человека, ни ложь плохого. События прошлого, философски осмысленные и тесно переплетенные с настоящим и будущим, пробуждают у читателя глубокое чувство сопереживания и причастности ко всему происходящему на земле.

Гацунаев-прозаик – беллетрист в первую очередь, отсюда влечение к остроконфликтным ситуациям, участники которых занимают по отношению друг к другу неустойчивые позиции, – то совпадающие, то внезапно распадающиеся. Вот такие совпадения-распады и составляют основу сюжетного мотива большинства произведений писателя.

В силу обстоятельств герои сборника попадают из огня в полымя, впадают из крайности в крайность, стремятся преодолеть этот событийный вихрь, сохранить себя, победить, сберечь свою мечту.

Интенсивность человеческих взаимоотношений зачастую – предел возможного и даже предел вообразимого. Так формируется в повестях «Концерт для фортепьяно с оркестром»¹, «Экспресс “Надежда”»², «Западня»,

¹ Гацунаев, Н. Концерт для фортепьяно с оркестром. // Звезда Востока, 1980, № 9, с.190–216.

² Гацунаев, Н. Экспресс «Надежда». // Послы млечного пути. – Ташкент: Ёш гвардия, 1990, с.75–144.

«Пришельцы»¹, «Не оброни яблоко»² особая жанровая реальность, в условиях которой осуществимы любые психологические допущения... Мелодрама с элементами фантастики, или фантастика с элементами мелодрамы.

Мелодрама нередко трактуется как «низкий» жанр, слезливый, сентиментальный, не очень правдивый. Но это предубеждение. Мелодрама – жанр эмоциональных гипербола. И так же, как нельзя считать гиперболу, метафору или метонимию «плохим» приемом, нет морального и эстетического права относить мелодраму к «плохим» жанрам. Мелодраматическое произведение плохо, если оно плохо написано, если мелодраматизм возникает помимо воли автора, наподобие нежелательных побочных эффектов от лекарств в медицине.

У Николая Гацунаева мелодраматизм – запланированный. Это и есть тот художественный эффект, которым автор намерен был воспользоваться. А в таком случае писателя, как и во всех аналогичных ситуациях, допустимо судить лишь исходя из законов жанра или его замысла и художественного воплощения. Ибо нельзя требовать, например, от футболиста, чтобы он придерживался волейбольных правил, а от ученого – сноровки, необходимой спортсмену.

Основной мотив сборника – ответственность человека перед близкими, перед друзьями, перед родиной, перед человечеством. Именно так, по нарастающей, разворачиваются в повести «Экспресс "Надежда"» нравственные искания главного героя, которому предоставляется возможность сделать выбор между благополучным созерцательным покоем и жертвенностью во имя чужого счастья – индивидуального на первый взгляд, но на поверку – общего.

В повести «Пришельцы» на весах научно-фантастической гипотезы сравниваются различные подходы к иноземным цивилизациям, но прежде всего к земным ценностям и радостям. Гуманизм вступает с бездуховностью в суровый поединок (который изображен с подлинным драматизмом, с азартным чувством тайны, динамично и дружинисто).

Экологическая трагедия, постигшая регион Аральского моря, нашла свое необычное отражение в повести «Западня». Гиперболизированный образ гибнущего моря, которое поднимается на свою защиту, думается, один из наиболее оригинальных и впечатляющих образов в книге. Гибель Аральского моря и вызванная этим процессом деградация природной среды в регионе квалифицируются как экологическая катастрофа. Возникновение пыльных и солевых бурь, опустынивание земель обширных территорий не только Приаралья, но и значительно удаленных от моря, изменение климата и ландшафта – вот далеко не полный перечень последствий катастрофы. В Приаралье в связи с высыханием Аральского моря возник сложный комплекс экологических, социально-экономических и демографических проблем, имеющих по происхождению и уровню последствий международный, глобальный характер. Повесть пронизана любовью автора к родному краю, беспокойством за его судьбу, сопереживанием людям, живущим в районе экологического бедствия.

«Концерт для фортепьяно с оркестром» – повесть, обращенная к духовной

¹ Гацунаев, Н. Пришельцы: Повесть. // Звезда Востока, 1988, № 5, с.184–206; № 6, с.186–207.

² Гацунаев, Н. Не оброни яблоко. // Смена, 1981, № 18, с.8–11.

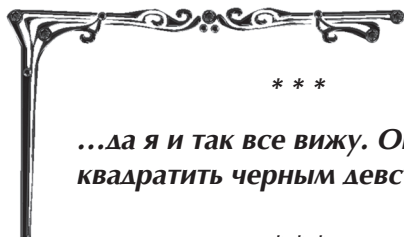
жизни человека. Ее герой Сандро Метревели – главная авторская находка. Любопытны некоторые сюжетные решения научно-фантастического толка, связанные с фигурой Андрея Рудакова (аппарат, соединяющий одну психику с другой; психологические способы предвидения землетрясений).

Талантливо написанный рассказ «Не оброни яблоко» трогает своим лиризмом, точностью красок, проникновенностью интонации. Чтобы сохранить и подчеркнуть эти качества, чтоб «не обронить яблоко», читателю следовало бы, на мой взгляд, оставить без внимания некоторые художественно необоснованные претензии автора. Рассказ на притчу «не тянет». И, значит, не надо «читать» его как притчу, переоценивая многозначительность героев.

Стилистика остросюжетной прозы не переносит излишней метафоризации, она незаметна, но оказывает сильное влияние на читателя.

Почти все герои Николая Гацунаева – разные и непохожие – так или иначе связаны с Хивой, с Хорезмом, каждый из них на свой лад своеобразная вариация на близкую автору биографическую тему.

Писатель-фантаст Геннадий Прашкевич писал, что он был свидетелем того, как «под куполами Сарай Базар Дарбазы кипел котел страстей, подогреваемый звуками узбекской, каракалпакской, корейской, русской, туркменской, татарской, даже гуцульской речи... О чем бы впоследствии он ни писал, всегда тянулись перед ним необъятная, подернутая синей дымкой коричневая ширь Амударьи, караваны барж, дощатые причалы давно уже несуществующих пристаней Кипчак и Чалыш, невероятная синева неба, бессмысленные лунные пейзажи Джимур-тау, древние как мир, и звучные, как музыка, речные городища Бургут-кала, Пиль-кала, Кыркыз-кала, Койкырылган-кала... В лучших своих произведениях он никогда не уходил за песчаные берега любимого им волшебного Аральского моря – голубого, полного жизни»¹.

* * *

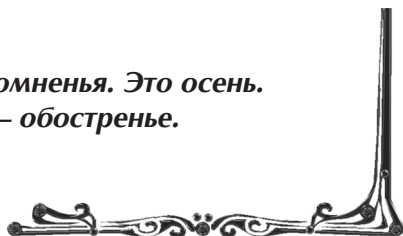
***...да я и так все вижу. Ой, не надо
квадратить черным девственный мой мозг.***

* * *

***прошу внимания: модели от кутюр!
Ну надо же как все конгениально...***

* * *

***какие могут быть сомненья. Это осень.
А я уж было думал – обостренье.***

¹ Прашкевич, Г. Машина времени: Узбекская фантастика сегодня // Правда Востока, 1988, № 29, с.4.

переводы

НЕ ВОЗРАЗИШЬ...

В наш мобильный, скоростной век люди стараются в кратчайший срок успеть сделать как можно больше. Безусловно, надо идти в ногу со временем. Потому и захотелось поделиться своими краткими рассказами. В мировой литературе есть опыт их написания: если существуют стихи из одной строки, разве не имеют право на жизнь рассказы из двух-трех предложений? Ведь суть рассказа часто заключается в одной фразе. «Обычно всякое произведение пишется ради одного слова или одной строки, одной мысли», – справедливо заметил знаменитый литературовед Тальят Салихов. Мои короткие рассказы – экспериментальные искания на этом поприще.

ТЕПЛО

Ты посмотрела в зеркало и тут же ушла. Я прижался щекой к зеркалу – оно было теплым!!!

УЗЫ

Что связывает небо с землей? Невозможность существования одного без другого. По-настоящему любящие сердца именно таковы!

СУШНОСТЬ

Решив, что мы едины, начал искать себя во дворце твоей души. Увы, ни тебя, ни себя я там не нашел...

НАХОДКА

«Что ты находишь в книгах?» – съязвил невежа.
«Все, кроме тебя», – подумал мудрец.

ЖЕМЧУЖИНА

«Дорогая, дай мне шанс исправить ошибку», – умолял влюбленный. Возлюбленная опустила глаза: ей нечего было дать, кроме своего сердца.

КТО ТЫ ТЕПЕРЬ?

Он, изо всех сил держась за трибуну, чернил бывший советский строй. Так старался, что на трибуне остались *красные*... пятна – отпечатки его рук.

**Адхамбек
АЛИМБЕКОВ**

Родился в 1954 г. в Чимкенте. Окончил факультет узбекской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Автор литературоведческих статей, двух монографий и трех учебных пособий по узбекской, турецкой и русской литературе.

ПЛАУТ

Хотя на улице лил дождь, он зашел в помещение совершенно сухим.

БОЛЬШОЕ ДЕЛО

Пуговица: «Не стоит ко мне относиться пренебрежительно, считая меня маленькой. Дело мое большое – соединять».

ТРЕСК

Начал писать тебе письмо – сломался грифель карандаша, не смог понять, может, этот треск – отзвук моего сердца?..

СЧАСТЬЕ

Попросили написать рассказ о счастье – написал: счастье – это когда не знаешь, что ты несчастлив.

РАЗЛУКА

Влюбленные любят уподоблять себя двум половинкам яблока, как бы заведомо предопределяя разлуку.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

От рекламы рябит в глазах. «Берегите газ, воду, свет...» Но почему никто не скажет: «Берегите нервы!»

ЗАМЕЧАНИЕ

«Ты знаешь, за тебя я могу отдать жизнь, себя не пожалею», – заявил один. «А нашел ли ты себя?» – подумал другой.

ДОСАДА

Слово, примененное не к месту, подумало: «Как хочется дать пощечину тому, кто меня употребил!»

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Цветок в горшке начал чахнуть. Сколько я ни ухаживал – все тщетно. Но окутал горшок твоим шелковым платком – и он ожил...

МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН

Везет же тебе: ты чемпион среди модных вещей! Но сближаешь ли ты людей?..

НАДМЕННОСТЬ

«Стан красавицы сравнивают со мной!» – гордился кипарис. И ему было невдомек, что по жесткости он не уступает железу.

ОТКРЫТОСТЬ

Уши его были открыты сплетням, рот – непристойным словам.
И ушел в мир иной он с открытыми глазами.

ПАРАДОКС

– Я тебя безумно люблю, – заклинал юноша.
– Мне не нужна любовь безумца, – высокомерно ответила девушка.

АРТИСТ

Обиженная на возлюбленного, девушка сетовала:

- Неужели все, что ты мне говорил до сих пор, было неправдой?
- Я исполнял под фонограмму, – цинично ответил он.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ

С чем можно сравнить чистую воду? С чистой совестью.

ОСМЫСЛЕНИЕ

Когда жизнь прекрасна? Когда окружающие тебя понимают.

ЗАБОТЛИВОСТЬ

– Хочу навестить папаню, – делая покупку в супермаркете, важно и с достоинством сказал богач встретившемуся знакомому.

Его шикарная машина остановилась возле дома престарелых.

МЕЧТА...

- Дедушка, на кого ты хотел бы быть похожим? – ласково спросил внук.
- На тебя, малыш, на тебя, – вздохнул дед.

ЗАЧЕМ ЖЕ...

Если солнце не светит – нет жизни. Но оно делает невидимыми звезды – украшение небес.

БЕССМЕРТИЕ

Проявляется в степени полезности людям.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Шип розы тешит себя: «Садовник меня поливает, потому что любит». Он не догадывается, что поливают не его, а розу.

ПОЧЕМУ?

Земля вертится вокруг своей оси в бесконечной Вселенной, не сходя с орбиты. Подобно ей, человек, который нашел себя, не сходит с выбранного пути.

ПОГОНЯ

Чем дальше от света, тем тень длиннее, в конечном итоге она исчезнет. Те, кто ценит масштабы, обратите внимание и на свою тень.

ОПРОМЕТЧИВОСТЬ

Легкий теплый ветерок несколько дней ласкал почки деревьев. Счастливые бутоны распахнулись раньше срока, но, к сожалению, им пришлось погибнуть от стужи в следующую же ночь.

МЕСТЬ

Он погиб. Но его лицо выражало удовлетворение.

ЗАСЫХАНИЕ

Дерево засыхает от недостатка влаги, а человек – от недостатка добра.

ТОПОЛЯ

«Вечно в тебя кидают камни, палками сбивают твои плоды», – смеялись над урюком гордо стоящие в ряд тополя.

Но урюк продолжает цвести каждую весну. А тополя уже вырублены.

УДАР

Силач, не моргнувший глазом от удара кулаком по лицу, застонал от удара словом по его сердцу.

ЧИСТОТА

Почему солнце отражается в капле?

Потому что она чиста и прозрачна.

СООТВЕТСТВИЕ

Если крылья, то не куриные, – умеющие летать.

Если ноги, то не черепаши, – умеющие бегать.

Во всем желательно соответствие, иначе...

ГОЛОС

Позвонил – было занято. Неужели это и есть твой голос?..

ПОЛЬЗА

В медицине в лечебных целях пользуются ядами змеи, пчелы, скорпиона. А твой яд не приносит ни вреда, ни пользы. И сам не умрешь, да и не убьешь никого...

УЛЫБКА

Когда сияет, улыбается солнце, тает снег на камнях, сияет весь белый свет. Лишь одной улыбкой можно наполнить светом душу. Не забудь, улыбнись...

Перевод с узбекского Шахло КАСЫМОВОЙ

Шахло КАСЫМОВА

Родилась в 1964 г. в Ташкенте. Окончила финансово-экономический факультет Ташкентского института народного хозяйства. Увлекается переводом.